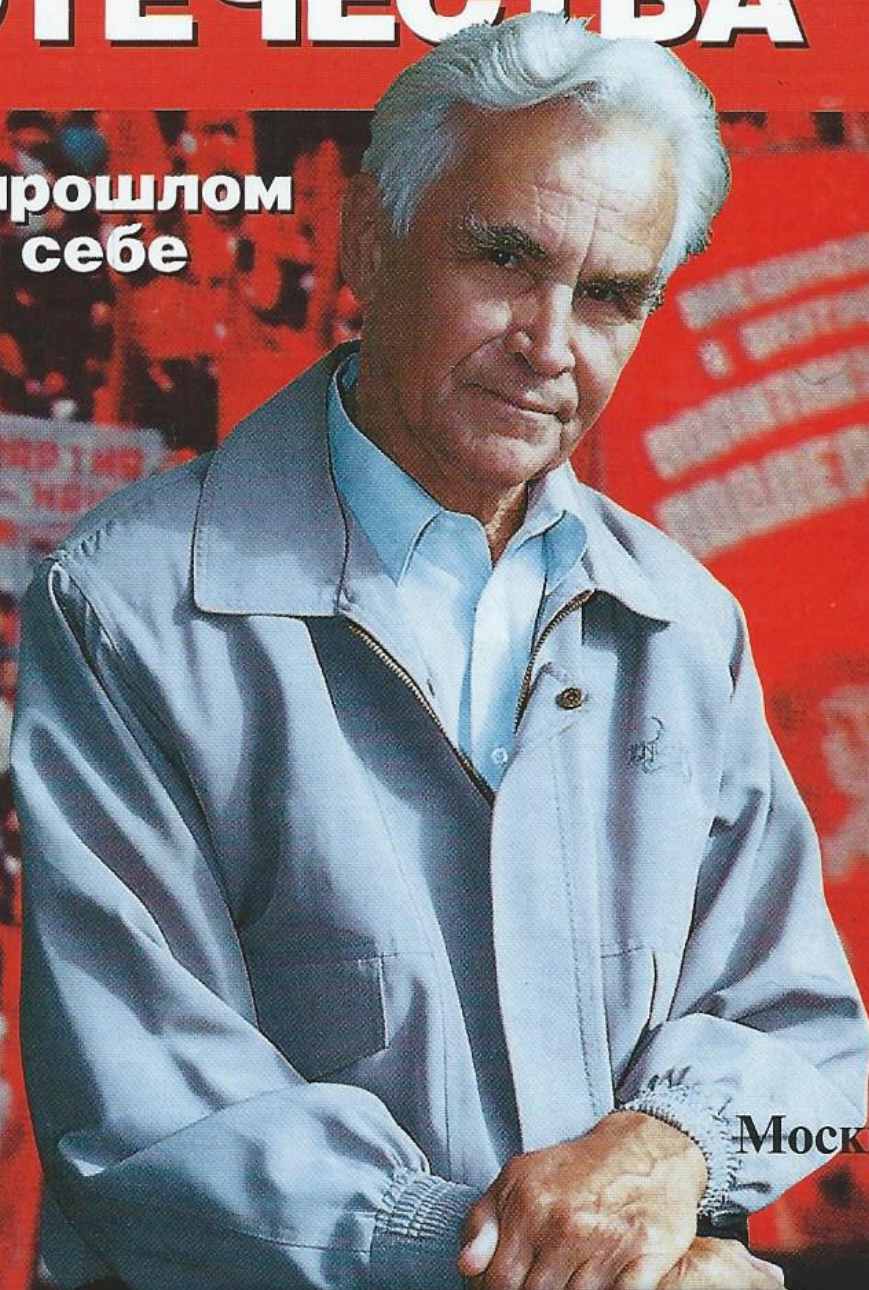


Иван Черепанов

МОЯ СУДЬБА — В СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВА

О прошлом
и о себе



Москва 2001

Черепанов И. М. МОЯ СУДЬБА — В СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВА.

О прошлом и о себе.

— М.: Современные тетради, 2001. — 128 с., 48] с. ил.

— Библиотека «Созвездие Московского Меридиана» издательства «Современные тетради».

ISBN 5-88289-174-4

Предисловие

Тему «О прошлом и о себе» для личных воспоминаний выбирал долго, придирчиво. И вот почему.

Смотреть на перекате двух тысячелетий на недавнее прошлое своего Отечества в кривых зеркалах телеэкрана, радио и прочих «независимых» СМИ пожилым людям больно, а молодым — вредно.

Новейшая история Отечества в конце 80-х и особенно в 90-е годы минувшего XX века цинично перекрашивается в черно-белый цвет. На период до перестроек и реформ 80-90-х годов опрокинут ушат грязи, а на последние полтора десятилетия несправедливо наложена печать великих преобразований. И теперь огромный ком лжи по инерции катится, сбивая с толку, лишая твердой почвы тех, кто прошлого не пережил и потому его не знает.

Любезный читатель, предлагаю обозреть минувшие десятилетия через мою жизнь, жизнь человека, помнящего довоенные тридцатые, военные сороковые и в труде прожившего пять десятков послевоенных лет. Заверяю, кривых зеркал для обозрения прошлого в моем повествовании не будет.

Не претендую на пространные обобщения. Но, вглядываясь в свои 70 с лишним лет, вижу, как на каждый год жизни свой отпечаток накладывала история и судьба Отечества. Уже «еду с ярмарки». Однако ведь не столь важно, что с ярмарки едешь. Важно — с чем едешь. О том и дерзну рассказать.

Нет в том моей заслуги, но в судьбу мою целая эпоха сама закодировала свои приметы. Я активно жил в советскую пору и в постсоветский период. Изначально познал жизнь в самом чреве России — в вятской деревне, лишь после того оказался на столичном асфальте.

Вот почему осмелюсь пригласить тебя, любезный читатель, в мир

своих воспоминаний «о прошлом и о себе». Перед тобой исповедуется гражданин России 1929 года рождения, отправившийся в 18 лет из типично русской деревни в сотню дворов за знаниями в Москву. Шаг для послевоенных лет был смелый. Таких дерзновенных в нашем околотке оказалось лишь двое.

Когда в 1947 году добрался до Москвы, остро осознал, что в этом огромном городе и всей его округе нет ни знакомых, ни родных. А ныне — тысячи соратников, друзей, единомышленников. Здесь пройдено много ступеней взросления, воспринято немало поучительных уроков, познаны и радости, и огорчения. Было достаточно времени для раздумий о сути бытия, о текущих событиях. Жизнь в 80-е годы вознесла меня к руководству столичной областью с населением свыше шести миллионов человек. Последовало избрание депутатом Верховного Совета РСФСР, кандидатом в члены ЦК КПСС. Горизонт обзора общественно-политической жизни широко раздвинулся по всем направлениям.

Свою летопись посвящаю внукам Ивану, Сергею, Алексею, Александру. Им и их сверстникам у нашего поколения есть что перенять. Доброго пути вам, милые мои дальнбойщики XXI века.



Как и где вступал в жизнь

Появиться на свет, делать первые шаги по жизни довелось на лоне исконно русской природы, раздольном берегу реки Вятки. Поныне не покидает щемящее чувство Родины при воспоминаниях об этом благодатном уголке России.

Деревня Горы, в которой прошли первые 18 лет жизни, выскочила на пригорок в пяти километрах севернее райцентра с красивым, лиричным названием Вятские Поляны. Настоящих гор во всей округе не было и в помине. В лучшем случае — холмы, а вместо горных ущелий — овраги.

Родная улица выстроилась в одну линию деревенских изб, обративших взор своих окон на юг. Улица по достоинству носила название «Красная». Зеленый травяной уличный ковер делал деревню уютной и опрятной. Зимой вся округа укрывалась белоснежным одеялом и под его покровом жизнь обретала какой-то особый покой, величие и умиротворение.

А в прочем — деревня как деревня. Со всем ее богатством и убожеством. Очагами общения, кроме уютных уличных скамеек, были начальная школа и «пожарка» с парой лошадей да бочкой воды с ручным насосом. Но именно в «пожарке» появлялась кинопередвижка. Показ любого фильма, многократно прерывавшегося из-за обрыва киноленты, был для жителей деревни событием. Особенное восхищение вызывал «Чапаев», неоднократно показанный под сводами помещения пожарной команды, состоявшей из одного брандмейстера и двух упомянутых лошадей.

Ни храма, ни погоста деревня не имела. Электричество и радио пришли в Горы лишь в 50-е годы. Тем более яркой казалась в нашем доме "тридцатилетняя» лампа с большим розовым абажуром. Зажигали ее по престольным праздникам. Керосин был в цене.

Все скрашивала чудесная природа. Величественно катила в Каму свои воды Вятка, в те поры не знавшая человеческого наваждения, полная рыбы. За Вяткой на востоке — бескрайний лес, богатый ягодами, рыжиками, груздями, боровиками. Но детская фантазия почему-то влекла за горизонт на запад. Где-то там была Москва, там каждый вечер пряталось солнце. Вскоре выяснилось, что сразу за горизонтом находится татарский поселок Пенигерь. Всего-то!

Но возвращаюсь к своему рождению. Был я у родителей третьим ребенком. Желанным. После двух дочерей — сын. Отец желал иметь Константина. Имя в христианском мире достославное. Крестить меня довелось трем Иванам, закадычным друзьям отца. Среди них был и мой дядя Иван Михайлович Черепанов. Отец всегда подшучивал над этой троицей Иванов. И поплатился в имени моем. В пику отцу крестные родители нарекли доверенного им ребенка Иваном. Я на своих крестных отцов не в обиде.

Рассказывают, что вскоре после крещения жизнь мою чуть было не оборвала корь. Деревенская бабка — знахарка, обследовав болезненное дитя, изрекла: «Не жилец...». Но я оказался «своеобычным», пошел против деревенского авторитета и выжил.

Лишь бы выжить — мало счастья. Изначально оно, это желанное счастье, зависит от того, в какую реку жизни человек вошел в молодости. Страшно попасть в мутный поток лжи, бессердечия и безнравственности, оказаться в зверином, зоологическом жестоком мире. В него за последнее десятилетие XX века в России были сброшены, как в ров с хищниками и ползучими гадами, тысячи ребятишек.

Мне повезло. Деревенское детство пришлось на тридцатые годы и протекало вдали от эпицентра жестких разборок за власть. Политические катаклизмы Арбата наших краев не достигали. А ведь это была большая часть России. Она жила своей жизнью, совсем не так, как это прописано тысячу раз в современных книгах, газетах, журналах.

Интеллигенции свойственно обобщать свои личные переживания и распространять их на весь народ. В том суть интеллигентского высокомерия, кое присуще многим представителям тонкого элитарного слоя общества.

Не согласен я с исключительно порочным живописанием тридцатых годов. Не выбросить из них трагедию тысяч людей, подвергнутых репрессиям. Но в упомянутом десятилетии состоялось рождение великой державы, сформировались экономические, нравственные, интеллектуальные основы общества, которые оказалось не под силу сокрушить ^ страшному, полярному нам фашистскому миру.

Конечно, в прошлом всегда можно найти лужу грязи. И, не поднимая глаз от болотины, живописать ее длинно, иногда даже талантливо. И в то же время целомудренно не замечать трясину современного бытия. Ведь усопшие не казнят, а ныне власть имущие раздают вознаграждения. Бесчестно так относиться и к прошлому, и к настоящему.

В моем прошлом многое заслуживает добрых слов и памяти. Российская деревня была и остается самобытной школой воспитания, крепкой кладовой народных традиций. В деревенской среде органично, непререкаемо утверждался библейский канон: «почитай отца твоего и мать твою...». В каждой семье был свой Авраам — прародитель. Для горыньских селян наша фамилия Черепановы почти ничего не значила. Все мы были Стешины. В этом проявлялся культ моей бабки Стеши — Степаниды Степановны. Она беспрекословно признавалась главой семьи не только по возрасту, но также по уму и нраву. Так было во всей округе. Наши соседи Зверевы известны лишь как Ермолаевы. Возглавлял эту семью мудрый мужик Ермолай. Семейные кланы Селезневых воспринимались всеми, как Романовы или Николаевы потому, что стержнем их были Роман и Николай.

Так в сознание входило глубокое, незыблемое почтение к старшему. Оно распространялось на родителей и других родственников, создавало четкие правила поведения в семье, великую ответственность старших за младших, а со временем — заботу младших о старших. Думаю, что эти чувства побудили меня с почетом довести до глубокой старости и неминуемого смертного часа свою маму и родителей жены Марины Сергеевны. Отец покинул нашу семью незадолго до моего рождения. Но и его в последний путь довелось провожать мне.

К сожалению, каноны почтительных человеческих отношений постсоветская светская мораль размывает. Уже сами по себе издевательские, очерняющие прошлое измышления новоявленных летописцев разрушают почтение к целому поколению советских людей, славных своими трудовыми и ратными подвигами.

Исхудать мораль, нравственность могут заметно и быстро, если прошлые традиции выпадут из жизненной системы воспитания, если к ним не будет проявлено молитвенного благоговения. Я не голословен. Посмотрите, как переполнены дома престарелых стариками, как катастрофически растет число беспризорных подростков.

И то, и другое тревожно. Утерев почтение к старшим, люди попадают в животный, зоологический мир, где забота о потомстве не уступает человеческой любви к детям, но

вот призрения собрата на закате жизни нет. А родителей, бросивших свое дитя, и со зверем сравнить нельзя. Такое в деревне помыслить было даже невозможно.

Сельская жизнь с малых лет естественно и неотвратимо прививала трудолюбие. Водопровода в доме нет. За водичку и зимой, и летом многожды поклонись колодцу. И не только для того, чтобы свою жажду утолить. В хозяйстве — корова, пять-шесть овец, поросенок, а то и два. Тоже ведь без воды жить не могут. Да и корм им всем подавай. Огромная печь каждодневно запрашивала две-три охапки дров, а в зимнюю стужу и того более. Все повседневно в деревенской жизни требовало труда. Притом в значительной мере мужского. А мужик в нашей большой семье фактически был я. Сказал уже выше, что отец покинул нас незадолго до моего рождения. Мой дядька — крестный Иван Михайлович, неисправимый холостяк, тоже в отчет деревенском доме не прижился. С утра до ночи пропадал на службе в райцентре. А на второй год войны был призван в армию и по дороге на фронт погиб от вражеских авиабомб в калужских лесах.

В нескончаемых трудах была вся наша семья. «Трудкшонию» возглавляла, как уже упоминалось, мать моего отца Степанида Степановна. В глазах и сейчас воскрешается картина: бабушка Стеша поднимается в горку от колодца к дому. На плечах тяжело качается коромысло с двумя ведрами воды. А в подоле тащит с огорода что-либо для семьи или для скотины. Не ходила эта женщина ни шагу «порожняком». Каждый час, каждая минута — в труде. Ее дочь, моя тетка Мина без устали трудилась в колхозе, да и по дому многое успевала делать. Две сестры, обе старше меня, тоже были постоянно чем-то нагружены.

Особое слово — о маме. Это поистине неутомимая трудовая пчелка. «На руках» — трое детей. И всех вывела в люди. А какая она была стряпуха и портниха. Лучше Шуры Стешиных в этих делах во всей деревне мастерицы не было. Она же была нашим семейным купцом. Все излишки продуктов с огорода умудрялась выгодно продать на районном рынке, либо пассажирам проходящих мимо в Сибирь и из Сибири поездов. Это был основной источник денежных доходов семьи.

Поистине, к трудовым подвигам мамы можно отнести ее работу в военные годы в колхозе «на лошадях». Исконно это было под силу только мужикам. Но в те годы они были на фронте. Приходилось зимой за 15-20 километров ездить за сеном и дровами. Тягло в колхозе осталось худосочное. Вся справная лошадиная сила была в войсках. На оставшихся лошаденках не работа, а мучение. Хоть сам в оглобли влезай. И все же славная русская женщина Шура Стешиных с этой работой справлялась.

Но однажды случилась беда. Где-то на зимней дороге, на раскате, подвернулась под сани нога и в лодыжке порвались связки. Эту беду она превозмогла и вскоре вновь неутомно трудилась по дому и в колхозе. Однако через четыре десятка лет травма безжалостно аукнулась: с поцарапанного места ноги поползла вверх гангрена. После операции моя старушка оказалась в инвалидной коляске. Ограниченность движений сократила жизнь неутомной труженицы. В 94-м году мы похоронили ее вдали от родных Гор на Химкинском кладбище.

Вернусь к своему детству. Парнишка в 10 лет на деревне — уже мужик. Потому забота о дровишках, которые, вестимо, надо было промышлять в лесу, лежала в значительной мере на моих плечах. Распилить, наколоть дрова, уложить их в поленницу — тоже дело мужское. Да и весь дом требовал ухода. Худая крыша, покосившееся крыльцо, да мало ли

что еще взывало к себе мужские руки, это лучше всякой нудной дидактики и нравоучений воспитывало трудолюбие.

Главная тяжесть труда была на земле. Каждая семья имела собственный надел в полгектара. Пятьдесят соток кормили нас, да и государству с них перепало-немало в виде натурального налога. Средства труда на земле — лопата, руки да ноги, Лошадку в колхозе давали лишь на весеннюю вспашку земли под картофель. Посадка, уход за каждой грядкой, уборка урожая — все чисто рукопашный крестьянский труд. Но как приятны плоды этого труда!

Особо хочу высветить колхозный строй жизни села, утвердившийся в 30-е годы повсеместно. Чего только не наплетено по этому поводу теми, кто «освящал» его в уютной городской квартире или на веранде подмосковной дачи. Время было, кипящее, страстное, переломное. Его ни сверху, ни сбоку, как следует узреть невозможно. Мне оно ведомо с начала тридцатых и до конца сороковых годов. Не сверху, не с боку, а как рядовому статисту великого переворота.

В начале тридцатых годов коллективизация завершилась и в нашем селе. Колхоз назвали созвучно, тому времени «Пятилетка в четыре года». Принцип объединения крестьянского труда в коллективные хозяйства считаю правильным. Общинное землепользование на Руси возникло давно и устойчиво; существовало до Столыпинских реформ. Суровые, климатические условия на большей части России побуждали крестьян к консолидации.

И все же отдавать в колхоз свою лошадь, а иногда и корову было мучительно больно. Тем более принудительно. Помню, как каждая семья долго и ревностно присматривала в колхозных конюшнях за «своей» лошадыю и даже, за ее потомством. У нас был «обобществлен» жеребец Васька. Дочернюю ему Русалку мы тоже считали своей и гордились ее достоинствами: статью, темпераментом, завидной работоспособностью. А от нее появилась в колхозе Герань. Эта красавица была отправлена на фронт и в родное стойло не вернулась. Вот какие сердечные боли и переживания привнесла коллективизация в каждую крестьянскую семью.

Подлинным горем в те поры жизнь предстала для тех, кого признали избыточно богатым. Суд вершился скорый и чаще несправедливый. Не довелось быть свидетелем подобных житейских драм. Но вплоть до войны

О них свидетельствовали пустыри и заросшие бурьяном фундаменты порушенных «раскулаченных» домов. Эти пустыри, как незаживающие раны, долго напоминали о несправедливости новой власти к своим соотечественникам, которых никак нельзя было отнести к эксплуататорам.

Экспроприация обрушилась на десяток крепких зажиточных семей нашей деревни. В основном они имели приличный достаток не столько от земли, сколько от купеческой деятельности. Благоприятные условия для торговли предприимчивому селянину даровало исключительно выгодное положение нашей деревни. Торговые пути шли по Вятке и проходящей через район Транссибирской железнодорожной магистрали. Гужевого транспорт стягивал к райцентру дары природы и крестьянского труда с широкой округи. В этой среде не могли не появиться люди деятельные. Жаль, что их с корнем вырывали из нашей жизни. А ведь такие предприниматели обрели почет еще во времена НЭПа. У нас же они были вырублены под корень. Вроде и немного — десяток на 100 дворов. Но каждый в этом десятке был безвинно повержен в прах. Кое-кто из них сам или своими

детьми возродился в родной деревне. Мой сверстник Эдуард Бусарев вместе с матерью вернулся в Горы и доказал свою наследственную смекалку и предприимчивость. Получил высшее образование, отстроил отчий дом, определился работать на машиностроительный завод, стал главным механиком этого крупного предприятия оборонной промышленности. Не всякий мог так восстановить свою надломленную судьбу.

Вот мое видение раскулачивания родной деревни. Наверное, где-то на Руси были кулаки, убежденные лютые враги Советской власти. Любая власть с врагами испокон веков на Руси расправлялась жестоко. Но на примере моих Гор в этой борьбе был явный перегиб.

Об этом сказал честно и достаточно. Однако колхозное устройство велось не в расчете на упомянутых селян. Колхоз, в конечном счете, объединил все крестьянские хозяйства. И не колхозный строй повинен в том, что первые годы колхозник почти ничего не имел на отработанные им «трудодни». Все результаты коллективного колхозного труда перекачивались государством на создание мощной индустрии. Сложный это вопрос: справедливо ли было так «обдирать» крестьянина. В таком же ярме, на мой взгляд, находились текстильщики. Но экономика и обороноспособность молодого Советского государства остро нуждались в мощной отечественной тяжелой промышленности. На кредит богатого, враждебного мира рассчитывать было бесполезно. А ведь великий исторический факт свершился: такая экономика, такая индустрия были созданы за одно десятилетие!

В то же время к концу 30-х годов наш, в общем-то заурядный, колхоз на скупой вятской земле встал на ноги. В 1938 году семья впервые получила на трудодни десяток мешков пшеницы, мед и кое-что еще из колхозных закромов. И это при том, что членом колхоза была только наша тетка Мина. Мама, хотя и много трудилась на колхозной ниве, но в колхоз не вступала. Мужики-колхозники имели значительно более высокую оплату своих трудодней.

Коллективное хозяйство создавало особый уклад деревенской жизни. Не забыть радости совместного труда и общежития на сенокосе. Колхозу были выделены заливные тучные луга на другом берегу Вятки, примерно за 20 километров от нашей деревни. По тем временам, да еще с переправой через реку, такое расстояние лаптем не перешагнешь, пешему за день не обернуться. Уезжали на сенокос на пару недель, а то и более. Располагались табором в самодельных шалашах. Не только для нас подростков, но и для всех взрослых это был великий праздник общинного труда с ранним, по росе, кошением благоухающих трав и вечерним балагурством. Шура Стешиных, моя матушка, была кашеваром, кормилицей всей работающей оравы. Как она в полевых, вернее, луговых условиях умудрялась сытно накормить из одного котла полсотни человек? Вдумайтесь сами, попробуйте в мыслях взять на свои плечи такую заботу. Непостижимо! У нее же все получалось складно. Она была всеми благословенна, но и «клиенты» у нее были особые. Настоящая трудовая коммуна. А какой ритуал завершающего труда! На греблю и сбор сена, его стогование бабы и девки принаряжались и шли, как на праздник. Да и мужики достойно держали стать. Все завершалось огромным кострищем и венчальным ужином. Председатель колхоза по такому случаю присылал не только новую порцию мяса, но подбрасывал еще медку и сметаны.

Словом, счастлив тот, кто познал радость такого общения в труде. Убогими недоумками представляются мне ныне лающие на колхозное прошлое. Им ведь неведомы радость коллективного труда на земле и тяжесть единоличного хозяйства. Я знаю то и

другое. За работу в колхозе подростком получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В то же время познал все заботы семейного личного крестьянского хозяйства. Кроме того, уверен, что только колхозный строй мог в годы войны обеспечить и фронт, и тыл продовольствием.



Раздумья о военной године

Настоящая и полная правда Великой войны отражена в воспоминаниях славных полководцев Советской Армии и организаторов тыла, в произведениях талантливых писателей и поэтов. Подлинными летописцами героической эпохи предстали Г. Жуков, Б. Шапошников, И. Конев, К. Рокоссовский, А. Василевский, Р. Малиновский, К. Мерецков,

С. Штеменко, В. Соколовский, И. Баграмян, Л. Говоров, В. Чуйков, Д. Ф. Устинов, А. И. Шахурин, А. С. Яковлев. Пусть не эпически, а фрагментарно, но талантливо и правдиво свое слово о войне сказали А. Адамович, М. Алигер, А. Бек, Д. Гранин, В. Карпов, В. Кожевников, Б. Полевой, К. Симонов, С. Смирнов, И. Стаднюк, А. Твардовский, К. Федин, М. Шолохов, И. Эренбург и многие другие участники и очевидцы ратных и трудовых подвигов советских людей. У них послевоенным поколениям следует искать ответ и получать удовлетворение в познании сложных событий предвоенного и военного времени. Из этого неотравленного источника можно черпать правду о том, кто и как подготовил народ и всю страну к жестокой схватке с фашизмом, кто и как добивался победы над врагом.

В последние десятилетия XX века многие новоиспеченные исследователи того бранного периода бросились искать «компромат» на активных участников хозяйственного и военного строительства в нашей стране. Что ж: «каждый мнит себя героем, видя бой со стороны». Тем более, что все великое вершится не без промахов и огрехов.

Взять, к примеру, «строгие»-оценки о готовности страны к войне. Конечно, многое еще предстояло сделать для равноправной схватки с фашизмом, подчинившим себе европейские державы, сомкнувшим весь их потенциал в единый кулак против Советского государства. Без содрогания невозможно подумать, что могло бы произойти в те поры при нынешней рыхлости экономики и государственного устройства. Наша Отчизна, как мягкая игрушка, была бы неминуемо растерзана фашистским зверем.

Но не получился «Блицкриг». Страна в 30-е годы за три неполных пятилетки преобразилась, по выражению А. М. Горького «застегнулась на все пуговицы», создала собственную развитую энергетику, металлургию, машиностроение, химическую промышленность. На этой основе укреплялась обороноспособность Советского государства.

К войне готовилось все народное хозяйство. Наивно думать, что «Катюшу» — новейший вид вооружения можно было создать за несколько месяцев. А ведь первый ее залп под Оршей поверг противника в шок уже 14 июля 1941 года. Знаменитый танк Т-34 был принят на вооружение в 1939 году. «Илы»7 «МиГи», «Яки», «Петляковы» и «Туполевы», в конечном счете завоевавшие небо, тоже за год-два не создашь. Наводящие панику на врага «Илы-2» вступили в бой в июле-августе 1941 года. На истребителях конструктора Лавочкина беспощадно расправлялись с противником И. Кожедуб и А. Покрышкин. Фронтальной бомбардировщик «Пе-2» авиазаводы выпускали с июня 1940 года. В 1942 году в серию пошел «Ту-2», превосходивший немецкий «Ю-88». Система минометного вооружения от ротного до полкового миномета — создана в 1937-38 гг. В 30-е годы были разработаны пулеметы и пушки Б. Шпитального. Много времени требовалось на создание Военно-морского флота. Но ведь под руководством капитана А. Маринеско советская подлодка потопила 4 немецких корабля, в том числе германский лайнер «Вильгельм Густлов» водоизмещением свыше 25 тысяч тонн и имевшем на борту

семь тысяч гитлеровцев. Все это почему-то не высвечивается современными «независимыми» СМИ.

Да, молодая советская экономика отставала в массовом выпуске некоторых видов вооружения от огромной милитаризованной индустрии фашистской Германии и многочисленных ее сателлитов. Просчета здесь не было. Был дефицит времени. Это признавал и Сталин. В своем докладе 6 ноября 194 Г Года в связи с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции он отметил, что "...причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и отчасти авиации".

Этот недостаток пришлось устранять в ходе разразившейся войны, когда враг оккупировал большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию; Прибалтику. А в это время Гитлер подчинил своим интересам промышленность Чехословакии, Бельгии, Голландии, Франции и других невольных союзников Германии.

В этих условиях страна перестраивала свою экономику по заранее разработанным мобилизационным планам. Вновь вернусь к своим личным наблюдениям и воспоминаниям. В нашем райцентре до войны самым крупным предприятием была «Шпुлька» — фабрика, выпускающая шпули для текстильщиков. Никто из жителей Вятских Полян, за небольшим исключением, не мог и представить, что «Шпулька» будет перестраиваться на «оборонку». Но вот разразилась война, и в октябре 1941 года из города Коврова Владимирской области в Вятские Поляны прибыло КБ главного конструктора по стрелковому вооружению Георгия Семеновича Шпагина. Одновременно на территорию «Шпульки» был эвакуирован и ковровский машзавод. Буквально с ходу запускалось в работу металлообрабатывающее оборудование, и фабрика, преобразованная в завод, начала поставлять фронту знаменитые ПППШ — пистолеты-пулеметы Шпагина. Ясно, что без заранее продуманного плана, такая метаморфоза производства произойти не могла. Так что «плетение» домислов о бездарности руководства страны, плохо готовившей свой народ к войне, мягко говоря, недомыслие, а на самом деле заказ во что бы то ни стало опозлить прошлое, дабы скрасить потешные реформы псевдемократии. Полагаю, что солдат, получивший в первый же год войны вместо винтовки автомат ПППШ, дал бы другую оценку организаторам сложнейшей перестройки страны на военный лад.

Ограничусь этим примером, ибо немногое, но правдиво сказанное и воспринятое моим читателем, может сказать ему о многом.

Еще одно достойное воспоминание «о прошлом и о себе» из того же военного периода. Жестокая, смертельная битва, обусловленный ею холод и голод не прервали учебу в школах на всей территории страны, свободной от врага. Я высочайше оцениваю эту заботу руководства сражающейся Родины о нашем молодом поколении. Находились и выделялись необходимые средства для того, чтобы бесперебойно оплачивать учительский труд, своевременно ремонтировать и отапливать V школьные помещения.

В деревне у нас была начальная школа. Вступил я в этот храм знаний в 1937 году и завершил начальное образование в 1941 году. Даже мы, деревенские ребята, уже чувствовали в то время надвигающуюся грозу. И она грянула в июньский день 41-го года. Несмотря на обрушившуюся напасть фашистских полчищ, советская школа в сентябре этого лихолетья не закрыла свои двери. Я начал бегать в райцентр сначала в «восьмилетку», а затем и в единственную на весь район среднюю школу. Напрямик, через поле и реку — около четырех километров. В весеннюю распутицу и половодье дорога в школу удлинялась еще на пару километров. Зимой — по колону в снегу, весной и осенью

— "по уши» в грязи. Многие мои сверстники в те годы ограничивались получением начального образования. А наша милая, обожаемая мать находила в себе силы троих детей обучать далее. Кроила и перекраивала одежку. С обувкой было хуже. Но содержались мы опрятными, не стыдно было находиться среди своих городских сверстников.

Учился я прилежно. Педагоги были талантливы, изобретательны в методике обучения и воспитания. Например, учительница немецкого языка Этта Исаковна Хейфец на уроках, начиная с восьмого класса, сама не произносила ни одного русского слова и нас понуждала объясняться на немецком языке. Словом, уровень образования в сельской школе был достаточно высоким.



Поход за высшими знаниями

Полученные в школе знания позволили мне в 1947 году успешно сдать вступительные экзамены в Московский энергетический институт. Конкурс в инженерные вузы в те годы был значителен сам по себе. Для нас, выпускников средних школ, он ужесточался тем, что «передохнувшие» фронтовики в этот год массово, на льготных условиях, вне конкурса поступали на учебу в институт. Это обстоятельство для нас, пробившихся в вуз со школьной скамьи, в конечном счете, обернулось благом. Фронтовики внесли в студенческую среду бойцовский настрой, поистине коммунистическую мораль дружбы, порядочности и чести.

Лефортовский студгородок для меня стал родным пристанищем. Студенческое общежитие воспитывало чувство товарищества, умение самостоятельно выжить в трудные послевоенные годы, поддерживать друг друга, начиная с финансового и продовольственного «общака» до совместного постижения сложных наук. Моя деревенская, крестьянская психология подверглась эффективному облучению новыми коллективными условиями бытия. Выкорчевывался «единоличник», каковым в 40-е годы еще оставался деревенский парень. Для последующего жизненного пути такая деформация характера оказалась только на пользу.



Начало трудовых будней

В 1953 году по государственному распределению после завершения учебы в институте я был направлен на работу в Гидропроект. Это в полной мере соответствовало моим юношеским устремлениям принять участие в сооружении «великих строек коммунизма». Именно эти дерзания привели меня в Московский энергетический институт. Гидропроект создавал проекты каскада Волжских гидроэлектростанций, Волго-Донского канала и ряда других гидросооружений — базовых энергетических основ послевоенного развития народного хозяйства страны.

Волею кадровиков Гидропроекта для начала меня произвели старшим техником научно-исследовательского сектора, располагавшегося в подмосковном Тушине. Вскоре испытание техником закончилось и началась самостоятельная инженерная деятельность.

В научной сфере находить свое призвание нужно самому. Это я усвоил быстро. Начался поиск «самого себя». Обратил внимание на большие затраты электроэнергии на собственные нужды гидроэлектростанций. Сороудерживающие сооружения зимой следовало спасать от замерзания. Решетки, ограждающие турбины от плывущих бревен — топляков и прочего «мусора», обогревались примитивно. По огромным стержням этих решеток пропускался электрический ток и джоулево тепло должно было спасать их от обмерзания. Если его допустить, то решетки превращались в запруды энергетического потока воды.

Не вдаюсь в подробности расточительного характера указанного способа спасения гидростанций от «замерзания». Утверждаю лишь, что при этом значительная часть затрат пускалась «на ветер». Предложил токи Джоуля заменить на токи Фуко, позволявшие рационально распределять энергию по профилю стержня решетки, сосредоточивая ее на «лобовой» части, где как раз и находился центр обмерзания.

Легко сказать, а реализовать новый принцип обогрева сороудерживающих сооружений оказалось не просто. Нужно было менять профиль стержня. На Днепропетровском заводе удалось создать специальный прокатный стан. На Ташкентском заводе из новых стержней сварили решетку для одной из гидростанций Чирчикского каскада ГЭС. Открывалась возможность от лабораторных исследований перейти на натурные испытания индукционного способа обогрева сороудерживающих сооружений. Все вершилось на энтузиазме небольшой группы исследователей, которую удалось создать и увлечь новой идеей. Полгода проводили в командировках в Узбекистане, на Чирчике, в условиях, где испытание на выносливость проходила не только экспериментальная установка, но и мои единомышленники. Наши разработки проектировщики с лету брали в документацию для Сталинградской, Саратовской и Куйбышевской ГЭС. Однако в 1959 году мой новаторский порыв прервался и, как полагается, обрушился весь мой проект. Об этом скажу ниже. А перед этим не удержусь от воспоминаний о своих прикладных инженерных дерзаниях.

В научно-исследовательском секторе Гидропроекта в особом почете были специалисты-гидравлики. Электрики й* наперечет. Один из них я. Когда не заладился мостовой кран на нашей мини-ГЭС, гидравлики с поклоном пришли ко мне. Я тоже не специалист по такой технике. Но коль скоро неполадки случились в электрической системе управления — разбирайся, спасай коллег. Без мостового крана парализовалась вся исследовательская работа на гидроагрегатах. Мучительно разгадывал секреты и болезнь

могучего мастодонта. Оживил его и сразу стал авторитетом среди своих старших товарищей.

А вскоре деятельность научно-исследовательского сектора парализовало повреждение высоковольтного кабеля, по которому подавалась электроэнергия в научные лаборатории. Не ведаю, почему руководство института не обратилось за помощью к специализированным аварийным службам Мосэнерго. Вновь вся надежда возлагалась на меня. Кабельщик я был никудышный. Но в энергетическом институте специализировался по технике высоких напряжений. Назвался груздем -г-, полезай в кузов. Конечно, взяться за неведомое дело побуждала амбиция молодого специалиста. Для зрелого спеца это была настоящая авантюра. Создал бригаду рабочих, скомпоновал «на коленке» две сложные установки для нахождения места повреждения кабеля. Довольно точно определил расстояние до пробоя изоляции кабельных жил. Место поганое — болотина. Раскопали, вскрыли кабельную траншею и сразу стала очевидной причина аварии. Откровенное, умышленное повреждение механической защитной оболочки кабеля. Дело в том, что Гидропроект входил в систему Министерства внутренних дел и все основные, и вспомогательные сооружения на его объектах создавались с использованием труда заключенных. Ими прокладывался злополучный высоковольтный кабель. Они и оставили свои ломовые памятки на нем. Вырезаю поврежденный участок, делаю соединительную муфту, что, кстати, по техническим условиям разрешалось только рабочим — специалистам высшего разряда. Подаю рабочее напряжение. Вновь короткое замыкание, уже в другом месте. Вновь поиск повреждения. Та же причина. Та же пакостная работа в болотине. И так восемь или десять раз. Точно уже и не помню. Какая же была радость, когда восстановили электроснабжение своего института.

Вспомнил эти два эпизода своей «непрофильной» инженерной деятельности для того, чтобы сказать: энтузиазм, увлеченность, творчество в работе было характерно в то время для "совков". Нет, не были мы ничьими «рабами»! Все эти бредни новоявленных лжеживописцев прошлого разбиваются о любой жизненный пример советских людей моего поколения. Жаль, что кое-кто из них за мед расплачивается ядом. Выросшие в советских школах и вузах, вступавшие валом в КПСС оказались перевертышами, беззастенчиво порочащими целую эпоху своего Отечества.



Юность комсомольская моя

В родной деревне, да и в районной средней школе комсомольской организации в 40-е годы не было. Потому в институт я поступил совершенно «беспартийным». Цель была одна: постигать науку и обязательно получать стипендию, желательную повышенную. Но на втором курсе меня начали обстоятельно «окучивать». Отличник, а не комсомолец. Стал комсомольцем. Мое деревенское трудолюбие и привитая там же порядочность были однокурсниками вскоре замечены, и они не замедлили избрать меня секретарем комсомольской организации. С этой общественной нагрузкой прошел весь остаток студенческого пути. Жизнь обогатилась крепкой комсомольской дружбой.

Как видно, комсомольская деятельность в вузе была отражена в моей путевке на работу в Гидропроект. Поэтому и здесь меня быстро уговорили возглавить комсомольскую организацию научно-исследовательского сектора. Да я особенно и не сопротивлялся, не сознавая того, что попадаю в «кадровую» струю. Как и в учебном институте, не давал покоя ни себе, ни другим. Спорт, походы, культурные программы ничуть не мешали научной деятельности. Трудность, правда, была, но побочная. Был я уже женат. Появился сын. А жить приходилось в Клязьме, у родителей жены. Путь Клязьма — Тушино в одну сторону занимал два с половиной часа. Туда и обратно — пять часов. А комсомольская работа требовала еще пару часов сверх рабочего времени. Получалось 17-18 часов каждый день вне дома.

Первой заметила эту мою неустроенность и перегрузку председатель профкома. Замечательная, заботливая женщина добилась выделения мне комнаты в доме научно-исследовательского сектора. Хотя это было строение в два этажа, но по существу — барак. Отопление печное, ни воды, ни канализации. Одно преимущество — до работы 10 минут пешком.

Приглашение на беседу по этому поводу к первому секретарю Тушинского горкома КПСС было для меня неожиданным. Поблагодарил за доверие и заявил, что прерывать научную работу не намерен. Встреча закончилась жестко: «Не спешите, подумайте. На это даю вам пару дней. Знаем, что вас первичная партийная организация уже перевела из кандидатов в члены партии. Ну а бюро горкома партии окончательное решение по этому вопросу будет принимать с учетом вашего отношения к сделанному вам предложению».

Круто. Советоваться по такому поводу было не в моих правилах. Вступал в партию по своему глубокому убеждению. Да и партийное окружение, состоявшее из интересных, порядочных людей, влекло к себе. Понимал и признавал не только Устав и Программу КПСС, но и довольно строгую партийную дисциплину. Все взвесил... и сдался.

ком. Как мы зимой размещались в комнате размером около 12 кв. метров впятером, сейчас и представить невозможно. Родители жены в Клязьме без нас оставаться тоже не решались. Дом там был дачный, летнего типа. По ночам зимой вода в комнате замерзала.

Спустя год я получил комнату размером 20 кв. метров в трехкомнатной квартире благоустроенного дома. Какое счастье! Ванна, туалет, на куше газ. И замечательные соседи, Былая красота человеческих отношений, к сожалению, ныне утеряна. И дело, конечно, не только в тесном общении на коммунальной кухне. Мораль, нравственность людей была иная. Впоследствии, когда уже все разъехались по индивидуальным квартирам, мы еще долго поддерживали дружественные связи с соседями.

Но об этом достаточно. Можно подумать, что меня и сейчас влечет к себе коммунальный муравейник. Нет, нет и нет! Но вернуться к прежнему чистому морально-нравственному общению, признаться, порою хочется. У меня и сейчас много друзей, но общий фон человеческого общежития изменился в худшую сторону.

Возвращаюсь к прерванному рассказу о своей комсомольской одиссее. Именно она выбила меня из колеи, состоявшейся уже творческой научной работы. Как секретарь¹ Первичной комсомольской организации я был избран членом бюро Тушинского горкома комсомола. В августе 1957 года первый секретарь горкома ВЛКСМ Эдуард Саркисов перешел на советскую работу. Он и предложил избрать меня секретарем городской комсомольской организации, с Эдуардом мы были хорошими друзьями. Учились в одном институте, работали вместе в Гидропроекте. Знал он меня хорошо и свои соображения убедительно изложил горкому партии и комсомольскому активу города. Одно плохо — меня не спросил, хочу ли я сменить свое жизненное амплуа.

Многие члены горкома комсомола меня знали по совместной общественной работе и дружно избрали первым секретарем. Вот так я невольно и еще неосознанно попал в многократно проклятую демократами «номенклатуру». А ведь в этом понятии — хорошо отработанная система работы с кадрами. Чего ж тут плохого? Потому и начали бранно склонять это слово рвущиеся к власти псевдодемократы, что прекрасно понимали: номенклатура — это огромный отряд воспитанных партией кадров. И если невозможно его полностью исключить из всех сфер жизнедеятельности, то, по крайней мере, максимально опорочить необходимо. Иначе к власти не прорваться. Среди нападающих на «номенклатуру» было немало и тех, кому планку номенклатурных требований просто-напросто преодолеть не удалось.

Возвращаюсь к повествованию своей эпопеи. Быстро погрузился в атмосферу кипучей жизни молодежи города. Комсомольские организации крупных заводов имели большой авторитет в своих многотысячных производственных коллективах, активно участвовали не только в общественной жизни, но и в решении основных задач своих предприятий.

Нужно было развивать деятельность этих динамичных молодежных организаций до общегородских масштабов. В своих намерениях получил полную поддержку членов горкома ВЛКСМ и общими усилиями мы «высветили» комсомол в городе. Взяли шефство над прокладкой трамвайных путей через весь город до деревни Захарково. Первыми открыли новый трамвайный маршрут. Трамвайные вагоны превратились в гремящие на весь город рупоры комсомольских песен и задорного молодежного гама.

Комсомольские аллеи и парки заметно дополнили зеленый наряд города. При благоустроительных работах обратили внимание на обилие металломусора. Решили вычистить от него все закоулки. Сказано — сделано. Десятки машин с этим полезным хламом со знаменами и песнезвучными «грузчиками» привлекли внимание многих жителей города. А на следующий день в горком комсомола пришли с жалобой строители. На одной стройке недосчитались большого числа труб, на другой — готовых металлоконструкций. Где-то исчезли металлические бочки... Мы отвечали: «Хорошо складированные материалы на стройках никто не тронул, а разбросанные как попало ребята посчитали ненужными отходами и сдали в металлолом. В том нашей вины нет».

Комсомол тогда, так или иначе, отмечал день молодежи. Захотелось сделать его общим праздником города, но как — поначалу представляли смутно. Спорили неистово. Наконец решили провести манифестацию с ярким показом, за что Ленинский союз молодежи

награжден пятью орденами. Шестой орден Октябрьской революции комсомол получил позднее, в 1968 году. Разделили городскую комсомольскую организацию на пять отрядов, и в каждом из них начался творческий поиск того, как «вживую» отразить подвиги советской молодежи.

Первый орден Красного Знамени, которым комсомол награжден в 1928 году за участие в Гражданской войне, поручено было олицетворять отряду комсомольской организации машиностроительного завода. Активисты предприятия побывали в московских музеях и театральных коллективах, откуда напрокат получили красноармейские шинели, комиссарские кожанки, буденовки, сабли, наганы, винтовки, пулеметы. На ипподроме им доверили коней. Обшитый фанерой заводской автомобиль превратился в броневик. Заводской оркестр призван был обеспечить музыку «на марше».

И так предстал комсомол в своих заслугах перед Отечеством вплоть до 1956 года, когда на его Знамени было уже пять орденов, в том числе три ордена Ленина. Зрелище впечатляющее. Шествие колонн проходило по главным улицам города. Праздник молодежи превратился в праздник всех тушинцев.

Однажды нас занесло. Сепаратно на бюро горкома комсомола отработали план мероприятий, долженствующих, по нашему мнению, каждую памятную дату календаря превращать в день коммунистического труда и нравственности. Сочинили памятку поведения в такие дни не только молодым, но и взрослым. Размножили ее на ротаторе горкома партии, благо машинисткой-ротаторщицей была наша комсомолка. Стали распространять эту «макулатуру» в массах. Что началось! Вечером, уже после рабочего дня, меня приглашают на бюро горкома партии. Первый секретарь горкома информирует членов бюро о нашей затее. Говорит о том, что слух о ней дошел до обкома партии. И в заключение: «Что будем делать?» Молчание. Мне слова не дают.

Спасли положение два члена бюро — второй секретарь горкома Ю. Волосов и директор крупного завода Ф. Нестеров. Смысл их оценок: ребята, конечно, напортачили. Но есть в их действиях искреннее желание оживить нашу жизнь. Взять, к примеру, организацию субботников и воскресников. Превращаются они, действительно, в будничное дело. Руководителей организаций и предприятий на них чаще всего не увидишь. Правильно комсомольцы предлагают, чтобы трудовые коллективы выходили на субботники и воскресники с оркестрами, с заводскими знаменами, с песней и обязательно во главе с директорами, секретарями парторганизаций, вожаками профсоюзов и комсомола. Все надуманное и ненужное у комсомольцев нужно отсечь, а полезную инициативу поддержать.

С тем меня и отпустили. С напутствием действовать, а головы не терять. Урок был воспринят не только мною, но и всеми членами бюро горкома комсомола. И все-таки субботники и воскресники стали проходить по нашему сценарию!

А какое удовольствие доставляли молодежи устраиваемые нами туристические походы, молодежные вечера, спортивные соревнования. Досаждали, правда, хулиганские выходки отдельных молодцев на танцах и других клубных мероприятиях. Создали при горкоме комсомола дружину крепких ребят. Подучили их способам борьбы в рукопашных схватках. Во взаимодействии с милицией проводили вечерние рейды по городу. Бузотеры с нами считались, иногда мелко пакостили, но до крупных конфликтов дело не доходило.

Работа в горкоме комсомола для меня явилась эффективным курсом совершенствования человеческого общения, коллективизма, школой организаторской

работы, очагом крепкой дружбы, подлинного товарищества. Убежден, что в комсомоле прошли школу воспитания лучших человеческих качеств миллионы советских людей. Развал этой молодежной организации — преступление против нравственного возмужания молодого поколения. Обвинением вдохновителям этого злодеяния является взрыв преступности и наркомании, эпидемия аморального вируса в среде молодежи. Все это аукнется в нашем обществе похлеще «шоковой» терапии в экономике.

Однако, когда в 1959 году город Тушино «прирезали» к Москве, твердо настроился в столицу не переходить и вернуться к научной деятельности в Гидропроекте. Благо моя тематика за два года своей актуальности не утеряла, а мое желание вернуться в научно-исследовательский сектор приветствовалось. С этим настроением приступил к сдаче комсомольских дел.



Еще один университет — обком партии

Передачу комсомольских дел своему преемнику прервал вызов в обком партии. Мне было предложено потрудиться в промышленно-транспортном отделе МК КПСС. С благодарностью... отказался. В прочности своей позиции не сомневался. Тот механизм, которым меня «повергли» на работу в горком комсомола, в новых обстоятельствах сработать не мог. За отказ перейти на партийную работу из партии не исключают.

А через неделю последовал вторичный вызов. Подготовился сопротивляться. С тем и прибыл в обком на Старую площадь, 6. Заведующий отделом В. А. Демченко, ничего не объясняя, пригласил подняться с ним на пятый «секретарский» этаж. Я предположил, что «уговоры» продолжатся у секретаря обкома* партии. Но, как говорится, сам предполагаешь, а тобой в это время кто-то уже располагает. Мой «поводырь» молча скрылся за дверью какого-то кабинета. Вскоре туда пригласили меня, и я оказался на заседании бюро обкома партии. Все свершилось в считанные секунды.

Заведующий отделом: «Есть предложение».

Ведущий заседание первый секретарь обкома партии П. Н. Демичев: «Нет возражений? Нет. Поздравляем, желаем успеха. Вы свободны».

Ничего себе — свободен!

Партийная дисциплина вновь одержала верх. Приступил к работе инструктором отдела. Мне поручили заниматься деятельностью партийных организаций предприятий тяжелого и транспортного машиностроения области. А это такие гиганты, как Коломенский тепловозостроительный завод, Электросталь Тяжмаш, Подольский машиностроительный завод имени Орджоникидзе, Мытищинский машзавод. Директора - маститые организаторы производства, секретари парткомов — вожаки крупнейших партийных организаций Подмосковья. А инструктор обкома только тридцать лет и опыт работы невелик — четыре года в научно-исследовательской организации да два года в Тушинском горкоме комсомола. Негусто.

Многому пришлось учиться у своих же подопечных. Отношения быстро сложились взаимоуважительные, доверительные. И с директорами, и с секретарями парторганизаций. Какие это были замечательные люди! К примеру, Долгий Алексей Арсентьевич — директор завода имени Орджоникидзе. Из «болота вытянул бегемота». К концу пятидесятых годов, крупнейшее предприятие по выпуску котельного оборудования для электростанций село на мель. Всего не хватало: металла, труб, технического прогресса. С моим участием была проведена неординарная замена руководителя завода. Заслуженный, но выработавший свой ресурс директор с почетом перешел на посильную ему работу. Неординарность смены руководства заключалась в том, что директором завода был определен всего лишь заместитель главного инженера, упомянутый

А. А. Долгий. Это была кандидатура Подольского горкома и обкома партии. И наша «номенклатура» за два — три года возродила предприятие до уровня союзных гигантов индустрии. Марка «ЗИО» была гарантией высочайших качеств тепловых и атомных энергоустановок.

В отделе я был самым молодым работником. Сознал, что надо максимально погружаться в жизнь производственных коллективов и практическую организаторскую деятельность заводских парткомов и партбюро. Поэтому при малейшей возможности вырывался в командировки |на предприятия, пропадал там по несколько дней, участвовал

не только в заводских, но и цеховых собраниях коммунистов, посещал ночные Семены. Мешала этому кропотливая, поглощающая массу времени работа с письмами трудящихся. Она тоже «вытаскивала» на места, но и кабинетной бумажной работы доставляла очень много. Подопечные коллективы были многотысячными и поэтому самое большое число писем на рассмотрении было у меня. - Тем не менее я был рекордсменом по числу командировок на заводы, что очень поощрял наш заведующий отделом В. А. Демченко.

Через два года уже в качестве заместителя заведующего отделом я занимался партийными организациями предприятий химической и деревообрабатывающей промышленности. Здесь гигантов отечественной индустрии тоже было достаточно. Чего стоил один Воскресенский химкомбинат — флагман союзной промышленности минеральных удобрений. А рядом с ним — Подмосковный горно-химический комбинат. В Орехово-Зуеве — завод «Карболит», в Клину — огромный комбинат химических волокон. Шло становление крупных мебельных предприятий в Сходне, Шатуре, Электрогорске.

То был совнархозовский период моей работы. Этот новый принцип управления народным хозяйством с опорой на полномочные региональные структуры — совнархозы Верховный Совет ввел в мае 1957 года. В Московский совнархоз наряду с подмосковными входили предприятия Ивановской, Калининской (Тверской), Рязанской и Смоленской областей.

Мособлсовнархоз имел достаточное число научных и проектно-технологических подразделений, чтобы обеспечить высокий уровень производства на всех подведомственных ему предприятиях. Наверное, это условие не удалось соблюсти в ряде других регионов, что предопределило скоротечность совнархозовского правления экономикой страны.

И все-таки, по моему мнению, это было не декларативное, а реальное воплощение в жизнь принципов федерализма, когда полномочия центра и регионов оптимально балансировались в основе всей жизни страны — ее экономике.

Практически весь этот период я находился в центре управления промышленностью Подмосковья. Промышленно-транспортный отдел обкома партии был ключевым звеном взаимодействия партийных, советских и хозяйственных органов. Председатель совнархоза К. И. Брехов являлся все эти годы членом бюро МК КПСС. Этот необычайно одаренный человек сочетал в себе качества сильного организатора производства и обаятельного человека, умевшего наладить творческую обстановку сотрудничества центральных, областных, местных органов власти и управления.

Венец совнархозовской поры — рост промышленного производства Подмосковья за какие-то пять-шесть лет в 1,5 раза. При этом около 80 процентов прироста выпускаемой продукции было получено на основе технического прогресса за счет повышения производительности труда. Что ни говори, а умели партийные, советские и хозяйственные органы добиваться впечатляющих результатов. Это вам не «рыночная автоматика», сокращавшая все последнее десятилетие нашу экономику, как шагреновую кожу.

Работа в промышленно-транспортном отделе обкома партии убедила меня в том, что именно промышленность была и останется основой всего социально-экономического комплекса столичной области. Это главное поприще труда миллионов подмосковных жителей. Масштабами промышленного производства определяется развитие транспорта, связи, жилищно-коммунального хозяйства, всей производственной и социальной инфраструктуры Подмосковья. Его потенциал позволял эффективно оснащать сельское

хозяйство. Реконструкция промышленных предприятий, сооружение на средства заводов и фабрик объектов жилищно-гражданского назначения стимулировали наращивание мощностей строительных организаций. Понимание особой роли промышленности в социально-экономическом развитии области я сохранил и учитывал в своей последующей деятельности, в том числе на постах председателя областной плановой комиссии и председателя Мособлисполкома.

Сейчас наступает период возрождения нашей многострадальной региональной экономики. Думаю, что органы власти и управления в новых рыночных условиях так же, как и ранее, должны максимально содействовать развитию промышленного производства — базы разрешения всех финансово-экономических и социальных проблем.



Из обкома — в горком

И вновь дальнейшую мою жизнь определила «номенклатура», трижды проклятая теми, кто ее боялся или в нее, увы, не попадал. Партийная система подращивания кадров не терпела, не удивляйтесь, не терпела застоя. В том числе и в аппарате обкома партии. Два с половиной года — инструктор, два с лишним года — заместитель заведующего отделом. Достаточно. Далее иди в самостоятельное плавание.

Обком партии в декабре 1964 года дает Калининградской (ныне Королев) городской партийной организации рекомендацию избрать меня первым секретарем городского комитета КПСС. Для меня это было испытание на прочность при высшем напряжении физических и духовных сил. В Калининграде — превеликая концентрация «оборонки», которой я ранее не занимался. Там был С. П. Королев! Дух захватывало на городской партийной конференции, где состоялись мои смотрины и именины. Нервничал, переживал, сокрушался. Мое состояние подметил С. П. Так тогда «конспиративно» коллеги нарекли Сергея Павловича Королева. В президиуме конференции нас разместили рядом. Случайность? Конечно, нет. Авторитет С. П. в городской парторганизации был по достоинству велик. Рядом с ним, значит его поддержка. Но я тогда этого, как следует, не понимал. Находился в состоянии «невесомости».

Вот в этот момент Сергей Павлович неожиданно предлагает вместе с ним выйти из президиума для короткой беседы. Опять же на виду у всех делегатов партийной конференции! Я лишь потом оценил этот шаг воистину великого человека. Зашли на задворки сцены Дворца культуры, где проходила конференция. Даже присесть негде. Остановились у концертного рояля. С. П. ошарашивает простейшим вопросом: «Как здоровье?». Отвечаю — болезни мне неведомы. Собеседник поясняет: не сомневайтесь, коммунисты города секретарем горкома партии вас изберут.

Но какая это ответственность. Сколько сил потребуется на этом посту. Здоровье нужно иметь отменное. И далее — совет: «Не разбрасывайтесь в работе. С самого начала определите две-три самые крупные задачи и решите, обязательно решите их до конца».

Вернулся я в президиум конференции (опять же с С.П. Королевым) одухотворенным. Действительно, все состоялось для меня благополучно. Был избран членом горкома, а затем первым секретарем городского комитета КПСС. Но "пятиминутка" общения с Королевым оставила глубокий след. Возросло чувство ответственности за право возглавить многотысячный отряд коммунистов. Интеллектуальный потенциал калининградской партийной когорты был перворазрядным во всем подмосковном легионе КПСС. И город вместе с тремя поселками по численности населения уже входил в десятку сотысячных поселений Московской области.

Особая специфика работы горкома заключалась в строгой секретности всех основных предприятий города. На городском форуме коммунистов об их деятельности дискутировать не полагалось. Партийные организации ведущих КБ и НИИ имели права райкомов партии в вопросах приема, учета членов КПСС, рассмотрении их персональных дел. Горкому партии можно было оказаться «не удел».

Настойчиво искали свое место в общих делах первопроходцев космоса, творцов современной военной техники. Главный канал влияния — первичные партийные организации. Секретари парткомов крупнейших заводов, НИИ и КБ — члены бюро горкома партии. Сложились взаимоуважительные отношения с главными конструкторами,

директорами заводов и институтов, многими яркими учеными, специалистами производства.

Быстро нашел общий язык со вторым секретарем горкома партии Олегом Шишкиным. Он, в отличие от меня, был «свой» в среде городского партийного актива. Выходец из калининградского научного института измерительной техники, создававшего приборы и приборные комплексы для космических систем и аппаратов. Взаимопонимание с ним было полное. В последующем он возглавил свой родной институт. Это тоже добавляло авторитета горкому партии. Ранее к партийным работникам руководители отрасли относились уважительно, но на свой «двор» не допускали. И Олега Шишкина поначалу воспринимали настороженно, как ставленника партийных органов. Но вскоре Министр общего машиностроения С. А. Афанасьев в полной мере оценил деловые качества этого «партократа». В конечном счёте О. Шишкин возглавил министерство. При нем состоялся успешный полет советского челнока «Буран». До сих пор поддерживаю с Олегом добрые товарищеские связи.

С таким же сопротивлением пришлось продвигать к руководству одним из машиностроительных заводов города другого секретаря горкома партии — Михаила Хаустова. И тоже вполне «привился» в своей отрасли. Словом, удалось преодолеть предубеждение к партийной «номенклатуре». Также настойчиво из партийного аппарата выдвигал на самостоятельную хозяйственную работу перспективных работников в 80-е годы, будучи уже секретарем обкома партии. Один заместитель заведующего промышленным отделом МК КПСС А. Чубов возглавил крупнейший в Советском Союзе Монинский камвольный комбинат. Другой В. Брюховецкий вытаскивал из прорыва Ликинский автобусный завод. В обоих случаях мои выдвиженцы меня не подвели.

Однако продолжу воспоминания о своей работе в Калининградском горкоме партии. Работники горкома были сплоченным коллективом единомышленников. Самые добрые слова хочется сказать о секретарях юркома партии Людмиле Щербаковой и Борисе Родионове, помощнике первого секретаря Михаиле Баранове. В этом перечислении не знаю, на ком остановиться. Скажу одно — случайных людей в руководстве и аппарате горкома партии не было.

Уже подчеркивал особое значение своих деловых контактов с руководителями предприятий и организаций города. Мудрый директор завода М. П. Аржаков, обаятельный директор ЦНИИМаша и ЦУПа А. Мозжорин, талантливый, с изрядной хитрецей главный конструктор ракетных двигателей А. М. Исаев. И вновь не знаю, на ком остановиться из тех, кого посчастливилось встретить на этом калининградском папе своей жизни. В памяти воскрешается целая плеяда замечательных организаторов отечественной науки и производства. А какие талантливые люди были в рабочей среде и среди научной интеллигенции! Потому и больно слушать вранье и бред прорвавшихся в средства массовой информации маститых перевертышей и молодых говорунов в «розовых штанишках», болтающих о «совках» и «рабах» «тоталитарного» прошлого. С этих «совков» и «рабов» картины писать следует и правдивый хронограф отечественных славных имен создавать.

Не удержусь от того, чтобы не сказать особо о генеральном конструкторе Сергее Павловиче Королеве. Не могу состязаться с его близкими соратниками, в воспоминаниях которых создан полный портрет талантливого организатора многотысячных коллективов, участвовавших в создании отечественной ракетно-космической техники. Потому

ограничусь скудными воспоминаниями об этом легендарном, воистину великом Человеке всей советской эпохи.

В упомянутом эпизоде первого знакомства с Сергеем Павловичем он уже высвечивается, как психолог, улавливающий настроение каждого человека и любой аудитории. Позднее я имел возможность наблюдать, как он умел настроить своих коллег, партийную организацию своего многотысячного научно-производственного объединения на достижение намеченной цели. С. П. обладал огромной, прямо-таки магической силой влияния на окружающих его людей. Был строг и взыскателен. Устраивал порой такой разнос, что, казалось, повинная голова вот-вот полетит с плеч. И все же я не помню случая, когда он снимал с должности кого-либо из руководителей цехов и отделов. Дорожил и берег кадры. И люди отвечали ему полной отдачей своих сил. Сергей Павлович имел редкий дар спланировать людей, вселять в них веру и, в конеч-1 ном счете, ставить на пользу общего дела неисчерпаемые возможности советского человека: его трудолюбие и патриотизм, творчество и все возрастающие знания.

Позволю себе описать, казалось бы, незначительные факты общения с этим великим человеком. Но они показывают, насколько ярким, многогранным был наш легендарный С.П.. Как-то мы расположились рядом на одном из культурных мероприятий во Дворце культуры. Его сцену с одной стороны окаймлял мозаичный сюжет из сказов Бажова. Сергей Павлович поинтересовался, какое впечатление вызывает Данила-мастер, творящий сказочно красивую малахитовую вазу. Я хорошо знал, что Сергей Павлович душу вложил в создание великолепного Дворца, его архитектуру и оформление. Решил подыграть чувствам истинного творца нашего городского храма культуры. Отозвался, что и мастер Данила, и его творение в мозаичной картине выглядят великолепно. Последовал ответ: «Да вы всмотритесь в замах руки Данилы. Он сейчас разобьет свою вазу!». И действительно, замах молотка по резцу у творца был занесен «из-за плеча». Вот какова наблюдательность общей, хорошо исполненной картины! Мелочь? Не скажите. Это одно из достоинств разносторонне одаренного человека.

В этом же разговоре в перерыве выступлений участников художественной самодеятельности Сергей Павлович поведал мне, что увлекается сбором фотографий В. И. Ленина. Пояснил: скульптор, живописец, кинорежиссер не свободен от стилизации образа. «А я хочу видеть Ильича на фото, где он реален».

Тогда же поинтересовался у Сергея Павловича его любимым занятием в редкие часы отдыха. «Люблю порыться в книгах. К концу дня они из шкафов перемещаются на пол, а я, сидя на ковре, с наслаждением листаю и перечитываю свои книжные сокровища».

Вот каков в повседневности был наш Главный конструктор!

Запомнилась последняя встреча с Сергеем Павловичем. Незадолго до своей кончины он поздно вечером подъехал ко мне в горком партии. Интересовался работой бюро горкома, жизнью города. Для меня его интерес был понятен. Значительная часть его рабочего времени протекала и командировках.

Неожиданно озадачил меня своим намерением: «Посажу человека на Луну и перейду на академическую научную деятельность». В то время Королевым активно велась работа по созданию ракеты «Н-1» для доставки человека на ближайшую спутницу Земли. Специалисты знают, что это был, пожалуй, единственный незавершенный крупный королевский проект. Но, повторяю, работа по лунной программе интенсивно велась и настрой главного конструктора вроде бы обретал реальные временные рамки. Однако в

полной мере осознать суть затронутого вопроса, ради которого он, очевидно, и заглянул «на огонек» в горком, понять не мог. Решил чем-то обострить разговор на «заданную тему». Высказался в том смысле, что подобный поворот событий невероятен. Последовал вопрос: «Почему?». Ответил: «Сергей Павлович, такие одержимые люди, как Вы, свое дело не бросают. Да у Вас и надежного преемника нет». Последовало удивление: «Как нет, а Мишин?».

Не буду воскрешать весь этот вечерний разговор. Но когда через несколько недель пришла весть о кончине Королева, обожгла мысль: уж не завещание ли таким образом было им сделано на всякий случай. Сергей Павлович в то время решился на операцию и в его манере было предусмотреть любую нештатную ситуацию. Но, оговариваясь, это всего лишь мое предположение. При рассмотрении кандидатур на его замену упомянутый разговор я довел до обкома и ЦК КПСС. Думаю, что он был принят во внимание.

Возвращаясь к своим делам и заботам. Следуя совету Сергея Павловича, на «входе» работы в горкоме партии определил самые острые проблемы Калининграда. Водоснабжение, канализование, вся коммунальная и социальная инфраструктура не выдерживали стремительного роста жилищного строительства. Предприятия изыскивали средства на строительство жилых домов, но никто не желал заниматься инженерным обеспечением новых жилых массивов города. Да и строительством школ и других социально-культурных учреждений «отцы» города себя не обременяли. Нужно было и власть употреблять. Для себя выделил три приоритета: водоснабжение, канализование города и продовольственное снабжение калининградцев. На бюджетные средства не рассчитывал. Понимал, что Мособлисполком все ресурсы будет направлять на развитие сельских районов и тех городов, где предприятия на ведомственную или державную поддержку рассчитывать не могут. Средств исполкому Калининградского горсовета на инвестиции в городское хозяйство фактически не выделялось.

С. П. Королеву всегда были понятны нужды города. Как-то в беседе 1 с ним затронул острые общегородские проблемы, заметив, что возглавляемая им организация должна уделять этим проблемам больше внимания. Сергея Павловича сказанное явно задело. Он достал из кармана записную книжку и на первых ее страницах показал мне свои заметки. Они включали все крупные нужды города. «Вот, смотрите, товарищ секретарь, мою памятку о городе. Мне нужны определенные условия для постановки этих вопросов в соответствующих инстанциях. Эти условия наступают тогда, когда мой коллектив берется и решает крупные государственные задачи». Привел не дословный ответ главного конструктора космических систем, но смысл передаю точно. Вклад С. П. Королева в развитие города неоценим.

Окончательно завершить строительство мощной насосно-фильтровальной станции водоснабжения, сооружение крупных канализационных коллекторов от Калининграда до Щелковских очистных сооружений, осуществить перевод города на продовольственное снабжение по московским нормам довелось уже после скорбной кончины С. П. Королева. Но без Сергея Павловича нам не удалось бы столь масштабно начать реализацию программ развития города, ныне носящего его величественное имя.

Заботливым хозяином в городе слыл Михаил Петрович Аржаков. Его забота о калининградцах была безграничной, подлинно отеческой. Помимо кардинальной перестройки обширного заводского Костинского района, он активно помогал разрешать проблемы водоснабжения и канализования всего города.

Устранение крупных проблем развития коммунальной инфраструктуры позволило повысить темп жилищного строительства, начать комплексное освоение новых микрорайонов города. Сейчас трудно себе представить, что на месте нынешнего проспекта Королева в начале 60-х годов было чистое поле. Во второй половине упомянутого десятилетия здесь вырос жилой массив в несколько тысяч квартир с вполне современным внутренним и внешним благоустройством. Здесь же благодаря напористости наших комсомольцев появился первый в Советском Союзе МЖК — молодежный жилой комплекс из высотных домов - «книжек». Инициатором создания МЖК выступил Станислав Сеница. Этот напористый парень добрался до секретаря ЦК ВЛКСМ Б. Пастухова и руководства Главмосстроя. Они помогли решить вопросы финансирования и комплектации МЖК сборными железобетонными конструкциями с заводов города Москвы. Молодых ребят активно опекал секретарь горкома партии Б. А. Родионов.

С подобными энтузиастами часто шли на риск ради общего дела.

Притом никому и в голову не приходило поиметь от этих стараний какое-либо вознаграждение или дополнительный заработок, которые дикий рынок сейчас вознес выше долга и чести, бескорыстного служения людям.

В памяти воскрешается один местечковый «подвиг». Городской парк — уютный зеленый оазис массового отдыха калининградцев обрамлял захудалый дырявый забор. Решили сменить его на решетчатое металлическое ограждение. Сознавали, что пойдем против широкомасштабной общесоюзной кампании под лозунгом «За экономию металла в большом и малом!»

На нашу беду о намерении установить вокруг парка металлическую ограду «пронюхал» корреспондент журнала «Крокодил», на вилы которого попадать было опасно. Во-первых, это было издание «Правды». На критику в таком печатном органе возмездие следовало крутое и незамедлительное. Да и позора на всю страну не миновать. Как-никак, а тираж этого влиятельного СМИ достигал 6-ти миллионов экземпляров. К тому же из обкома партии меня предупредили: «Не лезьте на рожон!».

Как поступить в такой ситуации? Разумнее всего отказаться от крамольной затеи. С Олегом Шишкиным решили иначе: опередить возможную публикацию. На одном из предприятий города создали специальный участок по изготовлению секций паркового ограждения и форсировано в два дня его установили. В обком доложили: металлическая решетка смонтирована. Не снимать же ее — жители города возмутятся. Наша информация была принята с «пониманием». Более того, обком погасил повышенный интерес к нам редакции «Крокодила».

Так же по-партизански установили на дворцовой площади заранее изготовленную в мастерских города Москвы мозаичную стелу с трибуной для проведения городских праздничных митингов и демонстраций. Операцию за одну ночь блестяще провел заведующий отделом горкома партии А. Ф. Касьянов. Центральная площадь, таким образом, получила свое оформление, против которого резко выступали некоторые «отцы» города.

Это, конечно, отдельные, частные эпизоды программы благоустройства и общего развития города. Ведущую роль в городском строительстве выполнял заместитель С. П. Королева — энергичный, неугомонный Георгий Васильевич Совков. Ему удавалось привлекать на возведение объектов в Калининграде московских строителей. Их могучий

потенциал для области был запретным плодом. Москвичи крепко-накрепко оберегали силы своих строителей от распыления в Подмоскowie. Мы же, благодаря Г. В. Совкову, этот плод у москвичей вкушали в полной мере.

Памятно, как Г. В. Совков появился у нас в Калининграде. Однажды ко мне последовал телефонный звонок от Сергея Павловича Королева: «Иван Михайлович, мне крайне необходим предприимчивый, грамотный заместитель по капитальному строительству. Без него трудно решать многие вопросы на полигоне и на предприятии. Да и в городе такой человек будет полезен. У меня есть подходящая кандидатура».

Отвечаю: «Сергей Павлович, любую Вашу кандидатуру на указанный пост горком партии поддержит. Решайте, но предварительно познакомьте меня с Вашим избранником».

Далее последовал диалог, каковым С. П. «изящно» вовлекал меня в окончательное решение, как оказалось, весьма деликатного вопроса:

— Мне дал согласие работник «Академстроя» Георгий Васильевич Совков. Строитель сильный, но, Иван Михайлович, у него есть партийное взыскание...

— Хорошо, считайте, что и при этом Ваш выбор горком партии поддержит.

— Но Вы знаете, у него строгий выговор...

— Считайте, что и при этом обстоятельстве горком партии возражать против назначения товарища Совкова Вашим заместителем не будет.

— Но, Иван Михайлович, строгий выговор Совкову объявлен Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС.

КПК при ЦК! Для меня — грозное предупреждение. Если б знал, конечно, согласовывать такую кандидатуру на пост заместителя Главного конструктора себе ни в коем случае не позволил. Однако С. П. завел меня далеко и вспять дорогу перекрывало собственное самолюбие. Забрать ранее данное согласие, значило позорно смалодушничать. Не смог я себе позволить такое, поэтому ответил: "Сергей Павлович, коль скоро Вам такой Совков нужен, принимайте его со всеми хвостами. Согласие горкома партии подтверждаю».

Вопрос о главном строителе при Главном конструкторе вскоре был решен. Много пользы для дела привнесло это решение. Георгий Васильевич Совков действительно оказался незаурядным организатором строительства. Работать с ним было интересно. Вместе мы осуществили давнишнюю мечту калининградцев о соединении подземным переходом разделенных железной дорогой частей города. Бюджетных средств на решение этой проблемы, как и на многие другие нужды города, нам не выделялось. Пришлось вновь на энтузиазме разрешать назревший и довольно сложный в техническом, организационном, финансовом плане вопрос.

Г.В. Совков был коренником в упряжке всех наших градостроителей. Он выступал главным заказчиком на сооружение большинства жилищно-гражданских объектов города. Они, как правило, строились в складчину. На заказчика приходилась основная нагрузка в организации строительного дела — от проектирования до сдачи государственной комиссии сооружаемых объектов. От этой роли бывалые хозяйственники белели, как черт от ладана. Георгий Васильевич не вылезал из этого хомута. К сожалению, уже после моего ухода из горкома партии его без доз точных, на мой взгляд, оснований «допекли»

по партийной линии. Он был жестоко развенчан и, как натура страстная, не выдержал обрушившихся на него ударов.

Многое еще хочется вспомнить из событий тех четырех лет, что выпали на мою долю в подмосковном Калининграде. Обобщая, могу сказать: это был плодотворный четырехгодичный курс практической самостоятельной работы. Горком партии брал на себя в интересах жителей юрода координацию действий всех руководителей предприятий и организаций. Кстати, в те же годы за счет партийного бюджета удалось построить здание городского комитета партии, ранее располагавшегося в затишном общежитии. Это существенно расширило наши возможности в организации массово-политической работы.

Не без шероховатостей, но и без особых конфликтов сотрудничал с председателем исполкома горсовета Александрой Андреевной Пустовойтенко. Женщина с характером, несколько повышенным самолюбием, она была большой труженицей. На крутых поворотах, в общем деле мы всегда были вместе. Щели между нами никто не искал и повода кому мы никому не давали. Прискорбно, что Александра Андреевна рано ушла из жизни.

Совместная деятельность с сотнями соратников в Калининграде одарила меня целой плеядой верных друзей. До сих пор (спустя более тридцати лет!) со многими из них сохраняю добрые связи. В большинстве своем мы все воспитанники комсомола и потому чередующиеся годовщины рождения ВЛКСМ и сейчас встречаем вместе. Какие это встречи! Как бы я желал, чтобы радость такого общения познали мои внуки. Скажете: в одну и ту же реку дважды войти невозможно. Верно, не войдешь повторно в одну и ту же воду. Но почему дважды, трижды, та сколько угодно раз нельзя войти в чистую реку благородных человеческих отношений?

Можно! Нужно!



Семилетка в отделе науки обкома партии

Работа в Калининградском горкоме партии прервалась также неожиданно, как и началась. В 1968 году в обкоме партии вакантным оказался пост заведующего отделом науки и учебных заведений. Выбор пал на меня. Старался убедить, что из Калининграда уходить мне рано. Есть хорошо обдуманые, но нереализованные программы деятельности городской партийной организации.

Не убедил. В город приехал второй секретарь обкома партии Виктор Семенович Попутан. С присущей ему энергией и настойчивостью доказывал городскому партийно-хозяйственному активу и мне, что названный отдел обкома нуждается в человеке, который прошел школу организаторской работы в крупнейшем научном центре области, каковым был Калининград. По его просьбе собрали пленум горкома партии и вопрос был решен.

У меня не было затруднений с преемственностью поста первого секретаря горкома партии. Вопрос сам по себе не простой. Традиционно обком партии направлял своих ставленников в руководство Калининградской организацией КПСС, отпочковавшейся в начале 60-х годов из крупнейшего в Московской области Мытищинского отряда коммунистов. Я был третьим «варягом» и хорошо сознавал, что практику наместничества нужно разрушить. «Отцы» города, правда, воспринимали подобную опеку обкома партии вполне лояльно. Никто из них не желал сдавать ключевой пост в городе выходцу из соседней организации. Пусть лучше «варяг».

Я «на берегу» уловил эту ревностную конфронтацию. Понял, что напрямую выход на пост руководителя городской парторганизации представителя любого, пусть даже крупнейшего коллектива будет торпедироваться. Значит нужно из местных кадров, поначалу на вторых ролях в горкоме партии подготовить достойного кандидата на пост первого секретаря. Такой вариант совпадал с моим правилом в работе иметь сильных соратников.

Уже во время «примерок» на пост первого секретаря горкома партии выставил условие: одновременно с моим избранием вторым секретарем рекомендовать О. Н. Шишкина. Он имел богатый опыт комсомольской и партийной работы, был, как уже ранее отмечал, своим человеком в партийной и научной элите города. Ему, обосновавшемуся к тому времени в институте измерительной техники, подобная перспектива была не по душе. Но секретарь обкома партии А. Д. Мощевитин, мой «крестный отец», имевший в Калининграде незыблемый авторитет, убедил Олега Шишкина в необходимости вместе со мною потрудиться в горкоме партии.

В последующем мне самому удалось привлечь на работу в горком партии Бориса Алексеевича Родионова, заместителя секретаря парткома крупнейшей в городе «королевской» организации. Запас прочности оказался нелишним. О. Н. Шишкин пошел бурно в рост в отрасли общего машиностроения Советского Союза. А Бориса Алексеевича Родионова я рекомендовал первым секретарем горкома партии. Работал он увлеченно и быстро стал признанным вожаком городской парторганизации.

Традиция наместничества была порушена, и смена первых секретарей Калининградского ГК КПСС далее неизменно проходила «по-домашнему», за счет своих доморожденных кадров.

А у меня началась новая, неведомая ранее жизнь. Отдел науки и учебных заведений обкома партии ведал деятельностью партийных организаций институтов Академии наук, вузов, техникумов, профтехучилищ, общеобразовательных школ и учреждений здравоохранения области. Море проблем, а работников отдела — восемь человек.

И вновь общение с замечательными людьми. В академической среде установились корректные, уважительные связи. В Пушинском научном центре поначалу с академиком Глебом Михайловичем Франком — директором Института биофизики и всего Научного центра. В последующем Г. М. Франка в качестве директора Научного центра сменил Г. К. Скрыбин. С этим одаренным ученым и блестящим организатором науки у меня сложились добрые товарищеские отношения. В те же годы в Пущине воссияли молодые талантливые ученые А. Спирин и Ю. Овчинников. Научный центр в Красной Пахре (Троицке) возглавлял академик Л. Ф. Верещагин, научивший мир делать искусственные алмазы. В Черноголовке идеологом Научного центра был всемирно известный ученый Н. Н. Семенов.

Так или иначе с этим созвездием советской науки довелось повседневно общаться. Удивительная человеческая среда — эти ученые! Сколь, ко в них мудрости, благородства, стремления сосредоточиться на какой, то неведомой человечеству тайне, высветить ее и в текущем реально*, времени обернуть на пользу человечеству. Всегда восхищался этой «ограниченностью» настоящего ученого. И с болью сопереживал трагедию некоторых ученых, коих «понесло», а чаще всего «понесли» в политику. Прискорбное это состояние природой одаренного человека, который как невинным дитятей, люди невежественные, авантюрные пользуются в своих поганных целях.

Сложной и увлекательной выстраивалась работа отдела с ректората, ми и партийными организациями вузов. Вузовским коллективам характерны какие-то внутренние перенапряжения. Партийные комитеты и партбюро принимали на себя ощутимые колебания от «качки» профессиональных и человеческих взаимоотношений в профессорско-преподавательской среде. Так или иначе приходилось вникать в эти сложные процессы штормового характера, ибо волнения часто доходили до обкома партии. А у меня на всю академическую и вузовскую часть партийного влияния единственный инструктор Валентин Фомичев. Нужно отдать ему должное: то был деликатный, чутко улавливающий настроение людей партийный работник. Но он, естественно, постоянно нуждался в поддержке руководства отдела. Тем более, что вузы возглавляли известные ученые, сильные характером и располагавшие поддержкой высоких инстанций, такие, как О. М. Белоцерковский, А. Н. Обливин, В. Ф. Ноздрев.

Отдел большое внимание уделял деятельности вузовских кафедр общественных наук. Обществоведы были опорой всей областной парторганизации в постановке идеологической работы. К заслугам отдела отношу содействие в пополнении студенческих рядов рабочей молодежью, выходцами из рабочих семей и сельской местности. Отношение ректоров к этому подходу было неоднозначным. Жизнь, однако, показала, что этот контингент учащихся вузов в силу своей природной работоспособности и прилежности на вторых-третьих курсах выравнивался со сверстниками, хорошо «натасканными» в элитных спецшколах. Специалисты из этих ребят формировались классные.

И все же львиную долю рабочего времени работники отдела расходовали на участие в деятельности партийных организаций общеобразовательных школ, профтехучилищ и лечебных учреждений. Тесно сотрудничали с областными отделами народного

образования и здравоохранения, их руководителями Л. С. Андреевой и В. П. Гринавцевой. Здесь меня от многих забот освобождали заместители заведующего отделом А. И. Соколова и В. В. Самсонова. Без них я неминуемо утонул бы в этих «отсеках», наполненных проблемами и человеческими страстями. Хотя и самому пришлось в течение семи лет каждодневно погружаться в сферу народного образования и здравоохранения. Познание этих отраслей народного хозяйства оказалось весьма полезным для моей последующей работы в облплане и облисполкоме. Наряду с жилищно-коммунальным хозяйством это были важнейшие направления в деятельности органов Советской власти.



Плановая кухня области

С подачи и благословения первого секретаря МК КПСС Василия Ивановича Конотопа в ноябре 1975 года я был избран заместителем председателя Мособлисполкома и назначен председателем областной плановой комиссии. Пост в области — знаковый, ключевой. Облплан вел расчеты, регулировал распределение материальных и финансовых ресурсов между хозяйственными органами, районами и городами, являлся связующим звеном между местными органами власти и союзными, республиканскими ведомствами. Любое хозяйственное решение, принимаемое облисполкомом или инициированное обкомом партии, готовилось в облплане. Здесь же определялись производственные задания областным главкам и управлениям, компоновались объемы сельскохозяйственного производства и жилищно-гражданского строительства для районов области. Словом, облплан был генштабом партийной и Советской власти. Вот сюда я получил путевку обкома партии. Догадываюсь, что у Николая Тимофеевича Козлова «г» председателя Мособлисполкома мое внедрение в его команду могло вызвать определенные сомнения. Отношения «Старой площади» — МК КПСС и «Тверской, 13» — Мособлисполкома были не безоблачны.

Но в поддавки собою я никому не позволял играть. Лицемерие мне было чуждо. Служить делу, а не человеку оставалось моим единственным «потайным» принципом. Полагаю, что Николай Тимофеевич это для себя быстро усвоил, а практические дела окончательно все прояснили. Я благодарен Н. Т. Козлову за то, что он предоставил мне, как и другим своим заместителям, свободу действий. В дальнейшем по мере набора мною опыта и сил полностью доверял в выработке ответственных решений. Нередко я нуждался и всегда получал его поддержку в защите наших плановых разработок в высших органах Советской власти и на заседаниях бюро областного комитета партии.

По поручению Н. Т. Козлова нередко представлял и защищал интересы области в союзном Правительстве. Дело в том, что решения Совета Министров СССР в части расширения и реконструкции подмосковных предприятий министерства и ведомства обязаны были предварительно согласовать с Мособлисполкомом. Зачастую делались попытки обойти это правило. Приходилось отстаивать свои позиции непосредственно в ходе заседания Правительства. Речь шла о недостатке рабочих кадров, нарушениях экологии, одностороннем развитии производства без обеспечения необходимых социальных условий роста трудовых коллективов. Возглавляя рабочую областную комиссию по развитию производительных сил, я был хорошо подготовлен к подобным дискуссиям. Длинные, тем более бездоказательные споры на заседаниях Совета Министров СССР не допускались. Поэтому к рассмотрению любого вопроса приходилось готовиться тщательно. Правительство внимательно прислушивалось к нашему мнению, и оно так или иначе учитывалось при принятии решения.

Бои на этом ристалище дали мне многое. Развивались бойцовские качества, укреплялась уверенность в своих силах как полномочного представителя столичной области, расширялись деловые связи с влиятельными должностными лицами в правительственных кругах. Все это помогало глубже сознавать сложные механизмы управления в сфере народного хозяйства, вырабатывать плановые решения социально-экономического развития Подмосковья. Это было тем более к месту потому, что в плановую пучину я вошел «на босу ногу». Специального образования не имел, опыт практической работы в плановых органах также отсутствовал.

А дел было невпроворот. На пороге X пятилетки одновременно завершалась разработка очередного годового и перспективного пятилетнего планов. «Крещение» в плановики, таким образом, проходило не в спокойной купели, а в омуте проблем, в лабиринте согласований, под градом просьб, указаний, требований.

На марше, в «атаке» на пятилетку знакомился со своей «армией». Под моим началом находились четыре заместителя председателя, 14 начальников отделов, почти сотня специалистов. Объектами планирования являлись четыре десятка областных главков, управлений и отделов, а также 38 районов и 19 городов.

Нужно сказать, что плановый механизм был добротный. От своего предшественника Н. А. Жданова я получил хорошее наследство. Сколь-нибудь существенных кадровых перестановок делать не пришлось. Заместители председателя облплана В. П. Широков, И. С. Скворцов, М. Н. Дуванов, Т. Ф. Симакова — закаленные, грамотные плановики. Трудились они на совесть. Я всячески оберегал их от излишнего давления «внешних сил». В тоже время сам въедливо вникал в каноны планового дела. Много работал с начальниками отделов. Это были воистину сеятели плановой нивы. Большинство — женщины. Они работали с каким-то особым упоением, аккуратностью и женским обаянием. Последнее в плановой деятельности было не лишним: в районах, областных организациях, Госпланах СССР и РСФСР приходилось иметь дело с людьми 1-го звена, влиятельными и властными. А гнутья во все стороны в плановой работе недопустимо. И до конфликта доходить нельзя. В этих обстоятельствах наши начальницы отделов Н. М. Алфимова, Г. Ц. Галкина, Р. М. Гершова, В. С. Дмитриева, Л. В. Ефимова, Л. А. Иунихина, Т. А. Лазарева,

Е. И. Лентищева, Е. С. Червинская, Л. А. Честнейшина удивительно ловко сочетали гибкость и устойчивость в защите плановых расчетов, обеспечивали благоприятные для области решения в союзных и республиканских инстанциях. Да и мужская часть умела считать, убеждать, держать удар. Облплан был сплоченной командой бойцов за интересы области. Мне и сейчас, спустя более двух десятков лет, доставляют искреннюю радость встречи с этими ветеранами государственной службы Подмосковья.

И все же управлять сложным механизмом планового регулирования социально-экономической жизни огромного региона было непросто. Требовалось сплачивать в единый плановый массив расчеты районов, городов, областных организаций. Это были соображения умных, апостольски преданных делу служителей земли Подмосковной. Но трудно стыковались их расчеты между собой с наличными материальными и финансовыми ресурсами области. Мучительная притирка желаний и возможностей как раз и составляла суть деятельности областной плановой комиссии.

В ходе разработки пятилетнего плана на 1976-1980 годы прошел такую школу практического управления людьми и огромным хозяйством столичной области, с коей не могла сравниться никакая академия. Да и решения приходилось принимать не только по методологии, теории и аксиомам планирования.

Что же это такое — план? Демократические болтуны не пожалели ни яда, ни чернил, чтоб само слово «план» превратить в пугало советских десятилетий. А ведь плановое достижение цели испокон веков присуще человеку — существу разумному. План, отнюдь, не изобретение социализма. Другое дело, на этом этапе общество утвердило плановое начало как основной принцип решения социальных и экономических задач. Результаты

хозяйственного строительства вплоть до бездумной, архирыночной “перестройки” доказали могучую силу плановой реализации задач общества и государства.

Импульсы в плановые комиссии поступали изначально из партийных органов. В Госплан СССР — из ЦК КПСС, в облплан — из МК КПСС. Концептуально директивы, контрольные цифры развития народного хозяйства определялись партийными съездами и конференциями. Но и на этой стадии их разработка велась с активным участием ученых и практиков, работников советских, плановых и хозяйственных органов.

А далее по утвержденным ориентирам плановые комитеты и комиссии определяли детальные народно-хозяйственные планы. Высокая эффективность такого подхода проявлялась в неизменном выполнении весьма напряженных экономических программ. При этом заводы, фабрики, земля, ее недра, оставаясь народным достоянием, приносили своему хозяину — народу хорошие дивиденды: справедливую оплату труда, доступное всем образование и медицинское обслуживание, организованный отдых трудящегося человека, обеспеченную старость. Имелся приличный достаток для расцвета отечественной науки и культуры народа.

Маститые и мелкокалиберные уценщики прошлого именуют эту систему тоталитарной, а трудящегося советского Человека — «рабом». Но рабами, притом без кавычек, люди стали тогда, когда появились «хозяин» и «господин». Сейчас эта масть «новых русских» превратила в рабов миллионы людей, создала новый социальный слой бомжей. В советскую эпоху, в социалистической общности человек был раскрепощен от всевластия «денежных мешков», природа которых весьма своеобразна. Источниками их денежных средств являются не столько труд, сколько кража и продажа, в том числе продажа социалистической собственности и сырьевых ресурсов страны. Два последних источника олигархи захватили полностью, да и прибавочную стоимость труда умудряются с помощью «рыночников» в значительной мере перекачивать в свои карманы.

Ограничусь по этому поводу сказанным. Это тема особого разговора. Вернусь к конкретной деятельности облплана. Опыт его работы рано или поздно будет еще востребован.

В конце семидесятых годов у первого секретаря обкома партии Василия Ивановича Конотопа возникло намерение обеспечить свежемолочными продуктами с подмосковных ферм все пятнадцатимиллионное население Москвы и Московской области. Масло, сыр можно завезти в столичный регион с любого края света. А молоко доставлять в столицу молоковозами за сотни километров, начиная с Брянщины, было действительно неразумно.

Конечную цель определить не представляло труда; По научно-обоснованным нормам каждому человеку полагается около 200 килограммов свежемолочных продуктов в год. Элементарным действием умножен на 15 миллионов душ Москвы и Московской области, а в те поры мы занимались не делением, а преимущественно умножением, получаем потребность до трех миллионов тонн — трех миллиардов литровых бутылок молока в год!

Плановик не боится цифр. Это его стихия. Но молоко из цифр не те. чет. Начинаем считать мели и перекаты желанной молочной реки. Поголовье коров — недостаточное. Надои наших буренок малы.

За исходные рубежи решения поставленной задачи приняли увеличение молочного стада на 100 тысяч голов с одновременным повышением продуктивности буренки до пяти

тысяч килограммов молока в год. Арифметика строилась таким образом: каждая из 600 тысяч коров дает нам по пять тонн молочка. В итоге имеем три миллиона тонн продукции.

Отдел сельского хозяйства облплана во главе с Лидией Александровной Честнейшиной засел за расчеты воспроизводства стада. Намечаемый рост поголовья коров до 600 тысяч (а с учетом сопровождающего его «шлейфа» бычков и прочих телят численность крупного рогатого скота переваливала далеко за один миллион) требовал строительства новых ферм, значительного пополнения рабочих кадров и, главное, внушительного увеличения грубых и сочных кормов.

На последнем требовании наши расчеты захлебнулись. С одной стороны, было очевидно, что сено, солому, силос, свежий зеленый корм и корнеплоды — все нужно получать на своей земле. Но собственных сельхозугодий, достаточных для их производства, область не имела. Предлагалось для расширения кормовых угодий сократить картофельное поле. Но это — капля в море. Резкое сокращение посева зерновых могло стать решением проблемы. При этом нарушался севооборот, дай один миллион тонн зерна с подмосковных полей был для нас не лишним. Ведь кроме крупного рогатого скота нужно было разумно развивать свиноводство и птицеводство, где расход комбикормов в общем рационе свиней и кур составлял от 70 до 90 процентов. А основа комбикорма — зерно.

Нужно было корректировать цель. Однако «первый» — Василий Иванович Конотоп, этот воистину мудрый подвижник земли Подмосковной, отступить от намеченных целей не любил. Тогда мы с И. С. Скворцовым заложили в расчеты явно нереальный для обозримого времени уровень надоев до шести тонн молока в год от каждой коровы. При этом «решались» все задачи по поголовью скота, наличию ферм, рабочих кадров и заготовкам кормов.

Впрочем, на дальнюю перспективу такие показатели не были фантазией мечтателей. Мне довелось посещать фермеров Англии, Америки, Финляндии, Швеции. В зарубежных фермерских хозяйствах ставка делалась на коров с надоями 6-7 тысяч килограммов в год. Да и наши доярки в ряде случаев ежегодно получали от своих питомиц шесть, а иногда и семь тонн молока.

Интенсивные факторы развития молочного животноводства, заложенные в переработанный план, все же явились хорошей основой для практической работы. На этой основе отработывались напряженные, но реальные этапные планы наращивания производства молока, скоординированные с развитием других отраслей сельского хозяйства. В 1990 году производство молока во всех категориях хозяйств превысило два миллиона тонн. Одновременно на потребительский рынок было поставлено 4,5 миллиарда штук яиц и почти 300 тысяч тонн мяса. И ни один килограмм молока и мяса, ни один десяток яиц не оказались лишними. Государство сохранило валюту, производительным трудом в сельском хозяйстве области были заняты 300 тысяч человек.

В следующем десятилетии «обновленцы» нашей экономики задушили созданный на плановой основе агропромышленный комплекс. Удушили потешными структурными реформами села, безумным неуправляемым ростом цен на сельхозтехнику, минеральные удобрения и энергоносители, заполнением отечественного рынка «ножками Буша», порошковым молоком и прочими суррогатами. Десятки тысяч селян лишились заработка, а зарубежный фермер щедро подкармливался нашей оплатой импортных продуктов.

Где же выход? Нам нужно как можно скорее и как можно предметнее освободиться от измышлений скудоумных экономистов, сделавших «открытие» - наше сельское хозяйство — «черная дыра». Отсюда вывод — прекратить или резко ограничить направление в эту отрасль государственных средств, а продовольствие закупать по импорту.

Убежден: при российских климатических условиях (морозы, короткий вегетационный период, обширные зоны засушливого земледелия) государство обязано оберегать своего, сельхозпроизводителя от непосильной конкуренции с зарубежными фермерами. Напрашивается совет брать в пример финнов или канадцев. Слов нет, финские, канадские фермеры — люди трудолюбивые. Однако финское сельское хозяйство «жметя» к побережьям Финского и Ботнического заливов, существенно смягчающих климат. В Лапландии — своей северной части финны растениеводством не занимаются, а скотоводство здесь ориентируется исключительно на оленей. Так же, как и в нашей тундре. >

Что касается Канады, то основная ее часть располагается на широтах от 50 до 60⁰ и даже южнее 50-й широты. Западная Европа уютно разместилась на глобусе в поясе от 40 до 50°. Территория же России в значительной мере раскинулась севернее 60°, а южнее 50-й широты находятся лишь Краснодарский да Ставропольский края. Разница существенная. И количеством осадков Россия явно обделена. В этих условиях наше государство, обеспечивая продовольственную независимость и безопасность страны, обязано дотировать отечественного сельхозпроизводителя, а таможенной политикой оберегать его от агрессивной конкуренции из-за рубежа.

«Мудрые» яйцеголовые экономисты-демократы 90-х годов, будто инопланетяне, сделали еще один «потрясающий» вывод: народ накормит только фермер. Кстати, а скорее всего нестати эту маниловщину проповедовал и тогдашний премьер России И. С. Силаев. Хотел бы я видеть наших любителей фермерства в фермерской шкуре. Слов нет, фермерству нужно дать простор. Но в России это дорога одиночек — сверхчеловеков. В условиях Московской области единоличное товарное производство может состояться на угодьях не менее 50 гектаров. Попробуйте организовать такое хозяйство. Это — каторга, не гарантирующая успех. Только многожилному мужику под силу единолично вести на нашей земле дело прибыльно. Такие на Руси есть. Их — единицы. Они благословенны. Но чтобы произвести те два миллиона тонн молока, о которых я поведал выше, нужно иметь на молочном поприще Подмосковья 20 тысяч фермеров. Найдите их, этих великомучеников, не знающих покоя круглый год.

Насколько я осведомлен, подмосковные фермеры в производстве молока так и не преодолели планку в 20 тысяч тонн, а к концу 90-х годов вдвое сократили плоды своего труда. И за то им спасибо. Ведь именитых голландских фермеров, которых мы пригласили в Дмитровский район показать пример фермерского ведения хозяйства, наши погодные условия не удовлетворили. Сбежали. А мы им безвозмездно предоставили хорошо оборудованные молочные фермы, благоустроенные коттеджи. Но нашу суровую природу под голландские параметры, естественно, не подвели. И результат — полная капитуляция.

Я не случайно выше подробно воспроизвел проработку перспективного плана развития молочного животноводства. Эта отрасль сельского хозяйства требует особого подхода. Цикл воспроизводства молочного стада длительный. Без планового подхода такие задачи не решаются. И не только в молочном животноводстве: Стараниями все того же

В. И. Конотопа Правительство Советского Союза принимало специальные решения о пятилетних планах комплексного развития всего сельского хозяйства области. Такая программа на X пятилетку отрабатывалась в облплане под моим руководством. Усилиями наших замечательных крестьян она была успешно реализована. Наряду с сооружением производственных объектов для сельчан строились жилые дома, школы, поликлиники, дворцы культуры и клубы. На развитие всего комплекса в сельское хозяйство области было направлено свыше 2,7 млрд, рублей ¹ капиталовложений — на 550 миллионов рублей больше в сравнении с предыдущим пятилетием. Поставки мяса на государственный рынок увеличились на 22 процента, молока — на 21,5, яиц — на 34 процента. Так планомерно вплоть до 1990 года Подмосковье наращивало производство важнейших продуктов питания.

За девяностые годы псевдорыночный механизм угробил этот потенциал подмосковного села. Молодые люди, от которых демократические ' «независимые» СМИ железным занавесом закрывают прошлое, должны знать «подвиги» потешных реформаторов села. Потому и не удержался от приведенных выше цифр. Они сокрушают зубоскальство ныне модных нигилистов.

Предвижу вопрос: почему же раньше полки магазинов были скудными, а сейчас изобилуют различными продуктами? Отвечаю. Если все граждане сегодня обретут прежнюю способность покупать мясо, колбасу, масло и другие продукты, то полки магазинов вмиг станут пустыми. Конечно, можно еще удвоить, утроить перекачку нефти и газа на импортные продукты и тем спасти положение дел. Но так расходовать невосполняемые богатства наших недр преступно. Выход в ином. Неминуемо придется восстанавливать свою отечественную ниву и свои стада продуктивного скота.

Я увлекся воспоминаниями о плановом развитии агропромышленного комплекса. Хотя еще ни слова не сказал о впечатляющем расцвете подмосковного овощного огорода. Это ведь тоже целая поэма о наших мелиораторах, о сооружении тепличных плантаций на площади в несколько сот гектаров, а главное — о чудесных мастерах-овощеводах.

На плановой основе неплохо разрешались многие другие житейские проблемы. По своей инициативе облплан разрабатывал программу обеспечения жителей Подмосковья благоустроенным жильем с ориентиром на дальнюю перспективу: каждой семье — квартиру. По всем городам и районам области поэтапно определялись объемы жилищного строительства с учетом вывода из жилого фонда ветхих, неблагоустроенных строений. Просчитывались необходимые материальные и финансовые ресурсы.

Реализация этой комплексной программы позволила вскоре довести ежегодный ввод жилых домов общей площадью свыше трех миллионов квадратных метров. Новоселами становились десятки тысяч семей рабочих и специалистов, врачей и учителей. В то же время стимулировалось, получало государственную поддержку индивидуальное жилищное строительство. И оно заметно оживилось по всей области.

Статистика конца 90-х годов высвечивает вроде бы немалые масштабы жилищного строительства. Но то в значительной мере «квадраты» особняков новоявленных «господ». Основная же масса жителей утратила всякую надежду на улучшение своих жилищных условий. А ведь деньги у «господ» на строительство своих дворцов не с неба свалились. Они изъяты из народного кармана. Я об этом уже упоминал выше. Такое перераспределение средств и благ несправедливо. Рано или поздно общество вспомнит о прошлой практике разрешения вечно острой жилищной проблемы.

Следует отметить, что плановый метод позволял пропорционально нарастающему жилому фонду развивать коммунальное хозяйство, расширять сеть больниц, поликлиник, школ и детских дошкольных учреждений. Комплексное решение этих вопросов давалось нелегко. Предприятия, министерства и ведомства средств на строительство жилых домов не жалели. А все остальное «доверяли» решать местной Советской власти. Мы и решали эту проблему. Механизм был прост, как дубина: застройщика жилья понуждали раскошелиться на строительство коммунальных и иных нежилых объектов. Здесь все зависело от облплана. Как председатель плановой комиссии я принимал в план жилищного строительства средства с обязательным оброком на «социалку».

Значительную часть капитальных вложений на сооружение школ, больниц, поликлиник, котельных, водозаборов, очистных сооружений, тепловых, водопроводных, канализационных сетей все же приходилось выклянчивать в республиканских и союзных инстанциях. Союзные и республиканские органы здесь искусно соревновались в скарденности предоставления средств на инженерное и социальное обустройство новых жилых массивов. Мне активно помогали преодолевать это госскряжничество коллеги по облисполкому Н. К. Корольков и А. С. Свиридов. Сколько ведомственных коридоров мы протопали вместе! По образному выражению Николая Кузьмича Королькова, у каждого из нас «пар шел из-за голенища.» Но результата нужного добивались. Без воды и тепла жилые дома не вводили. За десятую пятилетку были построены 144 школы на 120 тысяч ученических мест, детские дошкольные учреждения на 60 тысяч ребятишек, больницы на 6 тысяч коек.

В иной системе житейских, уже демократических координат за пятилетку 1991-1995 годов были введены школы всего лишь на 50 тысяч учащихся, детские дошкольные учреждения — менее чем на 9 тысяч мест и больницы — на 3,5 тысячи коек.

Как видите, разница с десятой социалистической пятилеткой разительная. План, повторюсь еще раз, сам по себе, как, впрочем, и пресловутый рынок автоматически не срабатывал. Для приведения его в действие необходимы были энтузиазм, честное служение делу всех организаторов общественной жизни. Тот же Н. К. Корольков изначально был творцом таких исключительно важных для области творений, как госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны, хирургический корпус МОНИКИ, областной Дом искусств в Кузьминках. В последующем в их строительство большой вклад внесли В. И. Виноградов, И. К. Муравьев — члены облисполкома, ведавшие строительством. Мне довелось по должности заниматься этими воистину великими для Подмосковья стройками. Как они нелегко нам достались! И все же основой решения подобных задач был плановый подход к выделению народных средств на важнейшие социальные нужды.

Совершенствование плановых основ развития народного хозяйства Подмосковья подготовило почву для качественно нового регионального планирования. В июне 1984 года по предложению обкома партии и облисполкома Совет Министров СССР принял постановление «О совершенствовании планирования комплексного экономического и социального развития Московской области». Пришлось долго убеждать работников Госплана СССР и правительственного аппарата в необходимости указанного постановления. Сопrotивление исходило из опасности создать заразительный прецедент для других регионов. В конце концов брешь в тот уровень государственного плана, на котором находились союзные республики, а также Москва и Ленинград, была пробита. Наша область на то имела полное право. К примеру, по объему промышленного

производства она превосходила большинство республик Советского Союза. Да и статус столичной области нас ко многому обязывал.

Упомянутым постановлением союзного Правительства на Мособлисполком, начиная с 1986 года, возлагалась разработка проектов пятилетних и годовых планов развития народного хозяйства области с охватом предприятий всех министерств и ведомств, кроме плановых показателей производства оборонной продукции. Далее эти проекты докладывались Совету Министров СССР и после их утверждения обретали силу закона.

Учитывая, что в январе 1986 года я был избран председателем Мособлисполкома, то по должности одновременно стал докладчиком и исполнителем этих масштабных плановых разработок. «Отдельная строка» в Государственном плане СССР позволила нам эффективно регулировать развитие производительных сил на территории области, рационально распределять трудовые ресурсы, предотвращая излишнюю концентрацию промышленного и научного потенциала страны в центральном ее регионе. А к этому тогда с большим напором стремились всемогущие министерства и ведомства.

Несколько слов о больших государственных планах. Как-никак, а в течение ряда лет имел возможность наблюдать их формирование в правительственных органах. К тому же в течение двух созывов Верховного Совета РСФСР возглавлял планово-бюджетную комиссию этого высшего законодательного органа республики. Потому и позволяю себе ненадолго возвыситься в своих воспоминаниях над личным жизненным опытом.

Подлинным феноменом планового государственного строительства стало преобразование в кратчайшие исторические сроки отсталой российской империи, которую на ее закате вдрызг исколошматил германский милитаризм, в могучую державу, одержавшую блистательную победу над фашистской коалицией европейских государств. Была обеспечена на новой социально-экономической основе реализация прав советских граждан на труд, образование, медицинское обслуживание, отдых и спокойную старость.

Заслуги плановой системы ныне замалчиваются для того, чтобы скрыть перед молодым поколением невыгодный исторический фон разгулявшемуся на российских просторах дикому капитализму с его шоковыми ударами по народным массам, вандализмом безумных громил прошлого и той хищнической растащивкой народных богатств, которую нагло учинила элита этой ватаги вандалов.

Планомерная основа социально-экономического прогресса, подлинно демократических преобразований общества бессмертна. В том числе и на этапе рыночно-ориентированной экономики с ее разнообразием форм праведной собственности.

Плановая деятельность государства, как любой механизм, должна, конечно же, совершенствоваться, соответствовать времени, глобальной и внутренней ситуации. Директивное планирование, на мой взгляд, было не только оправданно, но и необходимо в предвоенные 30-е годы, а далее — в военное лихолетье и на весь период восстановления, порушенного войной народного хозяйства. Но в 50-е годы оно должно было существенно и даже принципиально реформироваться. Это требование времени тогда проигнорировалось, да и в последующие десятилетия плотно блокировалось. На государственном и региональном уровнях количественные плановые показатели подавляли качественные технические и потребительские свойства товаров и изделий. Рамки директивного планирования все более расширялись, рыночные регуляторы экономики в сферу управления народным хозяйством не допускались. Нескладно продолжали вмешиваться во все закоулки хозяйственной жизни партийные органы,

усиливая директивный характер регулирования экономики. В ЦК КПСС, к примеру, ни к селу, ни к городу создали отдел торговли. В обкоме партии появился еще и отдел жилищно-коммунального хозяйства. Как говорится, систему несло на рифы и скалы реально меняющейся жизни. Истинная перестройка вовремя, увы, не началась. За отсталое мышление расплата последовала неотвратимо.

Не хочется более рассуждать о достоинствах и недостатках плановой системы. Я был в ее чреве и потому сужу о ней не понаслышке. Потому со знанием дела утверждаю: списывать в архив наш опыт планового развития экономики и планомерного решения социальных проблем не что иное, как скудоумие. Ведь этим опытом в той или иной мере сейчас пользуются во всем мире. И только слепой этого не видит. Простим незрячему зримое. Но зрячему, глядя из нынешнего окна в будущее, не следует упускать из виду наш уникальный отечественный опыт государственного строительства.

Не берусь определять, как этот опыт прошлых лет употребить сегодня на государственном уровне. Это задача огромного, невиданного ранее полчища экономистов, многочисленных академий, институтов и лабораторий России. Поведаю о своих раздумьях применительно к региональному эшелону.



Губернаторские четырехлетки

Каждые четыре года проходят выборы губернатора области. Взглянем, на что расходуются интеллект, огромные средства в ходе избрания высшего должностного лица Подмосковья. В пример с «благословенного» Запада берутся дорогостоящие, клоунадные спектакли ожесточенной борьбы за власть. Прогнившая буржуазная, «демократическая», балаганная классика: митинги, лозунги, плакаты, компромат. По сути — заморочка, обман, а то и постыдный, дешевый подкуп избирателя. И на все это расходуются огромные, часто криминальные деньги.

Грязь компромата, лозунги и обещания манны небесной в предвыборной кампании нужно сменить на убедительные, хорошо отработанные планы социально-экономического развития области каждого претендента на пост губернатора. Нелишне тут вспомнить ленинский принцип: «...нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех». Полагаю, что даже обалдевший от «демократических» свобод или рвущийся к рулю исполнительной власти мазурик не может отрицать эту аксиому первооснов управления страной или регионом. Такие планы кандидатов, «рассчитанные на длительный период и на серьезный успех», должны сменить фальшивые декорации постыдных гладиаторских битв за власть. А на смену традиционных пятилеток должны прийти губернаторские четырехлетки.

Может ли кандидат в губернаторы области подготовить и представить избирателю свою «четырёхлетку»? Отвечу вопросом на вопрос: если не может, то какой же он может быть губернатор? Ведь речь в предвыборных ристалищах идет не об игре в прятки. К тому же впредь наиболее авторитетные кандидаты на высшие посты в краях, областях, автономных республиках будут выставляться крупными политическими партиями. Партийные интеллект и финансы достаточны для оснащения своих кандидатов хорошо продуманной программой действий. Тем самым и партия покажет свое истинное лицо избирателю. Да и выдающиеся независимые кандидаты ввяжутся в предвыборную борьбу более ответственно. Ведь если окажешься на Олимпе исполнительной власти и не оплатишь выданные векселя, то неминуемо и с позором канешь в Лету. Словом, предлагается огромные средства на предвыборную кампанию обращать впрок. Ни копейки — на предвыборную бузу. Все ресурсы — на разработку планов развития народного хозяйства области. А обещалкиных — под откос, на свалку, в отходы демократии.



Эх, дороги!

На период моей работы в облплане пришелся некий бум дорожного строительства. Идея вновь исходила от В. И. Конотопа. Но идея сама по себе долго не живет и обретает плоть в исполнительной сфере. «Вхождение» в план, поиск заказчиков и подрядчиков, выделение необходимых трудовых ресурсов, в том числе приснопамятных «лимитчиков», отвод земельных участков под пролагаемые трассы — все это был удел областного Совета и, в первую очередь, его плановой комиссии.

Самым перегруженным автотранспортом в то время было южное направление. Узкая шоссе́нная магистраль к тому же рассекала крупные города области: Подольск, Чехов, Серпухов. Заказчиком и подрядчиком на строительство новой трассы выступили организации Минтрансстроя СССР. Не лучший вариант сосредоточения в едином ведомстве двух главных участников дорожного строительства, но другой схемы тогда мы не имели. Зато удавалось избежать многих конфликтов между заказчиком и подрядчиком, а возникавшие вопросы решались по-домашнему, оперативно. Министерство было могучее, с огромным опытом и техническими возможностями прокладки крупных транспортных магистралей. Трудно было освободить намеченную трассу от существовавших на ней различных строений. Еще сложнее, порой мучительно сложно отводились земельные участки. Приходилось жертвовать пахотными землями, ценными лесными угодьями. Но когда все эти вопросы были решены, дело шло удивительно споро. Сейчас до Серпухова дорога занимает немногим более часа.

И все же изъян единого ведомства в качестве заказчика, подрядчика и проектировщика сказался и режет глаз поныне: трасса высочайшего класса лишена современного дорожного сервиса. Невыгодной была эта часть работ для дорожно-строительного монстра. Полагаю, что на коммерческих началах эту проблему в наше время разрешить нетрудно. Ведь обслуживание на таком бойком месте — дело хлебное.

Другая трасса — на запад, до Волоколамска. Здесь во всех лицах выступали организации Минавтодора РСФСР. И «труба — пониже, и дым — повыше». Облисполкому даже пришлось назначить шефом этой К стройки первого заместителя председателя Василия Петровича Прохорова. А проблемы — все те же. Они были преодолены безволочитно. И на этой трассе сегодня движение в любое время года и суток течет без помех и пробок.

Были и другие дорожные страсти. Например, Коломну по центральной улице на протяжении 12-ти километров «насиловал» огромный транспортный поток на Рязань и далее на юго-восток страны. За Коломну В. И. Конотоп переживал особо. Здесь, на Коломзаводе, а затем в райкоме партии, начиналась его деятельность в Подмосковье. Заниматься дорогой в обход города он поручил исключительно мне. Протяженность трассы — около трех десятков километров. Не так уж и велика. Но она рассекала драгоценные пойменные сельхозугодий совхоза «Сергиевский», пересекала Москва-реку и Оку. Все это порождало массу проблем. К тому же заказчиком здесь выступал Минавтодор РСФСР, а подрядчиком на мостовые путепроводы через две реки — Минтрансстрой СССР. Без мирского суда согласия между ними не наблюдалось. А это — волокита, недопустимая потеря времени. Но я уже достаточно повертелся в верхних эшелонах власти и свою миссию куратора стройки выполнял довольно успешно. Доныне испытываю удовольствие при поездках в Зарайск или Луховицы, минуя Коломну. И во времени выигрываешь, и излишнюю суету в город не вносишь. Город-то ведь беречь надо, он свой, нашенский.

А в Орехово-Зуеве уже без высочайших поручений было огромное желание устранить транспортные неурядицы. Через город и далее по Ликино-Дулево пролегает связка между Горьковским и Егорьевским шоссе. К тому же и пересечение с железной дорогой в черте города создавало огромные пробки. Мой интерес к этой проблеме возбуждался тем, что в Орехово-Зуевском округе я трижды избирался народным депутатом России. Депутатский запрос премьеру Е. Гайдару, попытка решить вопрос в Госплане РСФСР о создании дублера — связки двух дорожных магистралей, минуя город и другие населенные пункты, результата не дали. И запрашиваемые затраты были велики, и время наступило иное, рыночное. Проблемы воспринимались только макроэкономические. А тут всего лишь какой-то дорожный разъезд. Нырнул «ниже». Пригласил, как депутат, в свой округ руководство дорожных ведомств России. Зацепился для начала за строительство путепровода через железную дорогу. А тут, как назло, подступы на мост пролегали через овощные плантации совхоза «Орехово-Зуевский». Директор хозяйства Александр Иванович Крючков заупрямился. И правильно сделал. Пришлось уговаривать дорожников заложить в проект щедрую компенсацию совхозу за наносимый ущерб. После этого дело закипело. Решающий вклад в него внес мой коллега по Администрации области А. С. Савинов. Его высокая квалификация строителя и огромная энергия баснословно сократили сроки сооружения путепровода. Торжественное его открытие было для меня праздником. Это была пусть маленькая, но все же победа над разбушевавшейся рыночной анархией и голым чистоганом, которому чужды были проекты, не приносящие жирного навару разбухающим денежным мешкам новоявленных олигархов.

К сожалению, дальше развивать строительство дорожной смычки Горьковского и Егорьевского шоссе не удалось. Депутатский корпус России «всемирно избранный» Президент России в 1993 году разогнал. А мой «преемник» в Российском парламенте по Орехово-Зуевскому избирательному округу В. А. Брынцалов едва ли увлечется дорожными проблемами области.



Промышленные айсберги Подмосковья

Вернусь в прокрустово ложе своих воспоминаний. Все тот же Василий Иванович Конотоп в 1981 году «отпустил» в ЦК КПСС секретаря обкома партии Александра Андреевича Русанова, ведавшего промышленной отраслью экономики Подмосковья.

Глагол отпустил взял в кавычки не спроста. Глаголы у нас всегда содержали в себе различные вариации сути самого явления. Невольно вспоминаю все предложения «роста» мне. Привлекательные, в «номенклатуре», снизу — вверх: в Госплан СССР, в КГБ, дважды — в ЦК КПСС. Отважно отказывался: хочу остаться в любом качестве в Московской области. Но однажды усомнился: а, может быть, я кому-то не угоден в этой ставшей родной вотчине. После второй «беседы» в ЦК КПСС я пришел к Василию Ивановичу Конотопу. Спросил напрямую: если в области лишний — беспрекословно уйду. На что последовал такой сказ: «Согласие на ваш переход в ЦК КПСС и рекомендацию на то у меня запрашивали. Ответ дал положительный. Но если желания уйти из области нет — трудитесь». Возможно, отсюда в дальнейшем проистекало доброжелательное отношение ко мне этого уважаемого человека. Я в свою очередь очень дорожил таким взаимопониманием, которое в последние годы жизни Василия Ивановича переросло в нашу семейную дружбу.

Переход А. А. Русанова с поста секретаря МК КПСС на высокую должность заместителя заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС определил в моей жизни еще один значительный эпизод. 23 апреля 1981 года меня избрали секретарем обкома партии. Начался новый этап жизни, связанный с замечательными капитанами подмосковной индустрии.

Итак — промышленные айсберги Подмосковья. Сначала о надводной их части, которая на виду, да не каждому дано ее заметить.

Я, как ранее о том повествовал, вплотную соприкасался с промышленным комплексом области в 1959-1964 гг. в качестве одного из ответственных работников обкома партии. Но одно дело — инструктор, другое дело — секретарь обкома партии. Дистанция — огромного размера.

В. И. Конотоп особо опекал текстильную промышленность. Чего греха таить, я, хорошо познавший отрасль машиностроения, по примеру «первого» должен был «увлечься» и текстильщиками. Любовь к ним вспыхнула моментально при первом же знакомстве с этой так называемой «легкой» отраслью. Замечательные люди трудились в текстиле. Исконно российская рабочая среда. А в каких неблагоприятных для человека условиях труд их спорился. В три смены, в водопаде грохота допотопных станков, в необходимой для текстильного производства тропической жаре и влажности. А быт — в казармах достославного прошлого.

«Ситцевой» индустрии Подмосковья на протяжении трех десятилетий был отдан приоритет в реконструкции промышленного производства и улучшении жилищно-бытовых условий трудящихся. Еще в 1964 году В. И. Конотоп обратился в Совет Министров СССР с просьбой принять меры к реанимации нашей старейшей отрасли. Уже на следующую пятилетку на эти цели правительство выделило 500 миллионов рублей. Комплексные планы развития легкой промышленности области на каждое пятилетие утверждались постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Всего на переоснащение производства и улучшение социально-бытовых условий текстильщиков в 1966-1985 гг. было использовано более двух миллиардов рублей. От фабрик со столетней,

а иногда и двухсотлетней родословной остались лишь прежние фирменные вывески. Десятки тысяч новых станков и агрегатов в корне изменили облик текстильного производства. Для трудящихся легкой промышленности области были построены жилые дома общей площадью свыше трех миллионов квадратных метров, около 250 казарм (слово-то какое!) были преобразованы в благоустроенные общежития для одиноких ветеранов и молодого пополнения рабочих коллективов. Многие предприятия обзавелись своими больницами, поликлиниками, санаториями-профилакториями, детскими садами и яслями, пионерскими лагерями.

Ежегодные массовые встречи с передовиками текстильного производства превращались в подлинный праздник работников легкой промышленности Подмосковья. Закоперщиком этих мероприятий, оглашающих достойную славу труженикам «ситцевой» нивы, выступала заведующая отделом обкома партии Ольга Валентиновна Семенова совместно с областным профсоюзом текстильщиков.

Но прогрессивной сердцевиной для всего народного хозяйства было-таки машиностроение. Наши заводы в ряде случаев определяли стратегию развития целых отраслей страны. Коломенский тепловозостроительный завод, его конструкторские бюро являлись законодателями в сфере отечественного локомотиво- и дизелестроения. В Коломне также располагался флагман тяжелого станкостроения. Его карусельные станки с планшайбой диаметром 20 метров позволяли изготавливать самые крупные детали энергетического оборудования для мощнейших в мире теплоэлектростанций. При этом обеспечивались высочайшие требования по геометрии и чистоте обрабатываемых изделий. Подольский машиностроительный завод имени Орджоникидзе был колыбелью уникальных котлоагрегатов сначала для тепловых, а затем и атомных электростанций. Электростальтяжмаш создавал поражающие воображение трубопрокатные станы, из которых готовая труба вылетала, именно вылетала со скоростью курьерского поезда. А время было уже такое, что «без трубы — и ни туды, и ни сюды».

Вспоминается эпизод еще 60-х годов. Мир трясло от «холодной» войны. Заказ Советского Союза на трубы большого диаметра для газопроводов по чисто политическим мотивам в марте 1963 года был аннулирован германским бундестагом. Нас и в те поры зарубежные партнеры пытались держать на коротком поводке. Но тогда этому высокомерию давался достойный ответ. И в упомянутом случае нос пришлось утирать зарубежным политическим генералам. Челябинский трубопрокатный завод, оснащенный коломенскими гидропрессами и прокатным оборудованием Электростальтяжмаша, освоил изготовление труб диаметром более одного метра. На первой такой трубе была мелом сделана примечательная надпись: «Труба господину Аденауэру!» Не нам труба, ему — труба.

Не буду утомлять возможного читателя дальнейшей характеристикой подмосковного машиностроения. А как обком, горкомы партии занимались проблемами этой отрасли, опять же для краткости изложения своих воспоминаний, остановлюсь лишь на нескольких эпизодах по Орехово-Зуевскому району. Здесь я выступал не только как секретарь МК КПСС, но и в качестве депутата Верховного Совета РСФСР.

Начну с Демиховского машзавода. Предприятие было незаметное, каких в стране исчисляли тысячами. Выпускало транспортные узкоколейные вагоны для торфяной промышленности. Но именно из-за этого профиля завода к нему проявил свой интерес министр тяжелого и транспортного машиностроения СССР Сергей Александрович Афанасьев. Следует еще раз отдать должное нашему советскому правительству,

решившему еще в 80-е годы создать в России дублера Рижскому заводу — монополисту в производстве пригородных электропоездов. Задачу поставили перед Минтяжмашем. Его руководитель не стал утруждать себя поиском в размещении нового предприятия на российских просторах и положил глаз на действующий в поселке Демихово завод. Пусть не обижаются на меня дорогие мне демиховцы, но такое решение можно уподобить преобразованию кустарного лапотного производства на выпуск шикарной модельной обуви. И по масштабу, да и по технологии задача вырисовывалась грандиозной.

Я поначалу категорически воспротивился этим планам. Было очевидно, что предстоит вновь завозить и обустроить в маленьком поселке большое количество «лимитчиков», а местный строительный трест на несколько лет переключить с жилищно-социального на производственное строительство. Но не случайно за С. А. Афанасьевым в правительственных коридорах власти давно и негласно закрепилась кличка «Глыба». Мы были с ним хорошо знакомы еще по Калининграду, где я был секретарем горкома партии, а Сергей Александрович тогда возглавлял космическое ведомство. «Глыба» был не только могучим организатором, но и искусным «дипломатом». Ссориться ему с обкомом и облисполкомом было себе во вред. Мы с ним не раз выезжали в Демихово. Я — с одной целью, он — с другой. Вскоре мне стало ясно, что почва на заводе и в поселке министерством хорошо обработана в пользу перепрофилирования производства. Директор завода Сергей Васильевич Ильин явно был на стороне министра. В конечном счете нас, областников, «укатали» и согласование соответствующего правительственного решения было получено.

Теперь, по истечении времени, довольствуюсь тем, что стоял «не до упора». С. В. Ильин, добровольно влезший в хомут тяжелой повозки, честно и добросовестно вытянул ее до финиша. И сейчас электрички Демиховского завода, превзошедшие по комфорту и техническим характеристикам рижские электропоезда, исправно обслуживают миллионы жителей Московского региона.

Для разрядки в общем-то скучного повествования опишу один занятный случай. С министром С. А. Афанасьевым избраны в президиум какого-то торжественного собрания демиховских жителей. В подобных случаях было принято избирать еще и почетный президиум. По этому поводу, как и полагается, выступил знатный рабочий завода. Вышел на трибуну без бумажки и сердечно, с пафосом высказался так: «Предлагаю внести на наше торжественное собрание Центральный Комитет партии вместе с Политбюро». Предложение было принято единогласно.

О своем участии в решении проблем ЛиАЗа — Ликинского автобусного завода упоминал ранее. К сказанному добавлю некоторые детали. Крупный, единственный в Советском Союзе завод по выпуску городских пассажирских автобусов лихорадило. Руководство предприятия Д никак не могло вытащить его из производственной трясушки. Нужно было решать вопрос о смене директора. Министерство медлило. В этом

- ведомстве все внимание отнимали такие гиганты автомобилестроения, В как ЗИЛ, ГАЗ, ВАЗ, КамАЗ, БелАЗ. Наш Ликинский завод оставался на задворках отрасли. Но нам от этого было не легче. Большой коллектив
- рабочих и специалистов находился в шоковом состоянии.
- Вот при этих условиях я и порекомендовал министру В. Н. Полякову на пост директора ЛиАЗа заместителя заведующего отделом обкома партии Владимира Федоровича Брюховецкого. Присматривался к нему давно. Человек разумный, взвешенный, в деле — цепкий. Возраст — V четвертый десяток лет. Самый

продуктивный. Не вечно же оставаться в партийном аппарате. Но как раз принадлежность моего протеже к «партноменклатуре», видимо, и смущала маститого министра. Лишь со второго захода наше предложение было принято. Повторяю, Владимир Федорович мои надежды оправдал, завод начал выправляться. В последующем В. Ф. Брюховецкого избрали первым секретарем Орехово-Зуевского горкома партии. И в этом качестве мне с ним пришлось заниматься проблемами уже другого предприятия района — Давыдовского машзавода.

На Давыдовский завод глаз положил министр сельхозмашиностроения СССР А. А. Ежовский. Подвижный, как ртуть, взрывчато энергичный, он быстро увлек В. И. Конотопа своим намерением преобразовать небольшое производство в крупный завод по выпуску машин для внесения в почву минеральных удобрений. Возражать двум «гигантам» было бесполезно. Вместе с В. Ф. Брюховецким и заведующим отделом обкома партии Б. И. Балашовым пришлось претворять в жизнь высочайшие повеления «первого». До сих пор это решение считаю ошибочным. Производство неуклюжих «РУМов» — разбрасывателей удобрений давно лопнуло и едва ли воскреснет. Испытываю лишь удовольствие от того, что за счет средств Минсельхозмаша решили некоторые социальные проблемы поселка. В частности, удалось построить и хорошо оборудовать больницу. Так что еще раз убедился: нет худа без добра.

А вот для «своего» подмосковного сельского хозяйства возможности машиностроительных заводов мы использовали, как говорится, на полную катушку. Еще в совнархозовские времена, будучи инструктором обкома партии, я в какой-то мере содействовал организации производства картофелеуборочных комбайнов на Коломенском тепловозостроительном заводе. Вскоре, правда, удалось переключить их выпуск на специализированный завод сельхозмашиностроения в Рязани. В те же годы на Мытищинском машиностроительном заводе была организована сборка дождевальными установками о размахе «леек» на 100 метров. Навешивались они на гусеничный трактор и весьма эффективно использовались для полива обширных овощных плантаций. Совнархоз создал на подведомственных предприятиях комплекс оборудования для перевода птицефабрик области на промышленную основу. То была своего рода технологическая революция в птицеводстве.

Сельхозники к восьмидесятым годам значительно расширили свои заказы заводам. Совнархозов в те поры не было и в помине. Потому размещение этих заказов, организация сложной кооперации в производстве машин и агрегатов полностью возлагались на промышленный отдел обкома партии. Двужильный Б.И. Балашов со своим отделом выполнял огромную кропотливую работу во взаимодействии с сельхозотделом, который возглавлял Ю. В. Королев. Поле было обширное для игры «в поддавки». И делает честь этим двум руководителям, что они никогда не подводили ни меня, как секретаря обкома, ни друг друга. А ведь, можно сказать на голом энтузиазме вершились чудеса. На факультативных началах были созданы рассадно-посадочный комплекс и доминатор — агрегат для подготовки почвы, под посадку овощей. В целях лучшей подготовки почвы машиностроители изготовили широкозахватный культиватор к мощному трактору К-700 и чизельный плуг для глубокого рыхления пахотных угодий. Эффективной получилась сеноворошилка. Сразу же прижилось изготовленное на Успенском заводе оборудование для вакуумной дойки коров. А какое обилие запасных деталей и целых агрегатов пришлось выпускать на наших предприятиях как для отечественной, так и импортной сельхозтехники. С благодарностью вспоминаю огромную помощь, которую оказывали работники Мосглавснаба и особенно М. И. Киселев. Они, можно сказать, из-под земли

доставали нам дефицитные, серийно выпускаемые другими заводами страны узлы и агрегаты.

В этом большом деле не миновали нас и явные перегибы. Вспоминаю такой случай. Деятели подмосковного института «Радуга» так расписали прелести разработанного ими проекта огромной машины для комплексного решения проблемы полива кормовых угодий с одновременной утилизацией свиного навоза, что им удалось убедить В. И. Конотопа в целесообразности изготовить эту чудо-технику. Авторы называли ее ласково «Коломенкой»

Когда мы засели за практическую проработку проектной документации, то практические работники Управления сельского хозяйства, да и Ю. В. Королев осознали, насколько сложна и дорога эта затея. От нее дурно пахло, нет, не свиным навозом, а приличной авантюрой. Но увлечение смелыми идеями не раз завлекало нас в тупик. Так произошло и с «Коломенкой». С огромными трудностями и затратами изготовили один экземпляр этой поливо-канализационной машины. Доставили ее в Наро-Фоминский район на пастбище многолетних трав совхоза «Кузнецовский». На демонстрацию новой техники В. И. Конотоп пригласил секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Нужно отдать последнему должное: восхищения он не проявил. Резонно заключил: «нужно все обстоятельно взвесить, проверить». И прямо с поля укатил восвояси, серьезно остудив энтузиазм авторов новшества и их покровителей. На этом история с «Коломенкой» закончилась.

Текстиль, машиностроение, как и другие отрасли, являлись видимой всем надводной частью огромного промышленного айсберга Подмосковья. Но была у него и мощная невидимая подводная часть — «оборонка». В нее доступ был крайне ограничен. Партийные органы составляли исключение. Обком партии в системном режиме обеспечивал полезное общение секретарей парткомов и партбюро «закрытых» предприятий, являлся связующим звеном между первичными партийными организациями и отраслевыми отделами ЦК КПСС. Руководители оборонных предприятий и организаций всегда могли в секретариате МК КПСС и отделе оборонной промышленности, который в те годы возглавлял Юрий Петрович Святобогов, обсудить любой вопрос и получить поддержку в разрешении проблем своих творческих коллективов.

В 80-е годы мне посчастливилось общаться с талантливыми учеными, великолепными организаторами науки и производства В. Н. Челомеем, В. П. Глушко, Б. П. Жуковым, Г. П. Свищевым, П. Д. Грушиным, С. П. Непобедимым, Г. И. Севериным, Л. Н. Кошкиным. Это была плеяда выдающихся главных конструкторов КБ, директоров научно-исследовательских институтов. Ранее уже упоминал о своих близких связях с С. П. Королевым, А. М. Исаевым, Ю. А. Мозжориным. Без таких звезд небосвод нашей экономики, да и всей жизни, останется хрупким, блеклым и ненадежным. Их служение советскому народу, своему Отечеству всегда было самоотверженным и благородным. В этой среде творческой интеллигенции никогда не слышалось диссидентского брюзжания. Она всегда была в кипящем творческом настрое, устремлена в будущее, в обгон своего времени и зарубежных партнеров.

Нашей области везло и на директоров предприятий. Это везение, конечно, не случайно. К руководству объединениями, комбинатами, заводами, фабриками приходили те, кто ступень за ступенью одолевал секреты организации дела и людей в процессе их труда. Сейчас «номенклатуры» кадров нет. Даже внешних управляющих для обанкротившихся предприятий государство не готовит. А талантливых людей нам не занимать. Вспоминаю, как появлялись и набирали силу такие капитаны подмосковской индустрии, как Н. И. Боханов, П. Ф. Гаевский, Н. И. Докторов, А. А. Долгий, Н. П. Евстафьев, В. Д. Ерофеев, И.

С. Ляошкевич, Б. А. Молодцов, С. П. Попов, В. М. Пятов, С. И. Ребров, Н. И. Силин. Блестяще провели свои предприятия через бурные девяностые годы А. Н. Ветлов, М. С. Губерман, Ю. А. Гулько, В. Г. Овчар.

Заговорив о людях, с коими довелось встречаться и работать в промышленности, отвлекусь на более общее рассуждение. Из прошлого воскрешается чистый и воистину неисчерпаемый источник силы народной. Никому ранее не удавалось так высоко поднять градус общественного сознания, как это смогла сделать Советская власть. Тысячи, миллионы советских людей в военные годы и мирное время показывали образец самоотверженного труда, беззаветного служения Родине. Советский патриотический ренессанс XX столетия — особое явление российской истории. Лишь ограниченный человек не прочитал и не осмыслил этой страницы мировой цивилизации.

Сделать соотечественников творцами, созидателями — задача, не проходящая для государства. Непростительным бесплодием страдает ныне наша общественная мысль, не исследующая феномен стахановского движения, движения за коммунистическое (не нравится слово коммунистическое? — назовите честное, сознательное) отношение к труду. Замолчать или, хуже того, облить грязью могучую духовную силу советского народа все равно не удастся. Величие прошлого в Лету не канет. Стахановцы 30-х годов готовили страну к схватке со страшным фашистским чудовищем. Им и мужественным ратникам Великой Отечественной войны все мы сегодня должны поклониться за дарованную нам их трудом и кровью жизнь.

А сколько подвижничества во имя своего Отечества проявили советские люди в послевоенные годы. В 1958 году Валентина Гаганова — бригадир прядильщиц Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината перешла с хорошо отлаженного на отстающий участок производства. Своим природным рабочим талантом она вывела новых подопечных прядильщиц в авангард фабричного коллектива.

В нашей области сотни человек повторили трудовой и нравственный подвиг В. Гагановой. Зашоренному современной пропагандой уму трудно представить себе помощника мастера Раменского комбината С. Коробанова, который четыре раза переходил с налаженного им участка на отстающий. Но такие целеустремленные, бескорыстные, честные люди были повсюду. Советская власть уважала, воспитывала их и, если угодно, на них держалась.

Сегодня на телевидении мозолят глаза, заполняют эфир и страницы большинства газет самовлюбленные, новой закваски комментаторы-очеркисты Доренко, Сванидзе, Киселев, Сорокина, Млечин, Лацис или «политики века» Жириновский, Кириенко, Немцов, Хакамада. Устали уже все от этих «вещих» лиц, как и от рекламной трясины. А человеку труда дорога перекрыта и во власть, и в средства массовой информации. Даже «Глас народа» Киселева — Сорокиной обходился без рабочего человека. А он ведь умеет не только трудиться, но и мудро мыслить. Как много на моей памяти этих замечательных людей: сталевары А. Коротенькое, В. Корягин, В. Постников, станочники различного профиля М. Захаров, В. Журило, А. Клопова, В. Семенов, В. Ярыгин, текстильщицы Л. Ананьева, О. Вохмянина, В. Локтева, В. Матвеева, Н. Нефедова, К. Платонова, М. Рожнева, М. Шарова... Да разве можно их всех перечислить!

Ныне несправедно царит высокомерное, барское небрежение к человеку труда. А именно в этой среде — корни высокой нравственности нашего народа, смысла всей жизни человека и человечества.

Однако вновь возвращаюсь в контекст своих воспоминаний «о прошлом и о себе».



Апогей жизненной карьеры

Было желание слово карьера взять в кавычки. Раздумал. Карьера в переводе с латыни — это жизненный путь. Так что трудовая карьера на самом деле была. Карьеризма не было.

Что же «несло» вверх занесенного в Москву деревенского парня? Что «делало» мне карьеру, в апогее которой оказалась высокая должность руководителя столичной области? Отец, фронтовик-артиллерист, сопровождая меня в Москву на сдачу экзаменов в институт, с тревогой высказался: «Заклюют тебя, Иван, в Москве!» Не заклевали. Деревенское воспитание, трудолюбие, полнейшее отсутствие зависти и карьеризма, как раз и определили весь жизненный путь вплоть до избрания председателем Мособлсовета. Последняя должность была высшей в области. Вроде нынешнего губернатора.

Несмотря на весь пройденный, описанный выше путь, когда в конце 1985 года первый секретарь обкома партии Валентин Карпович Месяц предложил баллотироваться на пост председателя Мособлисполкома, засомневался: справлюсь ли? Согласитесь, не похоже на раздумье карьериста.

Всем губернаторам области искренне желаю: дай Бог вам лучше нашего сыграть! Познал я эту почетную «игру» в досталь! Воистину, положений, хуже губернаторского, не так уж много. Но и удовлетворение от службы человеку в таком высоком достоинстве получаешь полное. Итак, 11 января 1986 года на пятой сессии Мособлсовета 19-го созыва по рекомендации партийной депутатской группы я был избран председателем Мособлисполкома. Аттестация у меня к тому времени состоялась солидная: депутат Мособлсовета с 1965 года — десять созывов подряд. Высоко оценивался опыт работы председателем Мособлплана. Да и партийная работа укрепляла авторитет областного деятеля. Словом, состоялось восхождение на пик государственной службы столичной области. На плечи легла огромная ответственность за положение дел в шестимиллионном Подмосковье.

Время и собственное чутье сразу же определили все азимуты деятельности советского руководителя в огромном регионе России. Накормить свой народ всегда и во всем мире было главной заботой власти. Потому, и для нас, власть имущих в 80-е годы, продовольственная проблема была самой жгучей. А далее следовал букет не менее острых проблем: жилье, здравоохранение, благоустройство столичной округи. Положение между молотом и наковальней. Снизу — народ, сверху — Политбюро. Немного афористично. А как на деле?

В 80-е годы потребительские страсти пылали огромным костром. Советская власть на излете, а демократическая в своем «парадном» шествии обильно обеспечивала народ рублем, в котором, по оценке Г. Явлинского, товара было менее, чем на 20 копеек. Полки магазинов с продуктами и ширпотребом выметались подчистую. Советская власть проходила испытание на прочность. А что такое Советская власть в будничном котле? Это, в первую очередь, сельсовет, потом — районный, городской, областной Советы. Союзный, республиканский Верховные Советы — высоко и далеко. Да и не их дело кашу варить для народа.

Нужно отдать должное Центральному Комитету КПСС и правительству в их усилиях создать более или менее благоприятную обстановку в Москве. Постепенно формировалось особое отношение в обеспечении продовольствием жителей Москвы и Московской области как единого столичного региона. Но это касалось лишь крупы,

макарон, сахара, персиков и бананов. А молоко, картофель, овощи Подмосковье исконно производило с учетом всего 15-миллионного населения столичного мегаполиса.

Итак — сельское хозяйство для председателя Мособлисполкома было задачей приоритетной. По этому ведомству я прошел хороший подготовительный курс в облплане. Здесь довелось познать весь комплекс сложнейшей отрасли народного хозяйства области, основные стимуляторы и рычаги ее роста. Теперь уже в ином качестве мне следовало определить свое место в гряде проблем сельскохозяйственного производства, да и села в целом.

Отрасль к тому времени была наполнена опытными организаторами и специалистами своего дела. В мелкой опеке они не нуждались, да и не приняли бы ее.

Сегодня у кого-то может возникнуть вопрос: а нужно ли было местной власти вообще, в любой форме вмешиваться в эту сферу производственной деятельности? Есть товаропроизводитель, есть потребитель. Рыночный механизм уладит все их взаимоотношения

Жизнь, однако, простых самонастраивающихся схем решения сложных вопросов не знает. И не только у нас, но и во всех концах света Сельское хозяйство в любой стране, даже с самыми благоприятными природно-климатическими условиями, дотируется государством. Такова уж, с одной стороны, высоко затратная специфика сельскохозяйственного производства, а с другой стороны, — нежно чувствительный и уважаемый государством потребитель его продукта.

Сельское хозяйство, как никакая другая отрасль народного хозяйства, подвергается капризам погоды. Над полем крышу не возведешь. Ас него начинается свой рост любой продукт крестьянского труда. И заморозки, и засуха одинаково беспощадно бьют по крестьянской ниве. Природно-климатические условия, естественное плодородие земли разительно отличаются даже в пределах сравнительно небольшого региона. Волоколамский и Можайский районы выглядят совсем иначе, нежели Зарайский или Серебряно-Прудский. Какое саморегулирование поможет здесь сохранить интерес к сельскохозяйственному труду, если государственные органы устроятся от выравнивания жизненных стимулов крестьянства. Саморегулирование приведет лишь к вымиранию производства на большей части сельхозугодий. И это при том, что на одного жителя столичного региона приходится всего лишь восемь «соток». Это площадь одного садового участка, на котором, отдельно взятом, корову не заведешь.

Наконец, для сельского товаропроизводителя в любой общественно-экономической формации нужна развернутая производственная инфраструктура: научное, агрохимическое, зоотехническое, ветеринарное, инженерно-техническое обслуживание, оптовое звено с совершенной технологией хранения и подработки продукции, кредитно-денежная система.

Без содействия государства, его центральных и местных органов ничто подобное самопроизвольно не возникает и не действует.

Кто практически сталкивался с организацией агропромышленного комплекса и его управлением по всей цепочке от поля до прилавка магазина, тот может привести еще массу необходимых связей сельскохозяйственного труда со сферой потребления продуктов этого труда. Мне все это ведомо. Но не хочу перегружать свои воспоминания «мелочами», без которых, правда, жизнь тоже не обходится. Полагаю, что даже

демократам 90-х годов, ворвавшихся в большую политику из лабораторий, армейской среды или с театральных подмостков, приведенных аргументов достаточно, чтобы перестать взирать на сельское хозяйство как на «черную дыру» и отказаться от желания бросить крестьянина в рынок без рыночной экипировки.

У нас в области к сельскому хозяйству партийные и советские органы всегда проявляли большое внимание. В течение почти трех десятилетий без устали, предметно и масштабно занимался развитием агропромышленного комплекса Подмосковья В. И. Конотоп. В эту работу им были вовлечены все отделы обкома, все райкомы и горкомы партии. Но рабочие решения вопросов неизменно оставались за облисполкомом и Подведомственными ему областными организациями.

К XII пятилетке была создана мощнейшая база подмосковного сельского хозяйства. Огромные мелиорированные угодья, сотни гектаров тепличных плантаций, агрохимическая служба и объединения «Сельхозтехника комбикормовая промышленность, крупные животноводческие комплексы и фермы, птицефабрики — все создавалось в 1965-1985 годы. На этом концентрировались усилия советских и хозяйственных органов области, эффективно использовались разработки ведущих научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного профиля, весь промышленный потенциал Подмосковья.

В.К. Месяц, сменивший в ноябре 1985 года на посту первого секретаря МК КПСС В. И. Конотопа, продолжил установившийся в области обычай всеми силами совершенствовать агропромышленный комплекс. Как два руководителя области мы с Валентином Карповичем работали дружно. На внутренние трения сил не расходовали. Канат не перетягивали. Это обстоятельство благотворно сказывалось на всей обстановке в области. Обком и облисполком совместно определяли перспективу и обеспечивали решение текущих задач.

Для себя в упомянутые 80-е годы установил требование находиться в постоянном деловом контакте с директорами совхозов и председателями колхозов. А их в области — около 400. Календарных дней в году не наберешь, чтобы с каждым встретиться. Не избежать было общих встреч, рабочих совещаний. А вот лучшей подготовки к этим совещаниям, как личные встречи с мудрейшими руководителями и специалистами хозяйств, не знал. Да и провальные совхозы посещал с пользой. Чтобы распознать болезнь, надо хотя бы прощупать пульс больного. В таком режиме обеспечивалась связь с капитанами нашей сельскохозяйственной флотилии.

Демагоги отечественного и зарубежного помета представляют номенклатуру, как «господствующий класс» советского общества. Представлю читателю один отряд этих «эксплуататоров». Неутомимых, талантливых людей представляла собой сельхоз-номенклатура. Отборный, элитный отряд подвижников, беззаветно преданных делу и служению людям, работающим на селе. Хорошо знал и восхищался такими организаторами сельскохозяйственного производства, как В. С. Гарин, М. М. Горшков, А.А. Гуманюк, С.И. Жиленко, В.Ф. Исаев, И.И. Кухарь, В.Я. Мамров, В. С. Маслаков, А. Н. Монахова, С. С. Никулин, В. Г. Суриков, М. С. Трифонов И все они были в «номенклатуре». И всех их в должности директора совхоза, председателя колхоза утверждало бюро обкома партии, почему-то о таких работниках в своем 600-страничном пасквиле «Номенклатура» не упоминает его автор-антисоветчик Михаил Восленский, бывший старший научный сотрудник Академии наук СССР, облаченный за рубежом в докторскую мантию.

Обком партии и облисполком всячески помогали замечательному отряду подвижников земли Подмосковной в их многотрудных делах. Значительная часть сил Главмособлстроя — основной строительной организации области была сосредоточена на сооружении сельских объектов. Промышленные предприятия по-прежнему оказывали услуги совхозам и колхозам в техническом оснащении производства. Поток продукции с подмосковных полей и ферм неуклонно нарастал вплоть до 1990 года. Рентабельность сельского хозяйства превысила 30 процентов.

Все это позволяло нам в основном выполнять свои обязательства по поставкам молока, яиц, картофеля и овощей в Москву. С председателем Мосгорисполкома В. Т. Сайкиным отношения складывались по-деловому. Он и его заместитель Ю. М. Лужков никогда не уклонялись от предметного рассмотрения любого острого вопроса.

У нас, конечно, были взаимные трения. В большом деле без этого не обойдешься. Москвичи обоснованно возмущались фактами поставок некачественной продукции, а иногда и срывами договорных обязательств. Мы высказывали недовольство по поводу отставания московских строителей на объектах села. Но как партнеры при разборках «вверх» в поддавки не играли. Знали, что все равно любые проблемы придется решать самим, сообща. Полное взаимопонимание установилось и с первым секретарем МГК КПСС Б. Н. Ельцыным.

В. Т. Сайкин, а затем и сменивший его на посту председателя Мосгорисполкома Ю. М. Лужков — люди могучей хозяйственной хватки. Через них притекал в область приличный дополнительный ручеек капитальных вложений. Когда обострился вопрос хранения картофеля и овощей, поставляемых для жителей столицы, В. Т. Сайкин «выколотил» в Госплане СССР и финансовые, и материальные ресурсы на 33 хранилища по три тысячи тонн продукции в каждом. Впервые мы в области получили «бесплатно» для хозяйств такие емкости хранения с автоматически поддерживаемым температурным режимом. Вдвоем обеспечили жесткий контроль за выбором мест размещения хранилищ, их монтажом, наладкой и сдачей в эксплуатацию. И такие совместные решения крупных вопросов были не единичны. Особенно тесным взаимодействие было во время уборки урожая. В это время мы выводили на прямые связи райгорисполкомы Москвы и области. И в этом уровне взаимоотношения были по-настоящему партнерскими.

Но при всем притом контроль за нашей деятельностью в продовольственной сфере со стороны ЦК КПСС, Советов Министров СССР и РСФСР был предельно жестким. Здесь мы с В. К. Месяцем всю ответственность брали на себя.

Перед нами порой ставили нереальные задачи, а спрос был вполне реальным. В разгаре лета 1987 года Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев знакомился с вновь созданным агропромышленным комбинатом «Раменское». Его руководитель К. В. Куницкий подготовил и провел встречу блестяще. Да и было что показать. Мы с Валентином Карповичем Месяцем, естественно, испытывали полное удовлетворение. В таком благостном состоянии выслушиваем резюме Генерального. Он дал высокую оценку труженикам села Раменского района. Остановился на общих проблемах перестройки. Подчеркнул особую важность человеческого фактора в социалистическом строительстве. Призвал учиться жить и работать в условиях демократии.

Все это мы слушали с пониманием. Но наше понимание оборвалось мгновенно, когда перед нами «на закуску» визита была поставлена задача, выраженная в простой

арифметической форме: 3+1+1. Область должна производить ежегодно три миллиона тонн молока и по одному миллиону тонн товарного картофеля и овощей.

О трех миллионах тонн молока я уже упоминал выше. В обозримом будущем они на подмосковной земле «не светились». А реалии были таковы. В предыдущем 1986 году молока было произведено немногим более 1,9 млн. тонн, а закупки его составили около 1 млн. 750 тыс. тонн. Это были невиданные для отдельного региона России, да и всего Советского Союза объемы. Но до трех миллионов — далеко.

Что касается картофеля, то его товарная — годная в пищу часть в предыдущей пятилетке в среднем за год не превышала 650 тыс. тонн. До миллиона — дистанция огромная. Да и овощей в той же базовой для наших расчетов XI пятилетке хозяйства области ежегодно продавали в среднем по 735 тыс. тонн. Тоже до миллиона не дотянешься.

Теперь уже за расчеты взялись в облплане В. Г. Крылов, И. С. Скворцов, В. И. Нестеров. И, конечно, опять концы с концами не сходились. Даже спустя полгода, уже в 1988 году у секретаря ЦК КПСС Н. Н. Слюнькова вопрос снять с практического рассмотрения не удалось. Решение его отнесли на 1995 год. В начале 90-х годов «рынок» все решил по-своему. Вместо увеличения производства началось его резкое сокращение.

Но это уже творилось по иным законам и без нас. А до 1990 года включительно Московская область неуклонно наращивала производством молока, мяса, яиц, картофеля и овощей.

Весь период своих полномочий председателя Мособлисполкома особую заботу проявлял к здравоохранению. Как-то незаметно сооружению больниц, родильных домов в нашей области скатилось в тень строительства жилья и производственных объектов сельского хозяйства. Здесь исполнителей спрос обкома партии и облисполкома был действительно беспощадным. Да и заказы промышленных предприятий для строителей оказывались привлекательными: заказчики сами своими силами выполняли значительный объем работ, который полностью включался! отчет подрядных организаций. А это — зарплата и слава. Мне были хорошо известны подобные увлечения строителей. Отсюда проистекало «застенчивое» отношение к стройкам здравоохранения. Больничные объекты отличались сложностью, приемка их в эксплуатацию доставляла строителям головную боль, а навар с них — никакой. В результате материальная база здравоохранения оставалась ветхой. Некоторые районные больницы продолжали ютиться в дореволюционных корпусах, не все районы имели родильные дома.

Вот почему я взял под особую опеку стройки здравоохранения. Штабной автобус непрерывно колесил по новостройкам больничных учреждений области, разрешая возникающие проблемы, споры и взаимные претензии многочисленных, разно ведомственных участников строительного процесса. В этот летучий штаб я включал проектировщиков, руководителей Главмособлстроя Ю. Н. Савина, А. С. Тяжлова, Н. С. Богославского, начальника Главмособлстройматериалов Б. И. Крекова, главного заказчика области В. В. Семаева, главного врача Подмосковья В. В. Лябина, заместителей председателя Мособлисполкома И. К. Муравьева и Л. Т. Новикову — словом, всех, от кого зависела судьба строек. Умышленно перечислил поименно состав всей бригады, чтобы отметить тех, кто внес большой вклад в строительство больничных комплексов в Волоколамске, Егорьевске, Зарайске, Клину, Красногорске, Наро-Фоминске, Рузе, Электростали, родильных домов в Можайске и Подольске. Действовали увлеченно,

результативно, не считаясь со временем. Поездки по районам совершались, как правило, по субботам и воскресеньям. Объекты здравоохранения заняли по достоинству значение приоритетных.

Забот у местной власти — всегда невпроворот. Всего не перечислишь. А тут еще и знатный сосед — столица постоянно, волна за волной нагоняла на нас печаль. Не отступаю от сказанного: отношения с руководством Мосгорисполкома в основе своей были деловыми. Но экспансия столиц на пригороды вечна и повсеместна. В этом я убедился, посетив столицы десятков государств. Объектом экспансии является в первую очередь земля — «жизненное пространство» бурно растущих городов. В советскую эпоху рыночные регуляторы не умеряли аппетита столичного мегаполиса. Давление на область шло по административной вертикали. Москва в те поры была пленницей своего же дитяти — Главмосстроя.

Этот строительный монстр требовал свободные от застройки территории. Москвичи, оставаясь крайне ограниченными экологами, трепетно относились к городским липам и тополям, и в то же время неудержимо рвались со строительством жилья на сельхозугодья и на пашню — самое дорогое национальное богатство. Вот где разыгралось острое противоборство органов партийной и государственной власти столичного региона. К сожалению, силы были неравны. Москвичи получали поддержку и Политбюро ЦК КПСС, и Совета Министров СССР. Пришлось уступить Бутово, Жулебино, Митино, Куркино. С трудом удалось сдержать дальнейшее расползание Москвы, а сейчас, думается, и москвичи понимают неразумность расширения границ города.

Однако в 80-е годы этого понимания не было. Более того, утомленные борьбой с областью за свое жизненное пространство, москвичи (а тогда московскую власть возглавляли Г. Х. Попов и Ю. М. Лужков) в начале 90-х годов предприняли попытку прихватить все Подмосковье оптом. Опять же через верховную власть. Президиум Верховного Совета РСФСР в апреле 1991 года принял решение о проведении 12 июня опроса населения Москвы и Московской области. Вопрос был сформулирован явно провокационно и лживо: «целесообразно ли объединение столицы и столичной области в единый столичный округ с единым порядком прописки и снабжения населения продовольствием». Провокационно потому, что кто же откажется от элитного, столичного наполнения магазинов мясными, молочными и прочими продуктами? Лживо потому, что государство с трудом обеспечивало особое продовольственное снабжение Москвы и удвоить эти ресурсы для всего столичного региона было не в состоянии. Да и практический опыт 60-х годов, когда в столицу передавался из области обширный зелено-парковый пояс, убеждал в том, что Москва не в состоянии управлять даже частью Подмосковья. Через год после начала этого неудачного административного эксперимента Балашиха, Видное, Красногорск, Люберцы, Мытищи, Одинцово, Химки вернулись в лоно области не без ущерба для своей самостоятельности в решении вопросов градостроительства.

Мособлсовет не мог согласиться с таким референдумом, тем более стать его организатором. Будучи председателем областного Совета, от его имени я выразил наше несогласие с указанным решением Президиума Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатову. Тем более, что это постановление было принято с нарушением установленного порядка, без согласования его с органами государственной власти области. Хасбулатов возразил: «Президиум Верховного Совета принимал решение о проведении опроса населения с участием председателя Мособлисполкома А. С. Тяжлова».

Но я заранее ознакомился с протоколом заседания Президиума, где было зафиксировано активное участие в обсуждении вопроса Ю. М. Лужкова и никакого представителя области среди участников заседания не значилось. Руслан Имранович вынужден был признать это обстоятельство и дал мне карт-бланш: «Отменить принятое решение — нереально, но считайте, что у нас претензий к Мособлсовету не будет». Это его заявление помогло нам выйти достойно из затеянной игры с референдумом. Для прочности нашей позиции я заблаговременно объяснился и с Б. Н. Ельциным. Это было нелишне. Когда за непокорство верховной власти меня вызвал «на ковер» Генеральный прокурор России, мои аргументы были приняты с пониманием только с учетом их восприятия верховным руководством страны. Попытку Москвы проглотить Подмосковье удалось предотвратить.

Словом, внешние причины нередко доставляли столько хлопот, что на длительный период приходилось отрываться от решения собственных проблем Подмосковья.

Вспоминаю декабрь 1986 года. В Колонном зале делегаты XXVI областной партийной конференции обсуждают предстоящие задачи коммунистов в XII пятилетке. В президиум конференции поступает сообщение о землетрясении в Армении. И тут же — задание области восстановить стертый с лица земли районный центр Ахурян. Здесь же, на конференции, принимаем решение направить в район землетрясения для организации восстановительных работ первого заместителя начальника Главмособлстроя А. С. Тяжлова, начальника управления главка А. С. Савинова и В. В. Ермакова — от штаба гражданской обороны.

В своей поездке в Армению убедился: в выборе организаторов братской помощи попавшим в беду соотечественникам мы не ошиблись. Дело они поставили грамотно, с нужными размахом и темпами. Под их руководством направленные на восстановление разрушенного города рабочие и специалисты действовали героически. Мособлисполком в свою очередь организовал постоянную помощь своим посланцам в решении производственных и социально-бытовых проблем. Непрерывно на стройплощадку шли материалы и оборудование. Когда было отстроено здание городской котельной, без колебаний отправили в Армению котлоагрегат, подготовленный для установки в Лотошине. Решение — непростое: пришлось приостановить работы по реконструкции котельной в указанном райцентре. Вообще все финансовые и материальные средства изымались из крайне ограниченных ресурсов области. Проектировщики, медицина, торговля, милиция — все были включены в обслуживание строительных объектов, и город с развитой коммунальной структурой, детскими и лечебными учреждениями был создан в рекордно короткие сроки. Такова была сила интернациональной дружбы народов великого Советского Союза.

Беспредельна тара проблем исполнительной власти. Потому о своей пятилетке главы Мособлисполкома могу говорить бесконечно. И все будет правдой, не кончающейся чередой достоверных фактов. Однако ограничусь сказанным. Его достаточно, чтобы обозначить объем и характер деятельности советской исполнительной власти в регионе.

В одиночку этот сизифов труд никому не под силу. Только слаженная команда может поднять глыбу проблем и последовательно их разрешать. Исполком Мособлсовета и, в первую очередь, его ядро — президиум были такой творческой, работоспособной, сплоченной командой. Первый заместитель председателя облисполкома В. П. Колмогоров освобождал меня от гремящего потока будничных волнений и тревог. Лесные пожары и лютые морозы, выведившие из строя отопительные системы городских районов, борьба с преступностью и дорожными происшествиями, устранение многих других аномалий

жизни приходилось в значительной мере возлагать на его плечи. С присущей ему энергией и взвешенным, системным подходом он организовывал «тушение» неблагоприятных житейских очагов. Благополучно справлялись со своей миссией капитанов ведущих отраслей народного хозяйства области заместители председателя облисполкома Ю. В. Королев, С. А. Круглов,

И. К. Муравьев, Ф. С. Набережнев, Л. Т. Новикова. Плановое регулирование социально-экономического развития области деловито и толково осуществлял В. Г. Крылов. Все делопроизводство находилось в надежных руках секретаря исполкома Н. П. Бабашкиной.

Никаких интриг, никаких принципиальных разногласий в своей команде я не замечал. Превыше всего - интересы дела. А ведь каждый из названных соратников был личностью со своим ярко выраженным характером, с большим опытом партийной, советской, хозяйственной работы. Эта сплоченность, взаимопонимание, высокая внутренняя дисциплина в сообществе единомышленников была характерна нашему времени и значительно увеличивала результат любой работы. Корни этих позитивов — в отлаженной системе подготовки кадров и, в конечном счете, господствующей в то время этике и морали. К этому источнику силы, не сомневаюсь, придется еще прикоснуться с пользой для нашего человеческого общежития. Без веры в это не стоило б об этом и вспоминать.

В 1990-м году на региональном уровне произошло разделение представительной и исполнительной власти. Появилась выборная должность председателя областного Совета, обособленная от главы исполнительной власти — председателя облисполкома. Последний избирался областным Советом по представлению его председателя. Таким образом председатель Мособлсовета фактически являлся высшим должностным лицом области. К тому времени я уже перешагнул порог 60-ти лет. Свыше путем целенаправленных слухов дошел до меня «приговор»: пора уступить дорогу молодым. Пора — так пора. В апреле 1990 года в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР я получил статус персонального пенсионера Советского Союза. Оставаясь народным депутатом РСФСР и Мособлсовета, решил сосредоточиться на рядовой депутатской деятельности. Не получилось.

В те поры к власти ринулись полчища «самородков», людей самонадеянных, но совершенно не искушенных в практическом решении реальных экономических и социальных задач государства и отдельно взятых его регионов. Многие из них шли под стягами демократии, свободы слова и действий, низвержения существующих жизненных устоев. Были, конечно, среди них люди толковые, напористые, со свежим взглядом на жизнь. Но вместе с ними на штурм государственной и общественно-политической системы шли слепые, неистовые низвергатели «старины». Нашествие подобных нигилистов становилось опасным. Многие из них на волне критики существующего «режима», борьбы с «номенклатурой» и ее «привилегиями», многозначительных заверений незамедлительно разрешить любые проблемы своих избирателей баллотировались и победили на выборах в областной Совет народных депутатов.

Вопрос о том, кто возглавит этот высший орган власти в регионе, стал остроконечным в организации всей жизни Подмосковья. Партийные органы уже утратили роль решающей силы, плюрализм движений и мнений порождал хаос и смуту в умах людей. Старина рушилась задолго до создания новых механизмов управления человеческим общежитием. Политические баталии, бесплодные дискуссии отбросили на задворки жизни самые насущные вопросы. Весенний сев на подмосковной ниве, продовольственная и жилищная

программы, транспортные и прочие услуги некоторым депутатам казались неуместными в деятельности Мособлсовета. Процедурные вопросы, место у микрофона для оглашения личных мотивов представлялись некоторым избранникам народа наиважнейшими позициями, олицетворяли свободу мышления и демократию.

В такой обстановке мне как депутату вновь избранного Мособлсовета областной комитет КПСС предложил баллотироваться на пост председателя Совета. Это противоречило моему намерению отойти от руководящих должностей. Однако партийный долг и понимание опасных поворотов руля подмосковной ладьи превысили самолюбие. Моя кандидатура на первой сессии Московского областного Совета народных депутатов 21-го созыва была с моего согласия включена в список кандидатов при выборах председателя Мособлсовета. Всего в этом списке соискателей значились пять депутатов. Трое в ходе предвыборных дискуссий заявили о самоотводе. Таким образом, в списке для тайного голосования остались два кандидата: А. В. Блохин и И. М. Черепанов. Оппонент у меня оказался человеком авторитетным в депутатской среде. За него проголосовали 122 депутата. Я получил в свою поддержку 173 голоса. Такие результаты предвещали нелегкую миссию высшему должностному лицу области. В значительной мере это предзнаменование оправдалось. В Совет были избраны 400 депутатов, и это четырехсотголовое чудо демократии было непредсказуемым, а 173 голоса не давали мне надежной поддержки даже простого большинства депутатов. Хотя «резерв» голосов еще был среди 88 депутатов, которые по различным причинам не приняли участия в выборах председателя Совета. Но такая же «активность» могла проявляться и при решении любого вопроса, в то время как желаемый результат получался лишь волею не менее 201 депутата. Такая вот раскрылась перспектива в проведении «линии председателя Совета».

Однако, повторяюсь, придерживался народной мудрости: назвался груздем — полезай в кузов. Уже на следующий день мне следовало представить на утверждение Совета кандидатуру заместителя председателя. Тайное голосование: «за» — 131, «против» — 168, сто депутатов участия в голосовании не приняли. Примерно таков же результат высветился и по моему первому предложению по кандидатуре на пост председателя Мособлсполкома. Впрочем, право предлагать новые кандидатуры на эти ключевые посты представительной и исполнительной власти оставалось только за председателем Совета. В конечном счете заместителем председателя Мособлсовета был избран А. В. Долголаптев, а председателем Мособлсполкома — А. С. Тяжлов.

Так сформировался «верховный триумvirат» власти области в новой ее структуре. Вплоть до моей отставки в августе 1991 года работали мы слаженно, распределяя еженедельно между собою все текущие дела. Депутатский корпус постепенно переключался на конструктивную работу по решению острых актуальных проблем экономической и социальной жизни. Достаточно эффективно действовал исполнительный комитет, росло взаимопонимание депутатских групп и комиссий, представительного и исполнительного органов власти.

Время было мутное. Вспененное общество, парализованная государственная система, разваливающаяся экономика и, как результат, продовольственный обвал. Продуктовые талоны, пустые полки магазинов нагнетали грозу, предвещали катастрофические переломы в настроении людей. С большим трудом приходилось удерживать бразды правления. Продовольственный кризис преодолевали совместно с руководством Москвы. Одновременно создавали правовую базу в решении вопросов областной государственной и муниципальной собственности, формирования земельных фондов для фермерских

хозяйств и садоводческих кооперативов, защиты окружающей среды. И все это вершилось в бурном селевом потоке скоропалительных преобразований в экономике и общественно-политической жизни огромной державы.

Суть и темп нахлынувших на нас преобразований диктовался младо- демократами. Какова была эта демократия? Увернуться в своем повествовании от этого бульжного вопроса, чувствую, будет малодушно.

Демократические преобразования в то время стучались во все наши двери. Но разве можно назвать демократией разрушение огромной, могучей державы, развал экономики, расташиловку народного добра, появление господ и нищеты, нравственное разложение народа, расстрел предводителем «демократов». Верховного Совета и разгон всего корпуса народных депутатов? Разве это плоды «демо» (народной) «кратии» (масти)? А как же оценить сонмище псевдодемократов? В лучшем случае - агрессивная орда, не ведавшая, что творит. Не хочу огульно зачислять сюда всех, кто ринулся тогда под демократические знамена. Немало среди них было искренних радетелей Отечества и своего народа, людей со свежей новаторской мыслью. Но все-таки в общем это была гремучая смесь задора и абсурда. Почему она ворвалась в нашу жизнь беспрепятственно, почему безмолвствовал народ, где были коммунисты — «организующая и направляющая сила общества»?

Сейчас почти все прозревшие утверждают, что изначально отвергали «перестройку» и ее автора, раннего Горбачева. Неправда это. Многие приход его к высшей власти в марте 1985 года связывали с обновлением нашей жизни и долго находились в плену этих иллюзий. Антихриста признали за Христа. Немало и тех, кто в последующем поменял своего кумира и, возвеличив Б. Ельцина, сменил, перефразирую известную поговорку, мыло на шило. Все ждали свежего ветерка, а получили сокрушительную бурю. Ползучий под покровами демократии государственный переворот трудно было вовремя осознать и предотвратить, а август 91-го года подлил масла в этот, как оказалось, адский огонь.

Я вижу несколько этапов нашего лихолетья.

На первом этапе — в восьмидесятые годы желанием перемен было переполнено все советское общество. Но никто из его здравомыслящей части не помышлял о ломке всей системы Советской власти, социалистической экономики и коммунистической морали. Даже предводители Последовавших потом безумных «перестроек» и крушения существовавшего строя в те поры не мыслили под корень сокрушать отечественную экономику, советскую культуру, нравственные устои своего народа. Усомнившийся в этом, почитай статьи и речи Б. Ельцина, А. Яковлева, Е. Гайдара и им подобных в 70-е годы, и ты не менее меня поразишься ликами этих янусов. Калибром поменьше их можно исчислять сотнями. В эти сотни вляпались некоторые преподаватели марксистско-ленинской теории, труженики полей советского обществоведения, журналисты и артисты советской школы, армейские политработники, десятилетиями славившие Советскую власть, социалистический строй нашего государства, его экономику и культуру. На этом этапе по почину М. Горбачева началась игра в демократические перемены без четких целей и идей. Под возгласами «за перестройку!» державная глыба была выведена из состояния покоя. Однако мало кто догадывался, что сдвинули ее под откос.

На втором этапе лихолетья, во второй половине восьмидесятих годов, начался резонансный разгул страстей, порождавших хаос. Игра в демократию, свободу слова и действий перерастала в борьбу за власть. Государство погружалось в атмосферу «мутной воды», нагнетаемую «демократическими» силами. Человек терял в ней ориентировку.

Зрение и ум не схватывали суть происходящих событий. Державная глыба под действием «демо»-нических сил покатила под откос.

Вскоре последовал третий этап «демократических» устроений. Произошел взрыв державной массы. На «независимых» обломках огромной страны взгромоздились жаждущие высшей власти президенты. Под их сенью «реформаторы» подготовили почву для разграбления народного достояния, разгула жадной плеяды доморощенных олигархов и мелких господ.

Через весь этот чертополох с большим трудом прорастали набухшие зерна здоровых перемен. Раскрепощались мысль и экономика. Рыночные регуляторы оживили сферу обслуживания. Выборные органы государственной власти обрели самостоятельность. В политическую жизнь были допущены новые партии, что непременно культивирует истинная демократия. Но дикий рынок все еще сотрясает остатки недобитой отечественной экономики. Этика и нравственность по-прежнему повергнуты в омут разврата, цинизма, голого чистогана.

Хочется надеяться, что настало время собирать камни, в необходимой мере восстанавливать общенародную собственность и государственное регулирование всей экономики, воскрешать достойную человека мораль и нравственность.

От отступления в державную тему, многое не договорив, возвращаюсь к своему личному путешествию по жизни. Прервал я на полпути свое повествование о деятельности на посту председателя Мособлсовета. Мы были неотъемлемой частью тонущей державы. И в областном Совете процветали «демократический» догматизм, политические страсти, борьба за власть. Депутатский корпус состоял из трех равновеликих отсеков: коммунисты, демократы, аполитичный центр. Никакая группа в одиночку не могла провести свое, но зато была способна заблокировать любое иное решение.

Положение дел усугублялось еще и тем, что на постоянную, освобожденную от любой другой деятельности работу в областном Совете депутаты — опытные работники из сферы экономики «переходить не спешили. Сюда, к реальной власти, устремились люди более «свободных» профессий, не искушенные практикой хозяйственного, государственного и муниципального правления, но увлеченные и самоуверенные политики нового покроя. Перевод их на освобожденную депутатскую деятельность относился к праву председателя Совета. Но фокус этого права заключался в том, что я не имел никаких оснований отказать депутату в его намерении всецело посвятить себя служению в Совете. Таким образом, действующее ядро в Мособлсовете сформировалось преимущественно одного политического окраса.

И все же, как я уже отмечал, постепенно шла консолидация всех депутатов на основе суровой необходимости решать реальные проблемы, захлестнувшие и столичную область. Нарастало взаимопонимание различных депутатских групп: никто не хотел усугублять и без того сложную обстановку. Взрыв грянул извне. Августовские события 1991 года прервали налаживающуюся совместную работу представительной и исполнительной власти области. ★

Август 91-го года

18 августа, погожий воскресный день, День авиации с женою и внуками провел в городе Жуковском. Там была развернута выставка отечественной авиатехники. День прошел забавно и безмятежно. На следующий день была намечена поездка в Наро-Фоминский район с председателем Совета Министров РСФСР И. С. Силаевым.

19 августа с утра выехал вместе с Ю. В. Королевым по Минскому шоссе на условленное место встречи с И. С. Силаевым. В назначенное время высокий гость не появился, а по автостраде на Москву потянулась колонна военной техники. Почуввав неладное, поехал на Тверскую, 13, в Мособлсовет. Вскоре полностью раскрылся смысл танкового пришествия в Москву. Ныне печально известный ГКЧП объявил чрезвычайное положение по «отдельным регионам» страны.

Пригласил к себе А. В. Долголаптева и А. С. Тяжлова. Вместе начали изучать законодательство о порядке введения чрезвычайного положения в «отдельном регионе». Убеждаемся, что причин для введения его в области, если избежать массовых беспорядков, не появится. Поделили все районы и города между собою и полномочно вышли на связь с их руководителями, ориентируя повсюду сохранять рабочий ритм, не допустить «похода» подмосковных жителей на Москву, не принимать поспешных решений до прояснения обстановки. По закону решение о введении чрезвычайного положения должно незамедлительно вноситься на утверждение Верховного Совета СССР. Ясности на этот счет никакой не было. Поэтому наша ориентировка местным советским работникам, полагаю, была уместной и правильной. Принимаем решение о проведении в 16 часов заседания президиума Мособлсовета.

В условленное время состоялось это памятное внеочередное заседание оперативного коллегиального органа Мособлсовета. В наших руках были опубликованные в печати документы ГКЧП, а также постановление Президиума Верховного Совета РСФСР и Указ Президента РСФСР. Из Верховного Совета СССР никаких директив еще не поступало.

Группа депутатов к нашему заседанию подготовила проект решения президиума Мособлсовета. Принимали его, голосуя по каждому пункту отдельно. Мое разногласие с членами президиума произошло по включению в наше решение следующего положения: районным, городским Советам народных депутатов, органам управления Московской области принять к исполнению на территории Московской области постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 августа 1991 г. № 1624-1 и Указ Президента РСФСР от 19 августа 1991 г. № 59». При голосовании по поводу включения этого положения в решение президиума Мособлсовета воздержался, все остальные члены президиума проголосовали «за». С учетом своего особого мнения по вопросу, имеющему принципиальное значение, попросил принятое решение подписать А. В. Долголаптева — первого заместителя председателя Мособлсовета.

Был убежден: только высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР мог принять полномочные легитимные решения в создавшейся кризисной для всей страны ситуации.

Сессия Верховного Совета РСФСР состоялась 21 августа, а Верховный Совет СССР был созван только 26 августа. Союзный Съезд народных депутатов собрался лишь в сентябре и на том канул в Лету.

Все это вместе с митинговым угаром, спонтанными, субъективными решениями по важнейшим вопросам общегосударственного значения, конфронтацией с союзным центром предопределило гибельный процесс разрушения союзного государства.

Однако вернусь к «пожарным» дням августа. В-сумбурном водовороте событий считал своей первейшей обязанностью сохранить в области рабочую атмосферу и общественный порядок, не дать повода для объявления чрезвычайного положения в Подмосковье, расположенном рядом с охваченной огненными страстями столицей. Продолжали устойчиво работать все подмосковные предприятия, область активно готовилась к массовой уборке урожая. Не отменил и 21 августа провел рабочую встречу с москвичами по организации уборки и заготовки картофеля и овощей. Ю. М. Лужков на совещание не пришел. То был явный знак неприязни лично ко мне. Но представители районов и торгово-заготовительных организаций Москвы от делового разговора не уклонились. В работе совещания приняли участие депутаты Мособлсовета Ю. В. Королев, К. В. Куницкий, А. В. Никитин, В. Е. Гершман, Н. Ф. Бобылев.

А чрезвычайные события били «ключом». Министр РСФСР Баранников дал указание начальнику областного главка Белину ввести часть милицейского корпуса Подмосковья в Москву. Вместе с Тяжловым дали согласие на эту акцию. Значительная группа депутатов Мособлсовета моталась по митингам. Часть областных депутатов самоорганизовалась и полулегально, без моего ведома создала штаб по организации разного рода профилактических мероприятий. Заседания штаба проходили «на выезде», в гостинице «Минск». Об этой факультативной деятельности депутатов я знал и не видел необходимости в нее вмешиваться. Дел и забот без того хватало.

20 августа почти одновременно на мое имя пришли два пакета директивных документов. Один за подписью Г. Янаева, другой — Б. Ельцина. Естественно с взаимоисключающими требованиями и одинаково жестким предупреждением о личной ответственности за их неукоснительное и немедленное исполнение.

Направлять «вниз», в районы и города, эти директивы не стал. Понимал, в какое положение поставлю председателей райгорсоветов и их исполкомов. Исходя из приведенных выше мотивов своего поведения, оба комплекта документов направил председателю Мособлисполкома А. С. Тяжлову и своим заместителям А. В. Долголаптеву и А. А. Полякову «для ознакомления и руководства с учетом решений высших органов государственной власти». Тем самым не загонял в угол указанных должностных лиц.

Спуск на тормозах гневных директив был для меня безумно мучительным и ответственным решением. Понимал, что кладу голову на плаху, над которой зависли сразу два топора, но отступать от своих принципов не стал. Спустя два-три дня эти документы особого значения уже не имели. 22 августа один из органов высшей государственной власти — Верховный Совет РСФСР принял решение, которое немедленно, в тот же день было доведено до председателей райгорсоветов области.

Но наиболее революционно настроенные депутаты не простили мне мое поведение в августовских событиях. Кое-кто быстро увлекся сыскной деятельностью — поиском местных «путчистов». Кстати, 22 августа президиум Мособлсовета официально создал рабочую комиссию по анализу деятельности руководителей исполнительных и распорядительных органов области в минувшие августовские дни. Возглавил ее С. И. Колонюк — депутат от Красногорского района.

Не ожидая выводов этой комиссии, некоторые депутаты — «ястребы демократии» в тот же день, 22 августа, учинили на меня сокрушительный налет. Дошло до публичных оскорблений. Молчаливая реакция членов президиума Мособлсовета на этот выпад озадачила меня более, нежели скандальное поведение двух-трех экзальтированных особей. Это было похоже на недоверие председателю Мособлсовета влиятельной группы депутатов, что неминуемо вело к расколу всего депутатского корпуса. Решил предотвратить такой исход и 26 августа заявил о намерении досрочно прекратить свои полномочия председателя Мособлсовета.

30 августа на внеочередной сессии областного Совета обратился к депутатам с личным заявлением по этому поводу. Аргументировал свой бескомпромиссный шаг в отставку стремлением предотвратить опасный раскол депутатской среды и, как результат, паралич всей деятельности Совета. Предупредил, что по этой причине категорически не приемлю попытку группы депутатов при голосовании заблокировать решение о моей отставке. Обратился к народным избранникам с просьбой переключиться с конфронтации на консолидацию всех своих сил в интересах дела, на пользу всему родному Подмосковию. Кажется, мои слова дошли до сознания депутатов. Областной Совет мирно освободил «Черепанова Ивана Михайловича от обязанностей председателя Московского областного Совета народных депутатов на основании личного заявления».

Решение оказалось трудным и болезненным не только для меня. Депутаты приняли его с неподдельным сопереживанием. Были аплодисменты, были публичные извинения «ястребов». Одно могу сказать: злобы и даже обиды ни на кого не затаил. В то же время сохранил уважительное отношение к себе депутатской среды. Продолжал свою деятельность в Мособлсовете рядовым, а при создании малого Совета тайным голосованием был избран в его состав.

В прошлом 2000-м году депутаты Мособлсовета памятного 21 созыва отметили 10-летие его образования. На юбилейную встречу прибыло большинство избранников жителей Подмосковию, получивших депутатские мандаты на выборах в 1990 году. «Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, в которых сражались они». Как-никак, а это была новая страница в истории подмосковных Советов. При всех огрехах, на сквозняке державных бурь и ветров именно этот депутатский корпус заложил сущие и поныне демократические основы деятельности представительных органов государственной власти в Подмосковию.

Так-то оно так, но в моей личной жизни произошел острый перелом. Немедленно съехал с госдачи в Барвихе и на несколько месяцев осел на кухне московской квартиры. На душе слякотно, мерзопакостно. Остановиться в жизни на полном скаку оказалось невероятно трудно. Началась борьба с собой за себя. В одиночестве. Друзей поубавилось. Все замкнулось в семье. Здесь — полное понимание и поддержка. Жена твердит: «Не унывай, ведь я продолжаю работать. Проживем на мои харчи...». Но разве дело только в бюджете семьи? Угнетает полная бездеятельность. Даже как депутат Мособлсовета и России два месяца был не у дел. Лишь в конце октября возобновил работу пятый Съезд народных депутатов РСФСР, прервавший свои заседания еще в июле. А на очередное пленарное заседание депутаты Мособлсовета собрались только 26 ноября.

В декабре моя жизнь наконец вновь наполнилась служением родному Подмосковию. Анатолий Степанович Тяжлов предложил потрудиться в Администрации области со свободным выбором поля своей дельности. Это был с его стороны мужественный поступок. В Администрации российского Президента на мне, наверняка, был поставлен

крест. Допускать таких опальных людей в исполнительную власть по меркам набравших силу «демократов» было недопустимо. По их системе оценки депутатов России мое реноме и ранее зашкаливало за -90 при вокале +100 баллов.

Вот почему я с чувством особой благодарности принял предложение А. С. Тяжлова. Высказал намерение потрудиться в налаживании и расширении связей Московской области с другими регионами России и бывших республик Советского Союза. Располагая прежними широкими связями с руководителями многих областей РСФСР, а также других союзных республик сознавал, что могу их использовать для установления полезных для Подмосковья деловых контактов. Анатолий Степанович согласился с этими соображениями и произвел меня в ранг Представителя Главы Администрации области.

В последующем он продвигал меня в областное правительство в качестве заместителя Главы Администрации по вопросам науки, промышленности и региональных связей, поручал руководство аппаратом Администрации, назначал своим представителем в Мособддуме. Можно сказать, я «воскрес» и, кажется, неплохо потрудились еще одну семилетку на пользу Подмосковья, доведя общий стаж службы в столичной области до 40 лет.

Завершая свои воспоминания, связанные с августовскими событиями, задумываюсь над вопросом: стоило ли вроде бы сугубо личные переживания вещать читателю? Но так ли уж очень личными были мои восприятия и реакция на череду августовских событий?

Объявление о «путче» вызывало много сомнений. Путч — слово немецкое, означающее авантюристическую попытку заговорщиков совершить государственный переворот. Но было очевидно, что никто из заговорщиков переворачивать существующий государственный строй не собирался. Напротив, объявлялось намерение предотвратить «ликвидацию Советского Союза, развал государства».

Да, заговорщики были.

Да, авантюризма в их действиях было более, чем достаточно.

Да, был дурацкий танковый поход на Москву (правда, в отличие от октября 1993 года, тогда танки не стреляли, тем более по парламенту своей страны).

Все требовало немедленной оценки Верховного Совета СССР — высшего органа государственной власти страны. Самосуд любой республики чрезвычайных обстоятельств в союзном государстве был сомнителен вот ведь к чему сводились мои «личные» переживания. Повторяю, так ли уж они были сугубо личными? Наверное, не случайно в своем заявлении Патриарх Московский и всея Руси отметил: «Мы надеемся, что Верховный Совет СССР даст принципиальную оценку случившемуся и предпримет решительные меры по стабилизации положения в стране».

19 августа постановлением Председателя Верховного Совета СССР был определен созыв 26 августа внеочередной сессии высшего органа государственной власти Советского Союза. К сожалению, ход событий был направлен в то русло, где непременно размывалось и могло произойти обрушение союзного государства. Случилось худшее: двоевластие в Москве породило разрушительные центробежные силы, которые разожгли костер конфронтации и сожгли на нем великое Отечество.

Опасность центробежных тенденций, столкновения России с центральной державной властью хорошо сознавалась советским руководством. Вспомним времена всевластия

Коммунистической партии СССР. Во всех союзных республиках имелись республиканские компартии со своими ЦК. Во всех, кроме РСФСР. В руководящем органе компартии Украины действовало даже свое Политбюро. Под напором некоторых авторитетных сил России в 1956 году было создано Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Но это далеко отстояло от образования республиканской компартии. Да и просуществовала эта партийная структура только до 1966 года. Так единая союзная держава ограждалась от опасности создания второго центра всемогущей власти, да к тому же с руководящим органом в Москве.

Однако уроки отечественной истории в демократическом угаре оказались не в почете. А ведь случилось так, что оценка августовским событиям изначально, в соответствии с законодательством была дана Верховным Советом СССР, то, как знать, и сегодня великая держава могла остаться единой. Это в полной мере соотносилось с итогами всенародного референдума о судьбе многонационального Советского Союза.

В отечественную историю трагические от начала и до конца августовские события должны уйти достоверно. Они еще ждут беспристрастных исследователей. В этих целях честные личные пометки могут оказаться полезными.



Семилетка в Администрации Московской области

В Администрацию Московской области рядовым аппаратчиком вступил 16 декабря 1991 года. Для организации связей Подмосковья с другими регионами запросил у А., С. Тяжлова штат из трех сотрудников. Подобрал толковых соратников: Н. Г. Савина, В. И. Забазнова, О. А. Лысакову. В последующем с расширением круга своих обязанностей пригласил к сотрудничеству Н. П. Бабашкину, А. И. Разгуляева, И. А. Авсенева. Работали дружно и слаженно. Никто не чурался никакого труда, что позволяло оперативно решать широкий круг задач в соответствии с моими нарастающими полномочиями.

Вначале решил реанимировать былые связи с Киевской областью. На Киевщине самостийной Украину исполком областного Совета возглавлял Василий Данилович Синько. Встретились с ним, как старые друзья. Политически разнополярной тогда оказалась областная киевская элита. Но это не помешало нам найти общий язык не только с В. Синько, но и сменившим его во главе исполнительной власти И. Капштыком. В 1992 году состоялся обмен визитами представительных делегаций. От мала и до велика население Подмосковья и Киевщины с восторгом встречали посланцев братских народов. Связи столичных областей закрепили договорами экономического и культурного сотрудничества на муниципальном уровне. На Киевщине все города и районы имели своего партнера в Подмосковье.

Таковыми же путями установились тесные связи столичных областей Белоруссии и России. Сам собою напрашивался вопрос о единении столичных областей всех бывших республик Советского Союза.

Я достаточно хорошо знал председателя исполкома Чуйской столичной области Киргизии Апаса Жумагуловича Жумагулова. В 80-е годы мы оба работали секретарями партийных комитетов по промышленности. А. Жумагулов в телефонном разговоре горячо поддержал идею содружества столичных областей СНГ и предложил провести в Бишкеке предварительную консультативную встречу. В марте 1993 года такая встреча представителей Алма-Атинской (Казахстан), Киевской (Украина), Минской (Белоруссия), Московской (Россия), Ташкентской (Узбекистан) и Чуйской (Кыргызстан) областей состоялась. Был подготовлен проект межрегионального соглашения и обосновано предложение о проведении в апреле Мытищинского «саммита» руководителей столичных областей.

Высокое «чаепитие» в Мытищах в назначенный срок состоялось. К представителям упомянутых выше столичных регионов присоединился Хаким (Глава) Ахалской (Туркменистан) области. Представители Закавказья отсутствовали лишь по той причине, что самостоятельных пристоличных округов в Азербайджане, Армении и Грузии нет. Ну а с прибалтами мы к тому времени разбежались далеко в разные стороны. Само по себе общение руководителей представительной и исполнительной власти столичных областей СНГ имело большой политический смысл. Встреча и взаимный договор о сотрудничестве столичных регионов были так или иначе одобрены президентами государств Содружества, завязались двусторонние связи.

Ядром многостороннего сотрудничества оставалось «славянское братство». В 1996 году была проведена череда выставок-ярмарок в Мытищах, Броварах и Минске. Они превратились в эффективную форму торгово-экономического сотрудничества. Это был инкубатор деловых связей руководителей и специалистов различных отраслей хозяйства трех областей. В те же годы наша область установила добрые отношения с Грузией и

Бухарской областью Узбекистана. В Средней Азии наиболее масштабной и разносторонней оказалась связь с Чуйской областью. Президент Кыргызстана А. Акаев и ставший премьером А. Жумагулов принимали личное участие в наиболее значимых мероприятиях двух столичных областей. Это «сокращало» тысячи километров между Москвой и Бишкеком. Русскоязычное население с упоением воспринимало все акции Подмосковья на киргизской земле. Дни Подмосковья в Чуйской области приобретали общенациональное, государственное значение.

Я получал огромное удовлетворение от наполненных былой дружбой народов встреч на Киевщине, Минской земле, в Казахстане, Киргизии, Туркмении, Узбекистане, солнечной Грузии. В народной массе, да и у большинства политиков воскресалась тяга к товариществу, рождённая советской эпохой. Мы занимались благородным делом, а пульс его давала моя малочисленная команда энтузиастов. Конечно, наши усилия без поддержки А. С. Тяжлова оставались бы холостыми выстрелами. Он сам хорошо сознавал большой политический смысл связей столичной области России, включал всех своих заместителей в контакт со своими коллегами в столичных регионах стран СНГ. А для меня это было продолжением прежней общественной деятельности по установлению и развитию связей городов и районов Советского Союза с партнерами за рубежом. Десять лет я возглавлял Ассоциацию породненных городов СССР и на этом поприще приобрел немало верных соратников в своем Отечестве и друзей во многих странах мира.



Народная дипломатия

Движение породнений городов зародилось в пламени Второй мировой войны. В 1943 году превращенные фашистами в руины города Сталинград и английский Ковентри заключили договор дружбы во имя мира на земле. Этот пример дружеских связей в последующем повторили тысячи городов нашей планеты.

Народная дипломатия, так метко окрестили это движение, осуществляется энтузиастами, которые в свою очередь приводят в действие муниципальные власти, возбуждают широкую общественность на единение людей всех частей света во имя мира и прогресса.

Довелось и мне в 80-е годы стать волонтером этого благородного движения. Тому способствовало мое положение главы столичного региона великой державы, депутата России и председателя Ассоциации породненных городов Советского Союза.

Не хочу заниматься подробными воспоминаниями о многочисленных поездках по различным краям белого света. Припоминаю два десятка государств, в которых проходили встречи с партнерами дальнего зарубежья на почве породнения городов и межрегиональных связей. Остановлюсь лишь на наиболее значимых акциях и обобщенных наблюдениях. Быть может, кое-что из сказанного будет полезно моим преемникам.

Московская область в упомянутые годы имела устойчивые связи с тремя пристолочными департаментами Франции, Миланской провинцией Италии и столичной провинцией республики Куба. Мособлисполком имел контакты и с другими зарубежными компаньонами, но они носили эпизодический, протокольный характер. В странах социалистического содружества Подмосковье имело родственные связи с Софийским округом Болгарии и Среднечешской областью Чехословакии.

Случайным или закономерным был такой выбор? Многое можно объяснить инициативой той или иной личности. Но не только.

Установление связей с Миланской провинцией во многом определялась Президентом джунты этой северной области Италии, коммунистом Гоффрид Андреини. Партийное братство с этим темпераментным, энергичным итальянцем определяло и выбор партнерства, и его суть. Вместе с тем миланцы представляли наиболее мощную в индустриальном отношении часть Италии. Мы знали, что здесь имеется богатый опыт кооперирования сельского хозяйства. Все это влекло нас друг к другу. В 1989 году с огромным успехом прошли «Дни Московской области в Миланской провинции». Взыскательный Милан восторгался выставкой уникальных экспонатов Загорского музея, ансамблем «Гусяры» под руководством Ю. Т. Евтушенко. Успешно выступала на миланской сцене Жанна Агузарова. Столь же привлекательной оказалась программа «Дни Миланской провинции в Московской области». Культурные связи превалировали в нашем сотрудничестве. Торгово-экономические каналы регионального содружества, к сожалению, были парализованы монополией государства в этой сфере и неконвертируемостью нашего рубля. Это было ущербным звеном всех наших межрегиональных связей.

«Красный пояс» Парижа традиционно тянулся к столичной области Советского Союза. А связь Подмосковья с Гаванской провинцией «породнил» кукурузоуборочный комбайн, спроектированный и сработанный на заводе имени Ухтомского в Люберцах. У люберчан

побывал Фидель Кастро. Мне, в те поры секретарю обкома партии по промышленности, посчастливилось возглавлять партнерство столичных регионов СССР и Кубы. Моим визави был Рамон Кастро — старший брат Фиделя. Авторитет его на острове Свободы был велик еще при диктаторе Батисте. Рамон являл во все обозримые времена заглавную фигуру в аграрном секторе страны. В социалистической Кубе славилось его племенное хозяйство в молочном животноводстве. Общение с этим подвижным, талантливо трудолюбивым человеком, большим другом Советской державы доставляло огромное удовольствие.

Что касается нашей дружбы со столичными округами Болгарии и Чехословакии, то она была органично присуща нашим братским народам и государствам, с обеих сторон энергично поддерживалась партийными организациями коммунистов. Здесь достаточно эффективно развивались связи в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства. Очень жаль, что встречные «демократические» волны размыли это содружество. Однако потенциал его и поныне велик. Использовать его будет полезно в интересах наших народов.

Вторая часть этой главы воспоминаний относится к деятельности Ассоциации породненных городов СССР, правление которой «по наследству» перешло ко мне в 1985 году. В последующем убедил эту миссию принять на себя А. С. Тяжлова, а далее — Р. С. Попковича. Ранее не афишировал, а сейчас признаюсь, что и к выборам нынешнего губернатора области Б. В. Громова президентом МАПГ (международной Ассоциации породненных городов — правопреемницы ассоциации СССР) я незаметно, через посредников, свою руку приложил. С удовольствием замечая, что он исполняет эту роль ответственно, эффективно и, по- моему, с удовольствием.

Полагаю, что никто из всей плеяды глав этого общества не отрицает: локомотивом его был и остается Сергей Васильевич Парамонов вместе с небольшой группой своих сотрудников, самоотверженных, беззаветных служителей Дела Породнения.

А теперь — по существу этого рыцарства. Международная жизнь, Международные отношения по глубинному смыслу этих понятий не должны оставаться монополией государств, государственных деятелей, политиков, дипломатов. Они в полной мере не могут состояться без прямых народных связей. Эту народную компоненту Международной жизни как раз и составляет движение породнений городов и регионов. Вот почему быть его участником почетно и увлекательно.

В середине восьмидесятых годов на межгосударственном уровне произошли позитивные сдвиги в отношениях между СССР и США. А породнения между городами этих великих держав были единичны. «Живыми» из них, пожалуй, были лишь две пары: Ташкент и Сизтл, Харьков и Цинциннати.

В 1986 году вместе с С. В. Парамоновым и председателем Ташкентского горисполкома Ш. Мирсаидовым вылетели в Америку для установления контактов с Ассоциацией породненных городов США. В те поры ее возглавлял Ричард Ньюхайзел. Мы попали в струю потепления советско-американских межгосударственных отношений. У Горбачева появился «друг» Рейган.

В Лос-Анджелесе мы договорились с Ньюхайзелом довести число породнений американских и советских городов до ста. Эта цель была достигнута за три-четыре года. Важно было наполнить эти связи деловым общением побратимов. Две ассоциации организовали пленарные встречи представителей городов-побратимов. Задача была не из

легких. Океан и в наше время остается высоким барьером для непосредственного общения людей. Первой перескочила океан американская делегация в 1989 году. Приняли мы ее в Ташкенте. Благодаря Ш. Мирсаидову американцев ослепило наше советское гостеприимство. На пленарных и секционных встречах вырабатывались общие принципы установления и развития побратимских связей, обсуждались актуальные проблемы городов. А затем представители американских городов разъехались по всеям нашей страны к своим побратимам, где заключались и уточнялись двусторонние договора сотрудничества. Такая двухактная форма встреч была удачной организационной находкой, наполняла их выработкой конкретных программ сотрудничества. Этот подход в последующем тиражировался на наши связи с другими зарубежными партнерами. Вторую советско-американскую встречу предусматривалось провести в сентябре 1991 года в Цинциннати, в центрально расположенном на американском континенте штате Огайо. Авиарейсов из Москвы на Цинциннати не было и нет. Вот здесь мы столкнулись со многими трудностями. Первая — наш родной «Аэрофлот» запросил за два чартерных рейса самолета ИЛ-86 (по численности наша делегация на любом ином воздушном лайнере не размещалась) 330 тысяч долларов и 640 тысяч рублей. Рублей мы наскребли, а валюты у Ассоциации не имелось. Вот тогда я с С. Парамоновым предпринял многоходовой прием решения этой проблемы. В июне направились к вице-президенту СССР Г. И. Янаеву. Расчет на его - содействие вычисляли из прошлой деятельности Геннадия Ивановича в Союзе советских обществ дружбы, коллективным членом которого являлась наша ассоциация. С его помощью на своей просьбе о выделении валютных средств получили высочайшую визу Горбачева в адрес премьер-министра СССР В. Павлова с поручением решить поставленный вопрос. Реакция последовала незамедлительно. Премьер взорвался и, не стесняясь в выражениях, высказал мне все, что думает обо мне и нашей затее. Жестко заключил: «Валюты у меня на такие цели нет!» Мы достаточно хорошо знали друг друга. Так что обиды за «мужской» разговор я не имел, а предпринял второй заход на разгневанного главу правительства с конкретным предложением не выделять валюту Ассоциации, а принять решение уменьшить «Аэрофлоту» родовой валютный взнос в союзный бюджет на запрашиваемую нами сумму. Предварительная договоренность с руководством «Аэрофлота» у меня имелась. И вот таким образом 23-го июня мы заполучили соответствующее распоряжение премьер-министра. Но грянувшие в августе события подорвали веру американских коллег в нашу возможность организовать выезд советской делегации в Цинциннати. Мы же, преодолев все трудности, 12 сентября чартерным рейсом своевременно прибыли на встречу с американцами. Делегация насчитывала более 300 человек. Встреча проходила в течение девяти дней и была весьма эффективной. Авторитет нашей Ассоциации заметно окреп не только среди американцев, но и в своем Отечестве.

Подробно вспомнил о наших побратимских связях с городами США, учитывая особую значимость взаимопонимания народов двух супердержав мира, а также для того, чтобы раскрыть существо и механизм подобных связей. Столь же масштабно и динамично развивалось наше сотрудничество с городами Германии, Италии, Финляндии и ряда других стран. В последние годы Ассоциация определила еще один вектор в своей деятельности — установление и развитие побратимских связей в рамках СНГ. Значение их трудно переоценить.

Что я выявил и осознал в сфере народной дипломатии? Тяга людей к сотрудничеству, человеческому общению, интернациональной дружбе повсеместна. Материализуясь в породнении городов и регионов, она укрепляет взаимное доверие народов и снизу

подпирает, подталкивает политиков к конструктивному диалогу. Появляется взаимопонимание, позволяющее человеку вырваться из примитивного представления иного мира за пределами своего отечества.

Породнения городов и регионов — это народные университеты по обмену знаниями, накопленными человечеством и разбросанные по разным уголкам планеты. Они по принципу сообщающихся сосудов взаимно обогащают людей, выравнивают возможности решения многих задач и проблем, характерных для всего человеческого общежития.

Народная дипломатия развеивает мифы о кознях и отсталости нашей страны, укрепляет ее авторитет. За десять лет широкого общения на ниве породнений я ни разу не слышал от своих разноязычных партнеров вопросов по поводу повального нарушения прав человека в советскую эпоху. Раздуваемые стайкой диссидентов, да нашими «правозащитниками», подобными С. Ковалеву, они не проявляются в народной среде за рубежом. Мы оказывались интересны для своих новых друзей совсем по иным поводам. Удивление и восхищение вызывали наши открытость и простота общения, бесплатная медицинская помощь, строительство жилья за государственный счет, изумительно низкая плата за все виды коммунальных услуг, невиданная ранее социалистическая общность людей, коммунистическая этика и мораль. Уважение к Советской державе порождали ее выдающаяся роль в разгроме немецкого фашизма, достижения в освоении космоса, вклад наших народов в мировую сокровищницу культуры.

Все это пора понять нынешним правителям России от Президента и Госдумы до губернаторов, мэров и прочих должностных лиц. Ассоциация должного внимания со стороны государства, к сожалению, не ощущает. А в той же Америке Ассоциация породненных городов своим почетным президентом имеет главу государства, начиная еще с Дуайта Эйзенхауэра, и пользуется мощной державной поддержкой. Пример, достойный подражания.



Депутат России

Мимоходом ранее касался своей депутатской деятельности на федеральном уровне. Она имеет особый смысл, и кое-что о ней следует сказать особо.

Трижды выдвигали меня в высший орган государственной власти России избиратели Орехово-Зуевского района. Дважды — на выборах депутатов в Верховный Совет РСФСР, а в 1990 году — в состав Съезда народных депутатов России.

В какой мере мне удавалось исполнить свой долг перед избирателями в своем округе, частично упоминал в своем повествовании. Дополнительно к сказанному могу отметить, что удалось реально содействовать газификации района. В частности, в моем активе — газификация поселка Ильинское. И здесь мне огромную помощь, как и в строительстве путепровода через железную дорогу, оказал Анатолий Сергеевич Савинов. Постоянных усилий требовало также множество личных Просьб избирателей. В те поры мы внимательно относились к любой человеческой нужде.

Немало времени отнимала работа в самом Совете. В марте 1985 года на первой сессии Верховного Совета 11-го созыва меня избрали председателем планово-бюджетной комиссии. В состав комиссии вошли 48 депутатов. Вместе с другими депутатскими комиссиями нами ежегодно в деталях рассматривался проект плана экономического и социального развития России и его финансовое, бюджетное обеспечение. Уже на второй сессии в декабре 1985 года мне довелось доложить Верховному Совету заключение депутатских комиссий по плану и бюджету на 1986 год. С учетом мнения депутатов высший орган государственной власти утверждал представленные правительством основные параметры роста экономики и развития социальной сферы Федерации. Таким образом, через план высший орган Советской власти определял курс всей жизни российского народа. В этом заключается принципиальное отличие в деятельности верховного органа народной власти в рамках социалистической системы хозяйствования от ограниченной роли его (Госдумы) в рыночных условиях, к тому же рынка преимущественно дикого. Конечно, в общей законотворческой деятельности мы, депутаты прошлых созывов, значительно уступали нынешним народным избранникам. Но в определении основной сути социально-экономических процессов в обществе наши полномочия были несравнимо шире и основательней. Выполнять такие задачи приходилось без прекращения своих трудовых обязанностей. Депутатская активность при этом обходилась государству значительно дешевле. На содержание всех, подчеркиваю — всех органов государственной власти, управления и судебной системы тогда расходовалось менее одного процента бюджетных средств. В то же время более 40 процентов бюджета направлялось на финансирование социально-культурных мероприятий, в том числе около 16 процентов на просвещение и 9 процентов — на охрану здоровья населения.

На третьей сессии в июле 1986 года мне пришлось делать содоклад «О пятилетием плане экономического и социального развития РСФСР на 1986-1990 годы». С основным докладом выступил Председатель Совета Министров В. И. Воротников. Это была последняя созидательная пятилетка России. И какая пятилетка!

Двенадцатый пятилетний план Советского Союза и всех республик, в него входящих, демонстрировал истинную стратегию советского государства. Стержнем ее являлся неуклонный рост народного благосостояния на основе динамичного развития социалистической экономики. Национальный доход России предусматривалось за

пятилетие прирастить на 23,5 процента против 17,8 процента, достигнутых за предыдущую одиннадцатую пятилетку. А это — источник повышения реальных доходов каждой семьи, дальнейшего развития здравоохранения, народного образования, культуры, ускорения темпов жилищно-коммунального строительства. Планируемый национальный доход позволял осуществить строительство школ на 3,5 миллиона ученических мест — в полтора раза больше в сравнении с предшествующим пятилетием. Потенциал народного здравоохранения прирастал на 188 тысяч больничных коек. Планировалось в два раза увеличить строительство клубов и дворцов культуры, а ввод новых домов для инвалидов и престарелых людей — в 2,6 раза.

Вот так намечалось использовать в XII пятилетке средства, зарабатываемые советскими людьми. Сравни, уважаемый читатель, потоки национального богатства последнего десятилетия прошлого века и воочию увидишь коренную разницу социалистических и псевдодемократических преобразований. Шоковая терапия реформаторов девяностых годов, хищническая приватизация общенародных богатств, беззастенчивое присвоение результатов труда россиян переключили поток денежных средств на счета новоявленных господ, олигархов, криминальных сообществ. И строятся на эти средства дворцы по всему миру. И работает рубль, перекованный в доллар, вложенный в зарубежный банк, не на отечественную, а иностранную экономику. Таким образом, трудяга-соотечественник обкрадывается дважды.

Отмечу еще одну существенную особенность двенадцатой пятилетки. В ее перспективе отчетливо обозначился ход назревших экономических реформ. Оставляя за собой стратегическое регулирование социально-экономических процессов, государство существенно сокращало сферу директивного планирования, реально расширяло полномочия трудовых коллективов, открывало дорогу предпринимательству. Все более права смещались с государственного на региональный уровень. Возрастала роль местных Советов народных депутатов, обозначились всходы истинного федерализма, муниципального самоуправления.

В 1990 году сформировался новый высший орган государственной власти — Съезд народных депутатов России. Из трех выдвинутых кандидатур в состав Съезда избиратели Орехово-Зуевского района вновь отдали предпочтение мне.

В общей численности 1046 избранных российских депутатов 887 человек числились членами КПСС. Именно числились. В делегации города Москвы — это соотношение выражалось 40 к 58, а в нашей областной депутатской группе 28 к 39. Но тогда уже трудно было представить коммунистами таких депутатов Москвы и области, как М. Бочаров, Г. Горелов, Ю. Иванилов, К. Кобец, В. Лысенко, О. Попцов, Н. Травкин, С. Филатов, С. Шустов, С. Юшенков. Перечень таких депутатов можно продолжать. Ведь и Б. Ельцин еще носил в своем кармане партбилет КПСС.

И все же реальная фракция коммунистов в составе Съезда народных депутатов поначалу была самой многочисленной. Я от начала работы Съезда и до разгона его Б. Ельциным оставался членом этой фракции, хотя к октябрю 1993 года она заметно «похудела». Свой голос при принятии принципиальных решений, как правило, сопоставлял с позицией фракции.

Закономерен вопрос: почему при таком соотношении сил в среде депутатов Съезд, в конечном счете, избрал Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина? Ведь знали же коммунисты, в какой лагерь перешел этот «большевик».

Одна из причин — среди депутатов оказалось немало проходимцев, состоявших в КПСС, кои к тому времени провели «обмен» партийных билетов на «баксы» или иллюзии псевдодемократии. Так что настоящих «штыков» в коммунистической фракции депутатов Съезда было значительно меньше статистических цифр Мандатной комиссии депутатского форума.

Но и при этом борьба шла остро, по лезвию противоборства разума и безумия. Напомню, как сложно решался этот вопрос. При тайном голосовании, прошедшем 26 мая 1990 года, ни один из кандидатов на пост Председателя Верховного Совета не набрал требуемого большинства голосов. За Б. Ельцина проголосовали 503 депутата, против его кандидатуры высказались 529 депутатов. И. Полозков получил «за» — 458, «против» — 574.

Перед следующим туром голосования я выступил с трибуны Съезда. Отметил, что хорошо знаю и Ельцина, и Полозкова. Но учитывая, что более половины депутатов уже дважды голосовали против того и другого, считаю недопустимым избрание Председателя Верховного Совета из этих кандидатур с перевесом в каких-нибудь пять-десять голосов. Высказался в поддержку А. В. Власова — бывшего Председателя Совета Министров РСФСР.

Я действительно хорошо знал Б. Н. Ельцина и внутренне был убежден, что при его непредсказуемом, амбициозном, мятущемся характере возглавлять государство недопустимо. Что касается прогноза об избрании главы государства сомнительным большинством голосов, то ошибся я ненамного. 29 мая с третьего захода Б. Ельцин еле-еле перевалил планку необходимого большинства депутатской поддержки в 531 голос. Он получил «за» — 535 голосов, «против» — 502. А. Власов имел 467 голосов «за» и 570 — «против».

Вот так, всего лишь с запасом «прочности» в 4 голоса, прошло становление Б. Ельцина во главе Верховного Совета России. История не любит сослагательных оценок, но, думаю, что, если бы на выборах баллотировался такой авторитетный человек, как Виталий Иванович Воротников, результат выборов мог быть иным. И не только выборов.



Моя семья — «Содом» (Совместный Дом)

Как следует из повествования, моя трудовая жизнь складывалась до 1991 года по восходящей. Соответственно нарастали и нагрузки. Да и последующие семь лет до перехода на заслуженный отдых также легкими не назовешь. Для такого житья-бытья необходим крепкий тыл — надежная, дружная семья. Эту опору я всегда имел в своем складном трехуровневом общежитии.

У нас с Мариной Сергеевной «маячит» уже «золото». Блеск его приходится на 2003 год. Надеемся счастливо дотянуть. Программу свою - иметь сына и дочь мы выполнили еще в пятидесятые годы. Сейчас сыну Михаилу полных 46 лет, а дочери Лене — 43. Духовно мы не только совместимы, но и одномерны. Это — дорогого стоит. За их мораль и поведение мне краснеть не приходится. От них — хорошее наследие: четыре внука с размахом в возрасте от 13 до 23 лет. У дочери совместная жизнь сложилась нескладно. А у сына связка с женой Мариной прочная. Итак, в нашем «Содоме» сейчас девять человек. Конечно, не каждый день мы все в сборе. Конечно, есть проблемки не только «отцов и детей», но также «дедов и внуков». Не без того. Но основные устои «Содома» крепкие.

Хорошо уживались в моей семье в течение целого ряда лет отец и мать Марины Сергеевны, а также моя матушка Александра Михайловна. Для полноты своего житейского счастья отмечу исключительно доброе отношение ко мне своих сестер Тоси и Люси. Обе — старше меня. К сожалению, самая старшая оказалась «за рубежом»: ее семья давно обосновалась в Киеве. И, к счастью, тоже прилично расплодилась. А Юлия Михайловна живет неподалеку, в Балашихе, что позволяет нам быть постоянно вместе.

Стучу по дереву, дабы все это мое благополучие сохранилось на всю «оставшуюся жизнь».

Моя «оставшаяся жизнь» ведет отсчет с марта 1998 года. В третий раз и уже бесповоротно решил перейти на заслуженный отдых. Выше упоминал, что впервые пенсионером стал в 1990 году из гордости. Болезненно воспринял намек «сверху»: нужно уступить дорогу молодым. Идет «перестройка». Уступил, но жизненный водоворот в том же году вновь вынес меня на поверхность. Второй уход на пенсию в августе 1991 года был спровоцирован снизу. Влиятельная в августовской круговерти группа депутатов фактически выразила мне свое недоверие как председателю Мособлсовета. И, наконец, в 1998 году шаг в «оставшуюся жизнь» сделал исключительно, по собственному убеждению, государственную службу завершать нужно вовремя. Подходил к своему семидесятилетию. Действительно пора было уступать дорогу молодым. Перестраиваться с государственной службы на рыночную, коммерческую деятельность ни по возрасту, ни — еще более — по своему характеру не захотел. И о том не жалею.

Конечно, переход на заслуженный отдых никому радости не доставляет. Но это же не уход из жизни. Он опасен, если погружаешься в уныние и скуку. Цицерон в своем трактате «О старости» утверждал: есть «недостатки не старости вообще, а старости праздной, ленивой и сонливой». Это справедливо к старости, начальную пору которой тот же Цицерон относил за 80 лет жизни человека. Но сказанное великим римлянином о старости вдвойне справедливо к ее преддверию. Безделье мне было неведомо с молодых ногтей. А с выходом в «оставшуюся жизнь» сам поразился, сколь много дел «по дому». Тем более, что за пять предыдущих лет создал для своего «Содома» совместный дом — дачу с земельным участком в двенадцать соток. На любом подворье делам и заботам конца не бывает.

Из общественной жизни также не исключен. В 1999 году произведен в сан Почетного гражданина Московской области. Благодарен всем, кто на губернском уровне, в городах и районах Подмосковья проявляет ко мне свое почтение.

Особая признательность доброй памяти калининградцев-королёвцев. Минуло более тридцати лет нашей совместной работы в городской партийной организации, но и поныне с моими калининградскими друзьями сохранились добрые связи. В свою очередь не перестаю сопереживать с ними все жизненные ситуации. Радуюсь, как в сложных условиях город самостоятельно выживает и среди поместий Подмосковья лидирует в своем развитии. Столь же близки мне житейские обстоятельства орехово-зுவцев, которые более десяти лет доверяли мне представлять их интересы на государственном уровне.

Удивительно памятливы и учтивы ко мне мои соратники по сотруду во всемирном движении породнений городов и регионов. Мне дает огромное удовольствие встречаться с этими искренними. Обидно, что сегодня уже не могу оказывать им содействие народной дипломатии.

Тем, кто стоит на пороге заслуженного отдыха, добавлю еще одну чашу довольствия в «оставшейся жизни». Только в этот период проявляет возможность насладиться богатствами наших книжных кладовых, добраться вновь или впервые до Пушкина и Лермонтова, Горького и Достоевского, Данте и Шекспира, Сократа и Аристотеля. За два года перечитано более, чем за предыдущие четыре десятка лет. А сколько еще не прочитано! Какая уж тут скука.

Жизнь полнокровно продолжается!



Эпилог

Из предисловия возвращаюсь в эпилоге к вопросу: почему мое перо сегодня источает прошлое?

Сказывают, что великий Гете вообще отрицал прошлое. Его соотечественник и поклонник, загадочный для нас Ницше тоже прошлому не благоволил. Только ли они? И стоит ли в мыслях идти вопреки им? Стоп! Но ведь одно из своих ранних филологических и философских творений тог же Ницше озаглавил «О пользе и вреде истории для жизни».

Заметьте, в первую очередь, о пользе. Значит, не все так просто в нашем отношении к прошлому. Вернусь к Гете. Мне понятно его неприятие своего «свежего» прошлого. Бюргерское наследие, надо полагать, величайшего немца не прельщало ни во Франкфурте-на-Майне, где он родился, ни в Веймаре, где безуспешно пытался радикально обновить немецкую государственность. Я б к подобному прошлому в своем отечестве тоже не тяготел.

К счастью, новейшая история моего Отечества иная. Как не потянуться к прошлому, если произошел трагический откат назад?

Вот почему я уделил внимание прошлому, чтобы у него взять ровно столько, сколько необходимо для настоящего и будущего. Ницше в предисловии к упомянутому юношескому филологическому и философскому труду ведь тоже отметил: «Конечно, нам нужна история... для жизни и для деятельности...».

Полистал Гете. Наткнулся на 7 куплетов «Завета» 80-летнего Иоганна Фольфганга. Приведу несколько строк из этого произведения великого поэта и мыслителя.

«Кто жил, в ничто не обратится!

Повсюду вечность шевелится.

Причастный бытию блажен!

...Старинной правды не забудь!

Воздай хваленья, земнородный,

Тому, кто звездам кругоходный

Торжественно наметил путь.

...В ничто прошедшее не канет,

Грядущее досрочно манит

И вечностью заполнен миг».

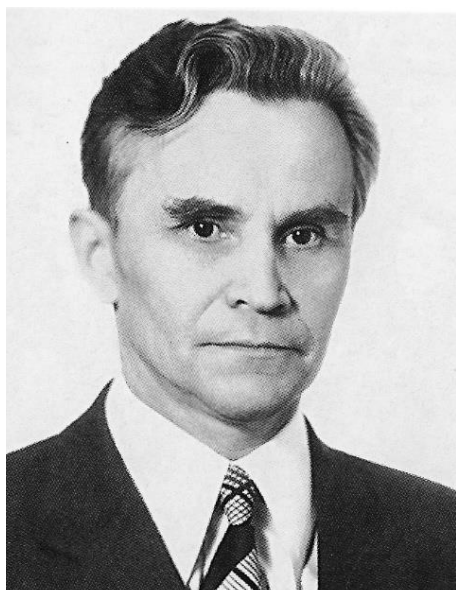
Я попытался своими воспоминаниями заполнить миг в 70 лет, пропустив их через себя. Ограниченно? Да. Но любая история, любой ее эпизод нуждается в свидетелях. Только из «свидетельских показаний» можно вынести приговор человеку, событию, народу. Призываю своих современников славного и смутного периодов истории нашего Отечества высказать свое слово «о прошлом и о себе». Мыслью это не только как фундаментальные писательские труды», но и как газетные очерки, живые дискуссии на радио и телевидении. Если, конечно, хозяева «независимых» СМИ нас на свой подиум допустят.

Жизнь продолжается! Прошлое, настоящее, будущее сплетены в единую цепь и порвать ее никому не под силу. Нельзя из этой цепи удалить любое звено, в том числе и эпоху Советской власти. Я спроецировал ее | предлагаемом читателю сочинении через свою жизнь. Сказал то, что думаю, рассказал о том, что пережил.

Спасибо всем, кто дошел до последней строки моей исповеди.



Вместо послесловия: беседа с автором



*Черепанов И. М. (р. 1929), советский
государственный и партийный деятель.*

Член КПСС с 1957.

С 1959 на партийной и советской работе.

С 1981 секретарь МК КПСС.

С 1986 председатель Мособлисполкома.

Кандидат в члены ЦК КПСС с 1986 года.

Когда судьба неожиданно предоставляет возможность встретиться и побеседовать с человеком неординарной биографии, грешно не воспользоваться случаем и не задать вопросы о недалеком советском прошлом, об оценках настоящего и взглядах на будущее. Многие из нас недовольны нынешним положением в России, но мало найдется таких, кто способен не только по-стариковски брюзжать, но, анализируя сделанные ошибки, готов предложить реальный путь к решению проблем...

Иван Михайлович, коммунистическая идеология разрушена, новых форм воспитания гражданина пока не выработано, призыв правительства к терпимым отношениям в обществе в то время, когда растет пропасть, разделяющая бедных и богатых, вряд ли сможет привести к гражданскому миру. Какой выход из создавшейся обстановки видите вы, какая, по-вашему, роль в решении этого вопроса принадлежит государственным структурам?

Действительно, прежняя идеология отброшена, но и новая не сформирована. И как следствие, — паралич общественного сознания, духовный вакуум, порождающий в обществе смерч безнравственности. Какой выход из создавшейся обстановки? Надо отчетливо понимать, что восстановление идейных, нравственных устоев будет посложнее возрождения разрушенной экономики. В первую очередь надо думать о Молодом поколении, внимательно рассмотреть школьные программы, те разделы знания, которые формируют нравственность подростков: историю Отечества, литературу. Эта задача достойна первостепенного внимания президента, правительства, законодательных органов власти. Отечественная педагогика в состоянии дать исчерпывающий ответ на вопросы, поставленные жизнью. Но потребуются соответствующее финансовое сопровождение этой проблемной задачке.

Я убежден, что предметом особой заботы должна стать именно система народного образования. В конце концов, старшее и среднее поколения переделывать уже поздно, да и нужды в том нет. А вот за молодежь надо бороться. И из коммунистической идеологии надо взять все полезное. Ну, скажите, чем отличаются основные заповеди христианства и коммунистические идеалы? Уверен, третье тысячелетие их объединит. Ведь религия — это тоже идеология, а идеология в своем роде — религия.

Что же касается, как вы сказали, пропасти, разделяющей богатых и бедных, то равных условий в обществе, тем более современном, не может быть.

Но ведь коммунисты в свое время провозгласили равенство...

Да, — равенство, но ни один коммунист не отказался от принципа «От каждого по способностям, каждому — по труду». Надо уметь ценить интеллект человека. Рождаются гении, самородки, почему же их надо низводить до всей основной массы? Это недопустимо в первую очередь и для самого общества.

Но возможно ли государству нивелировать разрывы в социальном положении тех или иных своих граждан?

На мой взгляд, примирить сегодня несправедливо нажитое богатство с нищетой значительной части нашего общества невозможно. Не может быть равенства между березовскими-гусинскими и им подобными и остальным обществом.

Если же человек имеет большой доход, заработанный интеллектом, собственным трудом, в том никакого противоречия я не вижу.

Не кажется ли вам, что если государство провозгласило себя социально-ориентированным, как об этом записано в Конституции, то оно обязано взять на себя заботу о тех людях, которые сейчас пребывают в нищете, и довести их положение до нормального уровня существования?

Заботу о своих гражданах государство должно проявить, в первую очередь, путем реализации права на труд и справедливой оплаты этого труда. Конечно, государство же обязано и формировать фонды социального обеспечения различных социальных групп общества. Все это органы государственной власти могут обеспечить, и тем лучше, чем полнее будет стимулироваться труд и расширяться сфера труда. Но надо еще предотвратить расхищение народного богатства. Должен быть инструмент ограничения несправедливого богатства и жесткий механизм предотвращения массового оттока капитала из России. Я глубоко убежден, у президента, правительства эти возможности имеются.

Нашего соотечественника, человека труда новые господа-богатеи обкрадывают дважды: первый раз, когда благодаря приватизации прибрали к своим рукам народное богатство, второй раз, когда несправедливо нажитый капитал вывозится за рубеж. Там он создает новые рабочие места, увеличивает благосостояние иностранцев. Вот почему я не вижу возможности для компромисса в этом отсеке наших проблем.

А кто может взять на себя обязанность определить, справедливо или несправедливо нажито богатство? Прокуратура? Президентский совет? Или сам президент?

Думаю, здесь будет трудно исправить ранее содеянное. Начать следует с того, чтобы на будущее перекрыть известные нечестные пути накопления богатства. Не надо гоняться за тем, что уже свершилось, хотя, возможно, для острастки стоило бы завести через прокуратуру уголовное дело. Важнее прервать процесс формирования несправедливого богатства — потому что рано или поздно человек труда может и взорваться ...

Не секрет, что наше общество сейчас переживает кризис во многих сферах и в том числе в области института семьи. Семья уже не провозглашается самой главной ценностью, ячейкой общества, в какой-то степени пропагандируются свободные отношения между юношами и девушками, а результат — брошенные на произвол судьбы дети. И если во время войны — это можно было понять, то в мирных

условиях появление детской беспризорности — позор. А ведь именно они являются тем исходным материалом, из которого черпают себе пополнение криминальные структуры. Иван Михайлович, вы опытный и мудрый человек, много лет были на государственной службе, можно ли дать совет нашему правительству, что надо делать?

Полагаю, здесь есть прямая связь с разрушением идеологической основы общества. Если же говорить о кардинальных мерах, которые могут и должны быть приняты правительством, представительными и законодательными органами, то, в первую очередь, следует перекрыть тот аморальный поток, который обрушивается не только на юное поколение, но даже и на людей зрелого возраста, через телевидение и иные средства массовой информации. И правительству, под прикрытием ложно используемых свободы слова и независимости «четвертой власти», уходить от решения подобных вопросов непозволительно.

Совершенно очевидно, независимых СМИ не бывает. На мой взгляд, к мыслям Владимира Ильича Ленина нет-нет, да и надо возвращаться. Прочитую: «Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся, для рабочих и крестьян, надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и покупать газеты...» Разве это не актуально сегодня? Вот почему очень важно остановить разгул «четвертой власти».

Словом, дело не только в семье, которая в подавляющем большинстве влияет на ребенка положительно. Но ведь, к сожалению, при таких эффективных СМИ, как «телики-видики», рычаги влияния на подрастающее поколение у семьи оказываются урезанными. Поразительно, что государство платит огромные средства за пустые зарубежные сериалы, которые значительно уступают нашим лучшим отечественным картинам. Почему нельзя это изменить? Ведь государство на СМИ расходует большие деньги, реально присутствует на телевидении в качестве учредителя, акционера и совершенно определенно может влиять на политику любого телеканала. Учитывая то влияние, которое электронные средства массовой информации оказывают на молодое поколение, в нынешних условиях ленинское положение неплохо было бы реализовать в полной мере. Независимых СМИ у нас нет, они в руках у новоявленного капитала, у богачей, которые несправедливо нажили деньги и подчинили себе могучее средство влияния на массы людей. Разве Киселев, Сорокина, Доренко, Сванидзе независимы? Никогда в это не поверю!

Можете себе представить, как возмутятся те же самые СМИ, когда попытаются их взять под контроль, когда они лишатся свободы выплескивать на экраны телевизоров, страницы газет и журналов все, что развращает наше общество...

А почему они не возмущаются подконтрольностью со стороны новых хозяев-олигархов? Но ответ на этот вопрос нужно давать уже не мне.

К сожалению, понятия «свобода», «демократия» настолько извращены, что становится обидно за эти слова. Абсолютной свободы никогда не бывает, человек не может быть свободен от законов общества.

В свое время Академия наук СССР небольшим тиражом издала книжку с публикацией законов Кумранской общины, которая реально существовала во времена Христа на берегах Мертвого моря. Найденные в тех местах древние свитки были расшифрованы, и что вы думаете? Община к каждому своему члену предъявляла очень жесткие требования.

С современных позиций, может быть, даже очень жесткие, но они эффективно оберегали интересы общины от «свободного» своеволия своих сограждан.

Подчеркиваю, не может быть человек абсолютно свободен от общества, его законов, традиций. На этой основе нужно ограничивать лже-свободу и лже-демократию. К сожалению, все, что произошло с советским обществом на наших глазах, было прописано Даллесом еще пятьдесят лет назад. И сегодня в реализации этого сценария мы выступает в роли статистов...

Вы хотите сказать, что Даллес и его преемники добились своих целей?

Безусловно. Помните, в начале перестройки Бжезинского принимали, как самого близкого друга. Того самого Бжезинского, который разработал алгоритм разложения Советского Союза. Тогда много говорили об открытости нашего общества. Теперь-то мы видим, чем это все обернулось. Поэтому правительство, партии и общественные движения должны вернуть понятиям свободы и демократии их истинную суть. Эти Снятия очень емкие, нужные каждому народу и нашему Отечеству в том числе. Но без подмены этих понятий.

Вы заметили, что сейчас роль семьи в деле воспитания детей претерпела некоторые изменения, поскольку большую часть информации подростки черпают из телевидения, а родители в это время заняты добыванием хлеба насущного. Как и на чем должны строиться отношения в семье?

Только на личном примере родителей: их порядочности, честности, Трудолюбии. Никакая дидактика в семье не сформирует ни сына, ни дочь, ни внуков. Пример старших — вот основной ключ воспитания молодого поколения в семье.

Недавно видела фрагмент фильма, в котором дочь бросила упрек отцу: «Что толку, что ты был честным инженером, теперь ты — никто!»

Из этого порыва молодой дивчины выглядывает другая проблема: мы, точнее скоропалительные реформаторы духа и нашей экономики, почти под корень извели и опозорили труд. Это трагедия нашего народа. Отторгнуть человека от труда больших усилий не нужно, поскольку психология человека, внутренняя натура его склонна к тому, что лучше бы не работать. Но ведь суть формирования человека в том и состоит, чтобы восстановить почтительное отношение к труду. Разве можно сербе представить, чтобы в пятидесятые, шестидесятые годы кто-то из дертей посмел сделать подобный упрек своим родителям? Невозможно, потому что труд перекрывал все жизненное пространство и молодежи, взрослых.

Я с глубочайшим уважением отношусь к Патриарху Всея Руси Алексию II. Но меня поразило, когда в июле 1991 года, выступая на инаугурации Президента РСФСР, Святейший позволил себе, на мой взгляд, ошибочную оценку, заявив, что «три поколения воспитывались в условиях, отчуждавших людей от труда...». А кто же тогда создавал заводы, кто выиграл войну? Кстати сказать, в Великой Отечественной войне победила наша социалистическая идеология. Но это была и война экономик. Опять же победила социалистическая экономика... Разве можно давать подобную оценку поколениям, которые привели общество, народ, государство от сохи до полета в космос?

Недооценка труда в прошлом и теперь — опасное дело. Хочу опять сослаться на Ленина, который в свое время говорил, что, если страна находится в трудном состоянии, надо спасать трудящегося. «Спасем трудящегося, спасем все». А сегодня я с горечью

наблюдаю, как даже в подмосковной деревне добрая половина мужиков разленилась и разучилась трудиться. Единственная мысль в голове, как бы что-то украсть или подзаработать на бутылку водки. И больше ничего!!! Смысл их жизни в этом! Люди не хотят работать. Вот что страшно!

Но как изменить эту ситуацию?

Бюджетные средства и накопления предпринимателей надо все в большей мере направлять на развитие производства, создание новых рабочих мест. Россия сможет возродиться только через труд, а через достаток постепенно начнет меняться и психология людей. В нашем прошлом можно найти много перегибов, но в памяти еще живо, как после разрушительной войны, не попросив за рубежом ни одного доллара, в течение четырех — пяти лет Советский Союз восстановил довоенный уровень экономики. Вот какое было отношение к труду! Не надо стесняться в некоторых случаях даже слегка и понуждать молодежь к труду. Но главное — создать условия для наращивания производства, увеличения рабочих мест. Привлекательный труд, что магнит, притянет к себе! все работоспособное население.

В этом ведь опять решающая роль принадлежит государству?

Безусловно! Возможно, следовало бы уменьшить бюджетные ассигнования в некоторых других областях, но дать возможность предпринимателям значительную часть прибыли направлять на развитие отечественного производства. У нас просто нет другого выхода!

Надо культивировать труд через телевидение. Обратите внимание, как Киселев, Сорокина вели на НТВ телепередачу «Глас народа». Но где там был народ? В ту аудиторию рабочего человека не допускали. А в рабочей среде, кстати, встречаются удивительно умные люди.

А вам не кажется, Иван Михайлович, что мизерная зарплата специалиста, не позволяющая прокормить семью, девальвирует само понятие «труд»? Гораздо проще здесь купить, а там продать...

Ну, в принципе «купи-продай» — тоже сфера труда. Надо возрождать и расширять всю сферу труда. Если прибавочный продукт будет в основном направлен именно сюда, то вознаграждение сталевара, станочника, специалиста станет нарастать и будет достаточным для того, чтобы себя воспроизводить, как производительную силу, и семью содержать. Не надо отнимать у человека труда того, что он создал как прибавочную стоимость. А сейчас значительная часть прибыли беззастенчиво прикарманивается новоявленными владельцами «фабрик, заводов и пароходов». Несомненно, предприниматель должен иметь хорошее вознаграждение за свой труд, но нельзя же беззастенчиво воровать прибавочный продукт. Надо по достоинству оценивать труд рабочего и крестьянина, конструктора и инженера.

Иван Михайлович, помнится, раньше были пионерские, комсомольские организации, которые воспитывали, идейно готовили молодое поколение к Самостоятельной жизни. Теперь этого нет, молодежь, что называется, брошена на произвол судьбы. И опять мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили выше: воспитывает телевидение, улица, различные журналы, но кто-то ведь должен нести ответственность за подготовку и воспитание молодежи, в том числе и специалистов, людей труда?

Действительно, и пионерская организация, и комсомол эффективно формировали нравственность молодого поколения, его цели, устремления. Теперь все разрушено. Сегодня нет другого выхода, как на уровне законодательной власти, президента, правительства выработать организационные устои формирования молодежных организаций, содействовать их зарождению и развитию. Это задача не только партий или общественно-политических движений.

Здесь мы опять упираемся в вопросы идеологии. Никакой молодежной структуры без четкой идейной основы быть не может, в лучшем случае все и выродится в «качалки». Надо взять все полезное, что было в молодежном движении прежних лет.

Пионерская организация, комсомол в своей деятельности руководствовались коммунистической идеей. Сейчас в обществе отсутствует общенациональная идея... Тем временем Русская Православная Церковь выдвинула тезис об укреплении российской государственности, воспитании гражданственности, возрождении духовности народов России. Интересно, что скажет по этому поводу атеист Черепанов?

Христианство, его родную ветвь Православие воспринимаю как культуру народа. Христианство, конечно, изменилось за две тысячи лет и в значительной мере отличается от первых веков своего существования. Однако, как атеист, глубоко уважающий верующих людей, отдать религии первенство в формировании целей, устремлений, морали нравственности отдельного человека и общества в целом не могу. Эти времена безвозвратно прошли.

Повторяю, что в третьем тысячелетии христианские заповеди и коммунистические идеалы обязательно сольются. И вот почему. Человечество в своем развитии не остановится. Это аксиома. Капиталистический способ общественного производства все равно будет реформироваться и у человечества, кроме коммунистических идеалов, впереди ничего нет. Пусть кто-нибудь попробует мне преподнести другие идеалы посткапиталистической формации. Не надо отрицать коммунистические идеи только потому, что на каком-то этапе кто-то их исказил, исковеркал. Кстати сказать, попробуйте в жизни какой-то идеал превратить в реальность! Столько глупостей наделаешь.

А что, по-вашему, может явиться национальной, объединяющей идеей для России сейчас?

Ничего иного, кроме любви к Отечеству, которая может произрастать из осознания великого прошлого своей Родины. На сегодня мы — общество, которое насильственно отторгнуто от прошлого как реального житейского опыта. Это надо исправить. Ни у одного народа никогда не состоялось ни настоящее, ни будущее без извлечения полезного из прошлого.

Как дерево через корни получает живительные соки, так и государство питают его история, прошлое...

К сожалению, я до сих пор не могу определить породу тех сил, которые взорвали, опошлили, уничтожили великое достояние народа, наше государство...

Иван Михайлович, вы человек — государственный и, конечно, понимаете, поскольку сильный Советский Союз был яркий пример того, как может развиваться общество и государство, то он был не нужен, его надо было уничтожить, стереть с лица земли...

Не только Советский Союз был противен почти всему остальному миру. И Россия всегда была костью в горле у тех, кто ее окружал. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Поговорим о далеких временах... Вспомните, какие исторические события прокатились по Руси. Чингиз-хан, Батый — ветвь того же величия, Чингиза. Мы ничего не говорим об Атилле, а ведь он тоже прошел через Русь до Венгрии и Италии. Почему я сейчас заговорил о гуннах, Чингиз-хане, Батые? Была великая сила, которая оказалась не подмятой и другими вражьиими полчищами. Российский дух — могучий рычаг нашего возрождения, выхода из окаянного состояния, в котором находится наше Отечество.

Может быть, Россия на самом деле представляет опасность для западного общества, купающегося в роскоши? С точки зрения сокровенных знаний, Россия — душа Земли, а тысячелетняя борьба между силами Добра и Зла нашла свое продолжение на бескрайних российских просторах, и наше государство — своего рода оселок, на котором проверяется человеческая цивилизация: к чему более она готова — к Добру или все же к тому темному, разрушительному?

Думаю, все выглядит значительно проще. Новейшая история всему миру показала, что в России могут состояться совершенно иные неведомые ранее взаимоотношения в обществе. Р. Роллан, посетивший Советский Союз, по свидетельству яркого публициста Михаила Кольцова, восхищался «новыми человеческими отношениями» в нашей стране. Мудрого француза это восхищало, а кому-то стало грозным знаменем возможных грядущих перемен.

Я побывал во многих западных странах, общался с теми, кто имеет власть, и с простыми людьми. На Западе многие всегда поражались тому, как в СССР можно бесплатно получить квартиру. Что же это за такой строй и общество, где сформировано бесплатное здравоохранение и образование. В Советском Союзе возникла совершенно уникальная общность людей. Конечно, это был исторический эксперимент, и мне кажется, Запад убоялся, что его результат может увлечь народы других стран сокрушить или существенно изменить общественный строй иных государств.

Существует такое мнение, что в СССР, в том числе в Советской России был построен классический государственный капитализм с огромной силы концентрацией тоталитарной власти. Что вы скажете на это?

Это чепуха! Под тоталитаризм подвели разумное, честное государственное распределение общенародного богатства, и в первую очередь, той прибавочной стоимости, которую создает Труд.

Сказки о партноменклатуре, привилегиях порождена и элементарная человеческая зависть, которая, известно, не имеет границ. Те привилегии, которые имеют ныне новоявленные господа и многие чиновники не идут ни в какое сравнение с надуманными и непомерно раздутыми «привилегиями» прежней «номенклатуры».

Я был кандидатом в члены Центрального Комитета партии, депутатом Верховного Совета, председателем Облисполкома. Но кроме служебной машины и дачи, кстати сказать, очень скромной, ничего не имел и не мог иметь. Да, я получал талоны, по которым имел право обедать в так называемой кремлевской столовой. Но обедать мне было некогда, и моя супруга отоваривала эти талоны продуктами. Была это привилегия? Безусловно. Нужна ли она была? Не знаю. Может быть. Если учесть, что всю неделю в сумасшедшем режиме я был занят на работе, включая субботы и воскресенья. Но,

повторяю, наши «коммунистические привилегии» ни в какое сравнение не вдут с сибаритством тех, кто ныне награбил народное добро. И не только наших доморощенных нуворишей. Посмотрите на «житье-бытье» пионеров борьбы с привилегиями, которых в свое время возглавил сам Б. Н. Ельцин. Только операция умножения в состоянии определить их нынешние привилегии в сравнении с условиями оплаты труда партийных и советских работников до перестроечного периода.

Сказки о прошлых привилегиях были придуманы и вручены рвущимся к власти псевдодемократам как идеологическое оружие, как дубина для сокрушения устоев социалистического общества и государства. Я поименно знаю авторов этой идеологической отравы. Но их имена не заслуживают упоминания по причине пакостного характера этих людей.

Иван Михайлович, скажите, почему же благородные идеи, заложенные Советской властью, потерпели фиаско? Почему власть не стала народной, почему мы оказались у разбитого корыта?

Здесь присутствует еще один вопрос — почему КПСС позволила себя так обрушить? Это вопросы одного порядка.

У каждого излома в истории есть предтеча. Еще в шестидесятые годы коммунистическая партия должна была отойти от принципа всевластия. Не думайте, что я только сейчас до этого созрел, я и тогда был убежден, что политической партии не надо было все брать на себя? Если все брать на себя, то, значит, и отвечать нужно за все. Так оно и получилось. Пенять туг не на кого.

Была ли во время Советов власть народной? Вопрос сложный. Попробуйте определить критерии и механизм народной власти. Это что? Вроде Новгородского Вече? И все-таки существенные признаки власти рода были очевидны. Представительные органы — Советы народных депутатов состояли из посланников всех социальных слоев и групп общества. В них были рабочие и спецы производства, врачи и учителя, коммунисты и комсомольцы. Но пробраться в Совет человеку из криминальной среды, путем подкупа избирателей было совершенно невозможно. А какую важную роль в общественно-политической жизни имели трудовые коллективы! Вот вам ответ на вопрос: «...почему власть не стала народной.» Она была значительно более народной, нежели сейчас.

Её потенциал ее был неисчерпаем.

Иван Михайлович, наверное, нельзя все же отбросить то положительное, что было наработано коллективным разумом советского общества? И что следует считать в этом опыте положительным?

Я остался при своих убеждениях, которые сегодня менять не собираюсь. Привержен тем ценностям, которые творил своими руками как председатель Планово-бюджетной комиссии Верховного Совета России, как председатель плановой комиссии Московской области, как председатель Облисполкома. Но фетишизировать плановую экономику не собираюсь. Ее надо было реформировать, вычищать от излишнего вмешательства, которое себе позволяла коммунистическая партия.

Нельзя же было все до мелочей диктовать из ЦК КПСС. В восьмидесятые годы надо было освободить плановую основу развития экономики государства от партийного диктата. Зачем нужен был отдел торговли в ЦК КПСС? Чушь! Я был убежден, что такой же отдел или отдел коммунального хозяйства были неуместны в обкоме партии.

И все же из прошлого опыта можно извлечь много полезного. Например, крупные социально-экономические программы, которые формировались на плановой основе и реализовывались практически на 100 процентов — вот что надо было взять! А этого, к сожалению, до сих пор не усвоили наши нынешние представительные и исполнительные органы.

Ведь в чем заключается принципиальная разница между прошлым и настоящим в сфере управления народным хозяйством страны? Кроме государственного бюджета, ранее был еще план экономического и социального развития Российской Федерации. Я с большим уважением отношусь к деятельности Государственной Думы и ее бюджетного комитета, но они занимаются только бюджетом, а планом развития всего народного хозяйства государства не занимается никто. Вот где изъян. Государственная Дума должна владеть комплексным планом экономического и социального развития нашего Отечества, как набором крупных целевых программ.

Вам не кажется, что наше общество было сознательно введено в заблуждение, что, якобы, в условиях рыночной экономики планирование вообще не нужно. Хотя теперь выясняется, что и в капиталистическом мире существует институт планирования. Ведь даже в рамках семейного бюджета супруги считают, как им потратить деньги...

На этот вопрос отвечу так: а зачем вообще нужно государство? Государство — институт, работающий на общество, обязано в своих руках держать рычаги влияния на развитие экономики. Разве не на плановой основе государство осуществляет меры против инфляции, роста безработицы в США, Англии, Германии, Японии? А как действовали правительства Германии, Америки в кризисные периоды? Планомерный целевой подход не раз спасал эти государства от экономических и финансовых катаклизмов.

Иван Михайлович, на наших глазах произошло разрушение Советского Союза под флагом обретения свободы, широких прав граждан, не кажется ли вам, что это была своего рода завеса, некие декорации, а на самом деле сейчас в стране царит криминальный беспредел, чиновничье всевластие, а обычный, рядовой, законопослушный человек оказывается беззащитным. Что, по-вашему, необходимо для утверждения подлинных прав и свобод российского гражданина?

С распадом великой державы, каковой являлся Советский Союз, к сожалению, реализована стратегия наших противников. Часто говорят о неизбежности распада империй, ссылаясь на крушение Византийского, Римского и некоторых других колоссов. Но подобные сравнения с Союзом Советских Социалистических Республик, на мой взгляд, не уместны. Скажем, империя Александра Македонского не могла быть долговечной, поскольку была им наспех сколочена в завоевательных походах. Римская империя основывалась также на военных завоеваниях. Ее погубила Византийская империя, которую в свою очередь похоронила Османская империя, что тоже было закономерно, поскольку Византия не представляла собой единого целого. Подобным путем канули в лету Османская, Британская империи. Российская же империя, СССР были основаны на завоеваниях. Поэтому такую «империю» можно было взорвать только изнутри, как это и произошло. Режиссеры этого развала известны и разыграли они свой сценарий до финального занавеса над нашей великой державой.

А для утверждения подлинных прав и свобод российского гражданина для начала надо прекратить потоки грязи, которые льются на наше прошлое. Нужно воскресить наше

достоинство, наши подлинные державные ценности. Когда же будет восстановлено в полном объеме конституционное право на труд, то и наш соотечественник будет чувствовать себя сполна свободным человеком и гражданином.

Иван Михайлович, говорят, что во времена Советской власти мы были угнетенными настолько, что даже не понимали этого. Вы были на комсомольской работе, государственной службе, занимали высокие посты, наверное, осознавали себя и просто рядовым гражданином, вы ощущали себя свободным человеком?

Безусловно. Относительно угнетения: это же несусветная чушь. Меня поражает, что интересные, умные люди эту чушь тиражируют до сих пор. Можно как угодно издеваться над стахановцами, участниками движения за коммунистический труд, но ведь 90, а я считаю, что все 100 процентов, участников этого движения были искренние, увлеченные люди.

Сейчас мы, якобы, живем по-настоящему в демократическом обществе, где выборы проводятся на альтернативной основе, и кандидаты во власть в период проведения предвыборной кампании рисуют радужные перспективы своим избирателям, ну а потом вдруг о своих обещаниях забывают....

Очень непростой вопрос. Пожалуй, я не смогу предложить чего-то конструктивного, как это безобразие прекратить. И все же при выборах президента, губернатора, мы, как граждане, можем потребовать от кандидата сугубо предметной и конкретной программы; что он предполагает достичь, сделать для государства или региона. Мы взяли из европейской и американской избирательной системы самое худшее: использование в предвыборной борьбе компромата, бутафории, славословия, что не свойственно российскому менталитету. Для нас всегда была характерна жесткая связь слова и дела. Я не хочу огульно обвинять демократов и демократию в несостоятельности, однако большинство из них ворвались во власть на босу ногу, у них за душой были одни слова.

Теперь, кажется, обстановка потихоньку меняется.

Россия по уровню природных ресурсов на душу населения считается одной из богатейших стран на планете, вместе с тем мы живем в труднейших экономических условиях. Все хорошо помнят прошлую зиму, когда в отсутствии топлива буквально замерзал Приморский край. Не кажется ли вам, что политика нынешних демократических властей, направленная к тому, чтобы, продавая природные ресурсы, наполнить бюджет страны — пагубна. Ведь речь идет о не возобновляемых ресурсах нашей земли, разумна ли такая политика?

Здесь можно предпринять только одно, о чем я уже говорил — воскрешать труд. Нужно, чтобы основным источником богатства народа, государства был труд, а не распродажа природных ресурсов, которые должны быть основой производительного труда у себя в стране.

Можно ли воспитать человека хозяйственного, радеющего за интересы государства?

В Советском Союзе была и эффективно действовала школа воспитания кадров. Сначала рабочий, потом мастер, начальник цеха, директор завода... И обязательно все эти «классы» надо было посетить с пользой для себя. Таких людей, которые прошли жизненную академию, служили Отечеству, государству, народу, я сотнями держу в своей памяти. При системном подходе к воспитанию кадров лощеных предпринимателей, которые сейчас

появляются за счет того, что они где-то уворовали и где-то «приватизировали», мы не увидим. Надо возвращаться к прошлому опыту Кто это будет делать? То, что делала в прежние времена партия, теперь на себя должно взять государство.

Как вы полагаете, какова роль современной России в рамках Европейского сообщества и в мировом масштабе?

Ни Европа, ни мир в целом без России немыслимы. Ее географическое положение, ее интеллект и природные богатства обязано признать все мировое сообщество.

Нет ли у вас сожаления, что благодаря Горбачеву была утрачена громадная страна, мощный организм, который мог диктовать свою волю миру...

Я бы так трансформировал этот вопрос: а нужен ли был Горбачев для истории нашей? Может быть, и нужен... Некого Мессию ждали все и поначалу за спасителя Отечества Горбачева приняли многие. И я — не исключение.

Чего я не могу простить Горбачеву, так это, во-первых, то, что он начал перестройку, не определившись в конечной цели. Теперь это абсолютно ясно.

Во-вторых, — того, что он заигрывал с Тэтчер, старшим Бушем, Бжезинским и в то же время сдавал верных друзей Советского Союза. Это пагубное дело еще более «успешно» продолжил Ельцин.

Наконец, он позволил под покровом демократии, общечеловеческих ценностей разгуляться той нечистой силе, которая взорвала изнутри все общество и государство.

Российская история полна назидательных примеров. Владимир Красное Солнышко, духовно вооруживший русичей. Княгиня Ольга, мудро правившая русским народом за погибшего мужа и малолетнего сына. Василий III, Иван III — собиратели великой Руси. Митрополит Филарет — прародитель династии Романовых. Петр Первый, Екатерина Великая, Ленин, Сталин. Управлять Россией на исторических перекатах могли только особо крупные личности. Сейчас, к сожалению, мы находимся на личностном мелководье. Будем надеяться...

Беседу вела Наталья Кузнецова

Библиотека «Созвездие Московского Меридиана издательства «Современные тетради»

Иван Михайлович Черепанов

«МОЯ СУДЬБА - В СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВА. О прошлом и о себе»

Издательство «Современные тетради» Генеральный директор,
главный редактор издательства — В. Г. Красненков Редактор — Г. Д. Гордусенко
Оформление и компьютерная верстка Б. В. Королева

ЛР № 040548 от 30. 12. 1997 г.

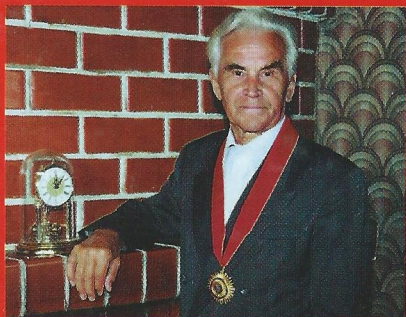
Сдано в набор 10.09.2001 г. Подписано в печать 1.11.2001 Формат 60x84i/i6. Бумага
офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. 11 п. л. Тираж 500 экз.

Компьютерный набор и верстка издательства «Современные тетради»

117393, Москва, ул. Архитектора Власова, д. 51

Отпечатано в ЗАО «Красногорская типография» 143400, г. Красногорск,
Коммунальный кв., д. 2. Заказ № 3520

В электронный вариант переведено с согласия родственников в 2016 г.



ОБ АВТОРЕ.

Почетный гражданин Московской области. Порядковый номер его удостоверения — третий. Впереди — В. И. Конотоп и Н. Т. Козлов. Имена в Подмоскowie широко известные.

Автор книги Подмоскowie отдал все 45 лет своей трудовой деятельности. А родился в глубинной вятской деревне. Там, в колхозе, трудиться начал подростком. В 18 лет был удостоен медали “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”. Среди других государственных наград — два ордена Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов.

В 1957 году вступил в КПСС. На XXVII съезде партии избран в состав Центрального Комитета КПСС. Трижды избирался народным депутатом России.

В 1986-1991 годах возглавлял исполнительную и представительную Советскую власть Московской области.

С 1998 года на заслуженном отдыхе.

Семейное богатство: жена, сын, дочь, четыре внука.